

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РАН

Д. Б. МАЛЫШЕВА

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ УЗЕЛ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Москва
ИМЭМО РАН
2010

УДК 327
ББК 66.4(54)
Малы 20

Серия “Библиотека Института мировой экономики и международных отношений”
основана в 2009 году

Малы 20

Малышева Д.Б. Центральназиатский узел мировой политики. – М.: ИМЭМО
РАН, 2010. – 100 с.
ISBN 978-5-9535-0261-0

В работе анализируются проблемы, связанные с определением места постсоветских государств Центральной Азии в современной мировой политике. В центре внимания находятся следующие вопросы: характеристика Центральназиатского региона (ЦАР), особенности его политической трансформации, традиционные и нетрадиционные вызовы безопасности; “многовекторные” международные отношения государств ЦАР; европейское измерение (Россия и Европейский союз) их внешней политики; взаимодействие с крупными региональными государствами Азии и Среднего Востока; место Центральной Азии в стратегии США и центральназиатский компонент операции многонациональных сил в Афганистане/Пакистане; международные инициативы по поддержанию безопасности ЦАР; перспективы международных отношений и роли в мировой политике центральназиатских государств.

The publication analyses the changing role of the post-Soviet Central Asian states in the contemporary world policy. A special attention is given to the following issues: features of political transformations in Central Asia; traditional and non-traditional challenges to its regional security; international relations inside Central Asia; main directions of Central Asian states' “multi-vector” policy; the European dimension (Russia and the European Union) of Central Asia's foreign policy; the interaction within a wider Asian framework; the interplay of Central Asian states with major regional powers in the Middle East; the place of Central Asia in the U.S. global strategy; a Central Asian component of multilateral operations in Afghanistan/Pakistan; international organizations' approaches towards Central Asian security issues; Central Asia's perspectives in the international relations and world policy.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0261-0

© ИМЭМО РАН, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ КАК СЕГМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ МИРОСИСТЕМЫ	6
Характеристика Центральной Азии как региона и особенности политической трансформации его государств	6
“Многовекторные” международные отношения государств Центральной Азии	15
Глава 2. ЕВРОПЕЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ	36
Фактор России	36
Центральная Азия и Европейский союз	43
Глава 3. МЕЖДУНАРОДНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ С ГОСУДАРСТВАМИ АЗИИ И СРЕДНЕГО ВОСТОКА	52
Приоритеты в регионе Китая и Японии	52
Конкуренция и сотрудничество в формате Центральная Азия – Южная Азия	59
Роль государств Среднего Востока	65
Глава 4. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИИ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ	74
Стратегия США	74
Международные инициативы по поддержанию безопасности Центральноазиатского региона	82
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	93
ЛИТЕРАТУРА	96
Об авторе	100

ВВЕДЕНИЕ

В центре данного исследования, которое охватывает в основном 2000-е годы, находятся пять центральноазиатских государств (ЦАГ) — Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан и Туркмения. Они появились на мировой арене в результате распада Советского Союза и оказались, вследствие перемещения в последние годы многих международных процессов из Европы в Азию, на пересечении конкурирующих интересов, как региональных, так и глобальных.

Окружающая Центральноазиатский регион (ЦАР) мировая среда стремительно меняется: в ней традиционные международные отношения, где фигурируют главным образом государства и двусторонние взаимосвязи, все чаще сменяются новым по содержанию международным взаимодействием, участниками которого выступают не только государства и межправительственные организации, но и негосударственные *акторы* — неправительственные организации, ТНК, внутригосударственные регионы и т.п. Само такое взаимодействие становится, по наблюдению известного российского востоковеда В. Я. Белокреницкого, “все более тесным, взаимосвязанным и взаимообязывающим”¹. Другой российский ученый, специализирующийся на исследовании международных отношений и мировой политики — В. Барановский, обращает внимание на такую примечательную особенность формирующейся международной системы: в ней “произошло и продолжает происходить перераспределение удельного веса между различными существующими и возникающими центрами влияния, в частности, в том, что касается их способности оказывать воздействие на другие государства и мир в целом. Главная интрига в формирующейся международной системе разворачивается по линии отношений между развитым и развивающимся миром... Мир уже не делится на относительно небольшую индустриальную часть и множество слаборазвитых стран. Теперь сложилась другая формула: группа традиционно высокоразвитых стран и все более тяготеющая к ним группа стран с динамичной переходной экономикой”². Все это говорит о том, что в современном мире происходят серьезные перемены и фундаментальные преобразования. Что касается международных проблем, то и они рассматриваются теперь чаще всего “во взаимосвязи друг с другом и в едином общемировом контексте”³.

Наряду с изменившимися реальными влияниями в современном мире, иным балансом сил в нем, формируются и новые компоненты и факторы системы глобальной безопасности. Ей угрожают ныне в основном негосударственные субъекты — этнический сепаратизм, религиозный экстремизм и прикрывающийся, как правило, религиозной личиной транснациональный терроризм. Глобального масштаба достигла и такая угроза, как наркобизнес, а также неконтролируемое распространение оружия массового уничтожения. Значительное место стали занимать угрозы деградации природной среды — в том числе загрязнение воздуха, глобальное потепление, уменьшение лесных массивов и т.п. Серьезное значение приобрела и угроза войн из-за воды. Многие из этих угроз и вызовов весьма актуальны и для Центральной Азии.

Существенное влияние на развитие мировой политики в целом и ее центральноазиатского сегмента, в частности, продолжают оказывать процессы глобализации. Такое внешнее влияние имеет для ЦАГ неоднозначные последствия.

¹ Белокреницкий В.Я. Восток в международных отношениях и мировой политике. М., 2009, с. 16.

² Барановский В. Трансформация мировой системы в 2000-х годах. — Международные процессы. М., 2010. Том 8, Номер 1 (22), с. 6.

³ Лебедева М. М. Мировая политика. М., 2006, с. 125.

Оно, с одной стороны, способно трансформировать авторитарные общества региона в сторону восприятия ими отдельных элементов либерально-рыночной модели; глобализация создает также благоприятные условия для сотрудничества с развитыми странами Запада государств ЦА, остро нуждающихся в современных технологиях; она стимулирует экономическую модернизацию, способствует большей вовлеченности отдельных ЦАГ в мировые экономические процессы. Но, с другой стороны, глобализация, оставляя национальным государствам незначительные шансы на сохранение своего экономического, политического и культурного суверенитета, усиливает тенденцию к превращению ЦАГ в сырьевой придаток развитого мира. Это уже привело ряд стран региона к одностороннему развитию финансовой системы и народного хозяйства, поставило их в зависимость от колеблющихся мировых цен на энергоносители, инициировало в отдельных случаях развитие “голландской болезни”.

Справедливости ради, стоит заметить, что в таких негативных тенденциях часто повинна не только глобализация, но и избранное самими ЦАГ направление развития. А потому кризисные явления в них обусловлены во многом также и внутренними факторами. В их ряду – отсутствие устойчивого роста на рыночной основе, ущербность внутреннего рынка с его неэффективными несырьевыми секторами, незавершенность процессов нациестроительства, острота социальных и национально-этнических проблем, коррупция, клановость и пр.

Усилившаяся в регионе международная конкуренция провоцирует здесь нестабильность. Подрывая в известном смысле суверенитет государств ЦАР, глобализация расширяет возможности ТНК и контролируемых Западом международных структур безопасности – таких, как НАТО и ОБСЕ – влиять в выгодном для Запада направлении на местные, слабо структурированные политические системы. Речь идет о манипулировании политическими процессами в этих странах с помощью “цветных революций” и других новейших политических технологий, о прямом вмешательстве во внутренние дела государств ЦАР. В сфере экономики ТНК получают возможность контролировать неконкурентоспособные рынки центральноазиатских государств, имея возможность в случае необходимости выводить из национальных экономик ЦАР финансовые ресурсы, создавать нестабильность спроса и мировых цен в отношении экспортируемых товаров. Это делает национальный бизнес ЦАГ слабым и зависимым, поскольку местным производителям сложно конкурировать с западными компаниями и контролируемым Западом мировыми финансовыми институтами.

Все эти проблемы так или иначе освещены в многочисленных исследованиях по Центральной Азии (см. раздел “Литература” в конце книги). В них, однако, недостаточное внимание уделено выявлению места ЦАГ в современной мировой политике. Данная работа является попыткой восполнить этот существующий в нашей научной литературе пробел. Постсоветские республики ЦАР рассматриваются автором и как самостоятельный (региональный) сегмент формирующегося полицентрического мира, и как часть европейской Евразии, и как развивающаяся подсистема Азии, и как особый компонент современных глобальных процессов с особым удельным весом в них афганского международно-политического компонента. Такой *многоуровневый* подход позволяет составить представление о международных отношениях в ЦАР, их перспективах, а также о той роли, которую отводится государствам ЦАР в современной мировой политике. Несомненно, понимание происходящих в ЦАР и вокруг него новых международно-политических процессов важно для обеспечения российских национальных интересов, определения путей возможного движения ЦАГ в будущее. Все вместе взятое придает проведенному исследованию высокую актуальность.

ГЛАВА 1. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ КАК СЕГМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ МИРОСИСТЕМЫ

Важное место Центральной Азии (ЦА) в современной мировой системе определяется вполне конкретными факторами – обладанием странами данного региона топливно-энергетическими ресурсами, транзитными возможностями, открывающими (или закрывающими) доступ к стратегически важным регионам Южной и Восточной Азии, Среднего Востока. Эти факторы, а также другие специфические особенности ЦА, позволяют характеризовать ее как сегмент (регион) современного полицентричного мира, как его особую формирующуюся подсистему.

Характеристика Центральной Азии как региона и особенности политической трансформации его государств

ЦАР занимает обширную (около 4 млн. кв. км) территорию, не имеющую выхода к океану. Международной экономической и политической активности стран ЦА создают определенные препятствия и другие географические барьеры: гористый ландшафт, труднопроходимые пустыни и полупустыни и пр. Все это заставляет ЦАГ осуществлять в настоящее время экспорт и импорт своих товаров преимущественно через Российскую Федерацию и Иран.

Население региона, в совокупности насчитывавшее в июле 2010 г. свыше 61 млн. человек (15.460. 484 в Казахстане, 5.508.526 в Киргизстане, 7.487.489 в Таджикистане, 4.940.916 в Туркменистане, 27.856.738 в Узбекистане)⁴, не столь значительно по мировым меркам. Но ЦАР обладает богатыми запасами сырья (нефть, газ, золото, медь, алюминий, уран и пр.). По данным Всемирного банка, экспорт нефти и газа составляет в разных странах региона от 30 до 40% от общего объема, и доходы от продажи этих углеводородов формируют значительную часть бюджетных поступлений, обеспечивая основные ресурсы для инвестиций и развития. Экономика стран ЦА в целом схожа, но вот векторы их экономического развития различаются.

Расположенный в “сердцевине” ЦА *Узбекистан* занимает в регионе особое геостратегическое и геополитическое положение. Его простирающиеся на 6221 км государственные границы соприкасаются со всеми государствами ЦАР, а также с Афганистаном. В них проживают многочисленные узбекские диаспоры, которые могут, при желании, стать для Узбекистана важным рычагом влияния. Обладающий богатейшими природными ресурсами (золото, медь, природный газ, нефть, уран) и являющийся местом сосредоточения (или, как сейчас принято говорить, *хабом*) транзитных коридоров, Узбекистан в 2007-2008 гг. достиг 9-процентного экономического роста, снизившегося в первой половине 2009 г. из-за экономического кризиса до 8%⁵. Государство контролирует здесь в основном всю экономическую деятельность, что вкупе с элементами централизованного планирования и стратегией, основанной на импортозамещении, препятствует экономической либерализации и проведению структурных реформ, значительно ограничивает развитие частного предпринимательства.

Казахстан и Киргизстан, сделав интеграцию в глобальную экономику целью своего экономического развития, провели серьезные макроэкономические реформы,

⁴ http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/region/region_cas.html

⁵ <http://go.worldbank.org/3L4P0K4NQ0>

что позволило признать их странами с рыночной экономикой. Другое дело, что результаты проведенных в обеих странах преобразований неодинаковы.

Казахстан остается одним из лидеров экономического роста не только в ЦА (ВВП Казахстана больше, чем экономики всех центральноазиатских стран вместе взятых), но и на постсоветском пространстве, и его экономическая система считается наиболее свободной по сравнению с остальными странами ЦАР. Важнейшим фактором стремительного увеличения ВВП Казахстана является развитие нефтяной и газовой отраслей, являющихся и основными получателями зарубежных инвестиций. Именно доходы от экспорта углеводородов становятся основным ресурсом для модернизации экономики республики, хотя в этой ситуации есть и обратная сторона – сильная зависимость экономики от сырьевого экспорта. В 2008 г. 11% ВВП Казахстана приходилась на промышленное производство, 5% – на сельскохозяйственное, в то время как полезные ископаемые, нефть и газ составляли 73% экспорта и 39% ВВП. Рост ВВП Казахстана составил в 2000 - 2007 гг. 7%, уменьшившись в условиях глобального экономического кризиса до 3% в 2008 г. и до 1% в 2009 ⁶. Однако уже в первой половине 2010 г. объем ВВП республики достиг 8%⁷.

А вот *Киргизстан*, наиболее последовательно выполнявший рекомендации Международного валютного фонда и Всемирного банка, но так и не достигший устойчивого экономического роста, очутился после двух “революций” в состоянии глубокого экономического и политического кризиса (см. об этом подробнее ниже).

Таджикистан, считавшийся и в советские времена беднейшей союзной республикой, все еще ощущает последствия внутреннего конфликта 1990-х годов, и республика так и не смогла найти сил и ресурсов для проведения коренных преобразований. Однако Таджикистан играет вместе с Киргизстаном важную геостратегическую роль в регионе, благодаря тому, что обе республики контролируют 90% всех водных ресурсов ЦАР. Таджикистан, кроме того, открывает доступ к беспокойной Ферганской долине; республика граничит с китайским Синьцзяном, является оазисом ирано-персидской культуры и самым дальним военным форпостом России – благодаря ее военному присутствию здесь – в бывшем СССР.

Туркменистан, экономика которого базируется исключительно на доходах от экспорта газа (по его запасам Туркменистан занимает четвертое место в мире), приступил с 2007 г. к реформированию отдельных секторов (углеводородного, финансового, промышленного), однако в целом контроль государства над всеми базовыми отраслями экономики остается достаточно сильным. Прирост ВВП в 2008 г. составил в Туркменистане почти 10%, и в силу незначительного вовлечения в глобальные процессы экономика республики оказалась мало затронутой экономическим кризисом. Опираясь на свой природный потенциал, выгодное геостратегическое положение на Каспии и верный своеобразно понимаемой им политики нейтралитета, Туркменистан до последнего времени исключал свое участие в региональных интеграционных процессах.

Центральноазиатские государства образуют в целом схожее между собой в историческом, культурно-религиозном и цивилизационном планах пространство. Оно в советские времена определялось понятием “Средняя Азия и Казахстан”, что было связано с делением СССР на экономические районы. В собственно Среднеазиатский район входили четыре советские союзные республики – Киргизская, Таджикская, Туркменская и Узбекская; отдельно от Среднеазиатского существовал Казахстанский район. В 1992 г. президент Казахстана Н. Назарбаев на

⁶ <http://www.worldbank.org/kz/>

⁷ <http://www.ca-news.org/news/442951>

встрече глав Средней Азии предложил использовать применительно ко всем пяти независимым государствам региона термин “Центральная Азия”, который, наряду с прежним наименованием — Средняя Азия, занял прочное место в политическом и научном обиходе.

Существуют и другие интерпретации ЦА как региона. Иранский ученый М. Санаи, например, называет его “территорией”, ограниченной с севера казахскими степями, с юга — Северным Афганистаном и Ираном, с запада — Каспийским морем, а с востока — Синьцзяном⁸. ЮНЕСКО расширяет географические рамки собственно ЦАР (в составе пяти постсоветских республик), включая в него также Монголию, западную часть Китая, Северный Афганистан, северную Индию, северный Пакистан, северо-восточный Иран, азиатскую часть России южнее таёжной зоны. За основу еще одного метода определения границ современной Центральной Азии берется этнический состав населения, в соответствии с которым ЦАР рассматривается как регион, населённый тюркоязычными народами — бывших советских среднеазиатских республик (хотя, заметим, народ Таджикистана является в основном персоязычным), китайского Синьцзяна, северного Афганистана, юга Сибири, Монголии, Тибета.

Центральную Азию признают также частью “мира ислама”⁹. хотя данный посыл, как полагает ряд исследователей¹⁰, не вполне соответствует действительности. За годы советской власти исламские традиции в ЦА были либо подорваны, либо они подверглись такой серьезной трансформации, что об исламе как о факторе некоей наднациональной идентичности говорить не приходится. Значительно большую роль, чем религия, играют здесь пережившие советскую власть (учитывая, что и сама советская система строилась по иерархическому принципу) субэтнические, клановые, патрон-клиентельные отношения. Известный российский ученый В. Наумкин говорит даже об элементах “многоконфессиональности центральноазиатского сообщества” и о том, что в ЦА возник уникальный феномен “философской эквивалентности цивилизаций, которая защищает ее народы от исчезновения и создает условия для развития межцивилизационной версии развития мира”¹¹.

В данной работе применительно к пяти постсоветским республикам бывшей Средней Азии и Казахстана используются такие устоявшиеся политологические понятия, как “Центральная Азия”, “Центральноазиатский регион”. При этом принимаются во внимание следующие обстоятельства. Во-первых, политические, военно-стратегические и экономические контуры ЦАР не всегда и не полностью совпадают с существующими моделями деления азиатского мира на условные географические регионы. И, во-вторых, государства ЦА только начинают развивать внутренние связи, которые не приобрели еще устойчивого характера и не создали прочную основу для такого внутреннего единства, которое позволило бы безоговорочно считать ЦА уже сформировавшимся регионом. Тем не менее, основа для такого единства имеется.

Так, в прошлом оно достаточно успешно развивалось благодаря российско-советской цивилизационной традиции, пусть она и насаждалась, зачастую насильственно, властями Российской империи, а затем и Советского Союза. Со второй половины XIX века эта традиция, заняв привилегированное положение в

⁸ Санаи М. Отношения Ирана с центральноазиатскими странами СНГ. М., 2002, с. 15.

⁹ Подобное представление о ЦА возникло, благодаря многим исследованиям западных, преимущественно французских ученых – бывших советологов (А. Беннигсен, Э. Каррер д’Анкосс, др.).

¹⁰ См, например: Наумкин В. В. Центральная Азия в мировой политике. М., 2005, с. 122-123.

¹¹ Там же.

духовной и культурной сферах народов ЦА, в известной мере способствовала восприятию ими многих элементов модернизационной модели. Так что к началу 1990-х годов население ЦА выгодно отличалось по многим параметрам (уровень жизни, образование, здравоохранение, культурное и политическое развитие) от своих азиатских соседей – развивающихся стран. Не случайно же Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) включила в свой состав новые независимые государства ЦА, как бы признавая авансом их сопричастность к европейской цивилизации, что было подтверждено также и решением доверить в 2010 г. Казахстану председательство в этой организации.

Став с 21 декабря 1991 г. полноправными участниками образованного на месте распущенного СССР Содружества Независимых Государств (СНГ) и вступив в период трансформации, или “переходного периода”¹², новые независимые страны ЦА не замкнули свои интересы на этой объединяющей бывшие советские республики структуре. Они стали искать другие варианты сотрудничества, как на субрегиональном уровне, так и по линии создания разного рода группировок вместе с сопредельными азиатскими странами. Всю первую половину 1990-х годов центральноазиатские республики как бы прикидывали на себя турецкую, китайскую, корейскую и иные модели. Одновременно страны региона постепенно вырабатывали собственные экономические и политические приоритеты, вели поиски новых партнеров и союзников.

Не исключалась и гипотетическая возможность заполнения создавшегося в республиках постсоветской Центральной Азии идейного вакуума религиозной идеологией. Дебатировалась возможность объединения под эгидой Турции тюркоязычных народов бывшего Советского Союза, тем более что эта мысль часто сквозила в высказываниях турецких политиков высокого ранга. Но идея единства исповедующих ислам тюркских народов ЦАР, получив некоторое хождение в кругах местной националистически настроенной интеллигенции, в массах не укоренилась, и ни Турции, ни Ирану, ни Саудовской Аравии, ни каким другим мусульманским государствам не удалось закрепиться в Центральной Азии. Исламская парадигма не легла здесь в основу политической трансформации, хотя ислам и рассматривается практически повсеместно в ЦА как важнейшая компонента культурно-цивилизационной традиции. Приоритет же был отдан развитию относительно светской и современной культуры. Что касается российско-советской цивилизационной традиции, то она со второй половины 1990-х годов начала сдавать свои позиции, и место ее заняли другие соперничающие внешнеполитические и культурные тенденции. В их числе были и те, что пришли с Запада.

Его влияние оказалось столь значительным, что некоторые ЦАГ (Киргизия, Казахстан) стали идентифицировать себя как приверженцев либеральных демократических ценностей. В то же время в Туркменистане и Узбекистане, где политические процессы, включая сюда и партийное строительство, полностью контролируются президентами и правительствами и где проведение тех или иных преобразований есть исключительное право государственных органов и должностных лиц, демократические идеи не стали актуальными на уровне практической политики. В целом же политические системы всех центральноазиатских государств при внешнем сохранении институтов и процедур плюралистического общества дрейфуют в сторону формирования модели

¹² Он в современной научной литературе трактуется, как переход (transition) в новое качественное состояние в связи с кардинальным реформированием экономической сферы - внедрением рыночных методов вместо централизованного хозяйствования, а также и политики – в направлении ее демократизации.

управляемой, или, иначе – имитационной, демократии¹³. Ибо такая форма правления, с точки зрения правящих элит, наилучшим образом позволяет поддерживать мир и социальную стабильность, не допускать развития межконфессиональных и межнациональных конфликтов. К тому же реальная, а не витринная демократизация политической жизни стран ЦА — достаточно опасный для местных правящих господствующих групп и плохо предсказуемый процесс. Ведь он предусматривает возможность поражения на выборах, последствия которого существенно отличаются от европейских: смена власти в азиатских государствах, как правило, влечет за собой не цивилизованный уход в оппозицию, а масштабный передел сфер влияния в области экономики и политики.

Еще одной проблемой является характер оппозиции в ЦАГ. Зародившаяся здесь с начала 1990-х годов демократическая традиция, как и политический плюрализм, имеют очень слабые основания. Нет относительно укорененной среди населения политической эмиграции, представители которой, в случае прихода к власти, могли бы заручиться поддержкой части своих приверженцев. Ведущаяся в государствах ЦА борьба между властью и оппозицией — это лишь видимый постороннему глазу процесс. В действительности же здесь, в отличие от привычного западной цивилизации партийно-политического фактора, намного сильнее воздействуют на политику региональные, клановые, земляческие, родовые объединения, существующие неформально в отличие от партийно-политических. К тому же социальная специфика, политическая культура, да и история народов региона, заранее обрекают любую “бархатную” (то есть ненасильственную) революцию на перерастание в кровавую междоусобицу, что и продемонстрировали две “революции” новейшего периода в Киргизии. Если же взять более раннюю историю — межтаджикский конфликт, то и он, начавшись с относительно мирного противостояния в Душанбе двух площадей, на которых собирались политические соперники, закончился в конечном итоге большой кровью. Воспоминание о той трагедии, возможно, и побуждает центральноазиатских руководителей к большей осмотрительности и осторожности, ибо любое резкое движение способно привести в Центральной Азии к дестабилизации, к непоправимым последствиям.

Но ввиду того, что политическое “поле” в ряде государств ЦАР очищено от сколько-нибудь влиятельной светской оппозиции, ее место стараются занять несистемные религиозно-политические организации и движения. Они становятся основной альтернативой власти, и им, как это случалось уже на Ближнем Востоке¹⁴, демократизация и свободные выборы в теории могут открыть возможности не только для легализации, но и для прихода во власть. Потому политическая логика подталкивает правящие господствующие группы ЦАГ к принятию рецепта, сориентированного не столько на демократизацию, сколько на стабильность, на сильную власть, на сохранение действующего режима, которому дается карт-бланш в вопросе противостояния оппозиции, особенно, если последняя прибегает к вооруженным методам борьбы. Ускоренно внедряемая же без учёта местной специфики демократическая модель не способна справиться с реальными вызовами все еще полуфеодального общественного устройства государств ЦАР, что чревато хаосом и хронической нестабильностью.

Киргизский кризис апреля 2010 г. и последовавшие за ним драматические события в Оше и Джалал-Абаде показали, что в ЦА в ближайшее время речь пойдет не о выборе между демократией и авторитаризмом, не о совершенствовании

¹³ См. подробнее: *Мальшева Д.* Демократизация постсоветского Востока: модели и реалии. — МЭиМО, 2004, № 6.

¹⁴ Например, в Египте, где “Братья-мусульмане” легально входили в парламент, или в Палестинской национальной автономии, где выигравший парламентские выборы ХАМАС контролирует Газу.

выборного процесса и институтов демократии, а об укреплении государственной системы. Ибо слабое государство, или же, как это наблюдалось в Киргизстане – безвластие, открывает путь коррупции, этническим и социальным конфликтам, грозит территориальными распадами.

Поскольку в ряде стран региона (особенно в Узбекистане и Таджикистане) исламизм громко заявил о себе как о политической силе, борьба с ним будет иметь в ЦАР долгосрочные перспективы, ибо ситуация здесь остается во всех отношениях непростой. Это не исключает, между тем, широкого использования властями центральноазиатских государств угрозы религиозного экстремизма как предлога для борьбы с политической оппозицией, в связи с чем можно предположить, что реальная угроза терроризма в религиозном обличье в странах ЦА часто сильно преувеличивается, чтобы оправдать попытки ограничения гражданских прав и свобод, а также получения дополнительных средств от западных государств-доноров.

Историк и социальный антрополог, профессор Карлтон Колледж (США) Адиб Халиб подчеркивает в этой связи: “Намеренно преувеличивая террористическую угрозу, власти используют ее, чтобы контролировать религиозную жизнь граждан. И это несмотря на то, что все режимы называют ислам частью своего культурного наследия. Поскольку репрессии затрагивают огромный пласт политически неактивных мусульман, правительство рискует добиться отчуждения огромной части общества, которая не сочувствует боевикам-исламистам и не имеет к ним никакого отношения”¹⁵.

Модернизация политических систем в отдельных странах ЦА с возможностью допуска в нее представителей “умеренного ислама”, отрицающего насилие — задача непростая, ибо она требует наличия политической воли, как у власти, так и у религиозной оппозиции. Так что исламский фактор в ЦА не исчезнет сам собой, что только повышает актуальность выработки механизмов по канализации в легальное русло протестных настроений, окрашенных в религиозные тона.

И все же путь “имитационной демократии” не является в ЦА оптимальным способом решения сложнейших проблем. Да, ограничение политических прав и свобод — в одних странах больше (Туркменистан и Узбекистан), в других меньше (Казахстан, Киргизстан, Таджикистан) — не сказывается как будто бы в целом на внутривнутриполитической стабильности, и авторитарные методы правления могут в какие-то периоды служить оправданием для поддержания такой стабильности на должном уровне. Ведь без твердой руки государства в ЦАР трудно обойтись в борьбе с застарелыми вызовами и угрозами, порождаемыми в самом регионе, а также с угрозами транзитными, идущими в Центральную Азию из приграничных государств. Но такой путь едва ли может стать панацеей решения многих скрывающихся за относительной стабильностью большинства стран региона взрывоопасных проблем и противоречий. В их числе: слабость государственных институтов и отсутствие надежных механизмов передачи власти; экономическая зависимость от одного-двух экспортных товаров; уязвимость инфраструктуры; высокий уровень бедности во многих районах; незанятость молодого и быстро растущего населения, имеющего ограниченные перспективы в сфере образования, трудоустройства и здравоохранения. Есть и другие угрозы и вызовы, которые можно квалифицировать как традиционные, так и новые, нетрадиционные.

К первой категории относятся: внешняя агрессия, межнациональные конфликты, социально-политические протестные движения, экологические и

¹⁵ Халид А. Политика антитерроризма в Центральной Азии. – Неприкосновенный запас. М., 2009, №4 (66). Электронный адрес статьи: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/ha11.html>

природные катаклизмы и пр. Ко второй — терроризм и религиозный экстремизм, подпитывающая эти явления наркоторговля.

Серьезными вызовами безопасности становятся в Центральной Азии неурегулированные пограничные споры. Они затрагивают большинство республик региона, но особенно Узбекистан, Киргизстан и Таджикистан, где этническая чересполосица и отсутствие общепризнанных границ усугубляется дефицитом земельных и — что еще более важно в условиях засушливого климата — водных ресурсов, придавая периодически возникающим конфликтам отчетливо выраженную социально-экономическую окраску. Обострившиеся в последние годы отношения между этими тремя центральноазиатскими республиками не исключают возникновения новых этнотерриториальных конфликтов, социальную почву для которых создает продолжающийся прирост населения и сложное социально-экономическое положение. Кроме того, конфликты провоцируются здесь трудными процессами нациестроительства и формирования государственных идеологий, компонентом которых часто становятся территориальные претензии к соседям или же притязания того или иного государства (что более всего свойственно Узбекистану) на региональное лидерство.

Возросла в Центральной Азии и проблема “демографического давления”¹⁶, приводящая к активизации миграционных потоков и делающая актуальной проблему продовольственной безопасности, решаемой в ЦАР недостаточно эффективно. Казахстан, входящий в группу стран со средним приростом населения и испытывающий дефицит в рабочей силе, может столкнуться в будущем с неконтролируемыми миграционными потоками из соседних государств — Киргизстана, Таджикистана, Узбекистана, где плотность населения в отдельных районах (Ферганская долина) очень высока. При этом основная масса жителей сельской местности занята низкопроизводительным трудом, и она постоянно пополняет собой, вследствие неразвитых национальных экономик и отсутствия глобальной инициативы, армию бедняков. Серьезные проблемы для всех стран ЦАР создает рост мегаполисов, что осложняет возникновение новых рабочих мест, которые обеспечивали бы занятость. Рост городского населения приводит к изменению структуры питания и землепользования, что потенциально чревато серьезнейшими последствиями, а распространение в городской и сельской среде нищеты и неравенства становится источником социальной и политической нестабильности.

Конфликтами чревато и идущее в ЦАР полным ходом “энергоразмежевание”, вызванное соперничеством из-за водных и энергетических ресурсов. Издавна существовавшие в Центральной Азии разногласия из-за воды, приглушенные во времена Советского Союза, до крайности обострились в 2009–2010 гг. В частности, напряженность создавалась в связи с планами возведения Рогунской гидроэлектростанции в Таджикистане и Камбаратинской ГЭС в Киргизстане на трансграничных водных артериях Амударьи и Сырдарьи. Эти проекты были раскритикованы президентами Узбекистана и Туркменистана, которых объединила общая проблема — нехватка воды и опасение, что в результате строительства этих ГЭС поступление воды уменьшится. В свою очередь испытывающим дефицит электроэнергии Киргизстану и Таджикистану необходимы дополнительные энергопомощности.

¹⁶ Проблема “демографического давления” в Центральной Азии требует интеграции. — Литер, 13.07.2010. URL: http://www.liter.kz/index2.php?option=com_content&task=view&id=2900&pop=1&page=0&Itemid=2

Конфликт привел к тому, что Узбекистан в конце 2009 г. вообще отказался от участия в Объединенной энергосистеме Центральной Азии (ОЭС ЦА), куда, помимо него, входили Таджикистан, Казахстан и Киргизстан. Ташкент добился также от киргизских властей перехода с 1 ноября 2009 г. на новые условия взаимопоставок электроэнергии. Однако решать свои энергетические проблемы автономно без ущерба для соседей, а, следовательно, и без убытков для себя, не может пока ни одна из центральноазиатских республик. Демарши Узбекистана, являющегося, как и во времена СССР, диспетчером энергосистемы (координационный центр ОЭС ЦА “Энергия” расположен в Ташкенте), его намерение сломать прежний механизм взаимовыручки могут грозить экологической катастрофой Ферганской долине. Налицо, таким образом, расхождения между центральноазиатскими государствами не только по вопросу использования водных ресурсов, но и путям достижения энергетической независимости. Оценивая эту ситуацию, киргизский аналитик В. Богатырев обращает внимание на такое тревожащее его явление в политике ЦАР, как формирование “своего рода нового неформального блока из двух стран (Узбекистана и Туркменистана – Д.М.), которые, очевидно, начнут быстрое сближение и займутся выстраиванием совместной политики в вопросах водопользования”¹⁷.

Афганский вектор объективно остается ключевым в ряду угроз безопасности для Центральной Азии. Но проблема заключается не в намерении талибов распространить зону своего влияния на соседние центральноазиатские республики: их население этнически чуждо талибам, являющимся в массе своей пуштунскими националистами, и талибы не могут рассчитывать в ЦА на понимание и поддержку. Основную опасность для центральноазиатских светских режимов и особенно для Узбекистана, Таджикистана и Киргизстана – государств, представленных в беспокойной Ферганской долине, где традиционно находили прибежище религиозно-политические движения – представляют немногочисленные и не чуждые экстремистским установкам оппозиционные группировки (Исламское движение Узбекистана – ИДУ, Акрамийя, Хизб-ут-Тахрир и др.), укrywшиеся на территории Афганистана. Влияние этих группировок в государствах ЦА обусловлено в первую очередь внутренними серьезными социально-экономическими проблемами – массовой нищетой, высоким уровнем безработицы, особенно среди молодежи, растущими социальными диспропорциями и углубляющимся разрывом в доходах населения. Активизация военного фактора в Афганистане и соседнем Пакистане чревата вытеснением укrywшихся здесь боевиков из состава этнических узбеков и таджиков, которые в массовом порядке станут возвращаться на родину, что может подтолкнуть участников местных религиозно-политических движений сомкнуться с вооруженными выходцами из Афганистана. В свою очередь отдельные вооруженные столкновения способны приобрести характер партизанской войны, хорошо знакомой по опыту гражданской междоусобицы первой половины 1990-х годов в Таджикистане.

Помимо угрозы проникновения боевиков из Афганистана, реальной опасностью стало использование территории Афганистана для наркопроизводства, объектом которого являются страны ЦА и Россия. Сохранение статус-кво в Афганистане и Пакистане или усиление иностранного военного присутствия в зоне расширенного и управляемого конфликта в Афганистане/Пакистане питает наркотрафик, существенную поддержку которому оказывают те страны ЦА

¹⁷ *Богатырев В.* “Центральная Азия – это не место интеграции и регионализации, а место геополитического разлома”. Опубликовано 10.03.2009 на сайте Bishkek Press news (Kyrgyzstan). URL: <http://bpc.kg/news/5635-10-03-09>

(Таджикистан, Туркменистан и Киргизстан), где место “нормальной” экономики грозит занять наркоэкономика.

В настоящее время в ЦАР параллельно действуют военные структуры, финансируемые и организованные Россией, с одной стороны, и США и НАТО, с другой. Но ни те ни другие не смогли смягчить идущих в ЦА внешних вызовов и угроз – трансграничной преступности, терроризма, религиозного экстремизма, наркотрафика. Да и сами проблемы стабильности и безопасности трактуют в ЦА по-иному, нежели на Западе. Немецкий эксперт по Центральной Азии Беате Эшмент замечает в связи с этим: “В Центральной Азии стабильность воспринимается как отсутствие изменений, а безопасность – как стабильность государств, а точнее – режимов... Если Евросоюз, поднимая тему безопасности, имеет в виду, в том числе и безопасность личности, то страны Центральной Азии смотрят на этот вопрос совершенно иначе, а когда Запад заводит разговор о правах человека (как о части концепции безопасности), то европейцев тут же обвиняют во вмешательстве во внутренние дела”¹⁸.

Другой особенностью является то, что ЦАГ слабо связаны между собой и ориентированы больше на другие региональные силы или же нерегиональные державы, а потому угрозы и вызовы безопасности не являются одинаковыми для них, не воспринимаются всеми пятью государствами ЦА как общерегиональные.

Например, проблема наркотрафика, хотя и официально признается странами ЦА как угроза, на практике мало тревожит местные правительства. Как утверждает В. Богатырев, ЦАГ служат в основном лишь транзитом для перекачки афганских наркотиков, и они не являются их основными производителями и потребителями. А потому такой транзит “реально является и негласно воспринимается в качестве одной их теневых отраслей экономики”. По этой причине “никакой серьезной борьбы с наркотрафиком правительственные структуры ЦАР не ведут”¹⁹. Обращенные же к центральноазиатским партнерам призывы России (которая-то как раз больше всего страдает от массивной наркоэкспансии) – объединить усилия в создании коллективного антинаркотического “фронта”, остаются без ответа.

Или же проблема исламистской угрозы. Она актуальна для Узбекистана и Таджикистана, но совсем по-иному, более спокойно воспринимается в Казахстане и Туркменистане. Не рассматривается в ЦА как общерегиональная и угроза терроризма в силу неодинаковой ее значимости для разных стран региона. Для Узбекистана эта проблема весьма актуальна, и она переплетена здесь с внутривнутриполитическими противоречиями. Реальную опасность представляет исламистская угроза и для граничащего с беспокойным Афганистаном Таджикистана, где еще ощутимы отзвуки вооруженного гражданского противостояния 1990-х годов. А вот Казахстан и даже в известной мере Туркменистан проблема терроризма практически никак не затрагивает. Обращает на себя внимание и такое обстоятельство. При рассмотрении проблем, связанных с противодействием террористической угрозе и экстремизму, ряд центральноазиатских стран так и не сумел преодолеть недоверия к России, друг к другу, начав оговаривать политическими условиями свое участие в функционирующей в рамках СНГ с 20 июня 2000 года структуре –

¹⁸ Безопасность в Центральной Азии. Никто ничего не хочет. Не может? И не будет? Опубликовано 26.10.2009 на сайте “Фергана”. Постоянный адрес статьи: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=6348>

¹⁹ *Богатырев В.* Вместо сотрудничества – геополитический разлом. Опубликовано 14.05.2009 на сайте Института общественной политики (Бишкек). Постоянный адрес статьи: <http://www.ipp.kg/ru/analysis/774/>

Антитеррористическом центре (АТЦ). В результате туркменские силовики, к примеру, игнорировали деятельность АТЦ почти до конца 2006 г., а их коллеги из Узбекистана отказывались от участия в работе этой организации СНГ до андижанских событий²⁰ и примкнули к АТЦ только после того, как его руководство предложило узбекской стороне помощь в расследовании восстания.

Таким образом, страны ЦА демонстрируют явную неготовность консолидировать усилия для отражения внешних вызовов и угроз. При всей важности этой проблемы нельзя сбрасывать со счета и опасность внутривнутриполитических рисков, с которыми могут столкнуться ЦАГ. В этой связи несомненного внимания заслуживает вывод, который делает российский специалист по Центральной Азии И. Звягельская из анализа политической ситуации в регионе и итогов внутривнутриполитической трансформации каждого из ЦАГ: “Отсутствие каналов для политического выражения недовольства, нерешённые вопросы преемственности власти могут стать для сформировавшихся в государствах ЦА режимов более серьёзными вызовами, чем внешние риски и угрозы”²¹.

На пространстве ЦА одновременно с формированием национальных государств идут крайне противоречивые процессы, и за период, последовавший за распадом СССР, большинство ЦАГ так и не смогло создать современной государственности, устойчивой к деструктивным внешним и внутренним воздействиям. Сам вопрос о реальности суверенного статуса ЦАГ является частью политической игры, в которой наряду с Россией участвуют как региональные, так и нерегинальные державы.

“Многовекторные” международные отношения государств ЦА

В последние годы фокус международной конкуренции все больше смещается с пространства Европы на регион Центральной и Восточной Азии. Здесь наблюдается соперничество экономических, военных и политических интересов России, Китая, Ирана, Турции, Индии, Пакистана, нерегинальных держав и структур (США, Евросоюза, НАТО). При этом ЦАГ вовлечены вместе с Россией в перемены, которые происходят в регионе Центральной Азии в связи с активизацией военной операции в Афганистане. Сам процесс внешнеполитической идентификации центральноазиатских государств отличается противоречивостью и непоследовательностью, усугубляемой неустоявшимся характером внутривнутриполитических систем этих бывших советских республик, легко подверженных социальным, этническим, религиозным потрясениям. Оказавшись втянутыми в сложный процесс геополитического балансирования, постсоветские государства Центральной Азии постарались по возможности дистанцироваться от привязки к какому-то одному мировому или региональному центру, сохраняя хорошие отношения со всеми участниками ведущейся в регионе конкурентной борьбы.

Такой тип внешнеполитического поведения, обозначенный российским политологом и международником А. Богатуровым как “отложенный нейтралитет” – когда страны ЦА “не стремятся участвовать в военном сотрудничестве вне пределов минимально необходимой безопасности” и дозируют по собственному усмотрению

²⁰ Речь идет о жестко подавленной правительственными войсками вылазке экстремистов 13 мая 2005 г. в узбекском городе Андижане.

²¹ Звягельская И.Д. Становление государств Центральной Азии. М., 2009, с. 74.

сотрудничество с региональными и нерегиональными игроками²², возможно, и гарантирует на какое-то время внутреннюю и международную безопасность ЦАГ. Однако же внешнеполитическое лавирование, уход от взятых на себя обязательств, стремление добиваться внешних кредитов и дотаций в ущерб собственному суверенитету и многое другое, что легло в основу взятой сегодня на вооружение всеми без исключения ЦАГ “многовекторной стратегии”, вовсе не способствуют их превращению в реальный субъект мировой политики. Вместо этого создаются благоприятные условия для установления в ЦАР “внешнего управления” – либо Западом (что более вероятно), либо Китаем. Мешает “многовекторность” и налаживанию столь необходимого странам ЦА внутрирегионального сотрудничества по целому ряду ключевых вопросов — от охраны границ и безопасности до торговли и распределения водных ресурсов.

Даже будучи объединены в региональные структуры (СНГ, ЕврАзЭС, Таможенный союз и др.), центральноазиатские государства решают свои социально-экономические и политические проблемы, как правило, вне региона. Все они придерживаются “многовекторности”, которая имеет в регионе различные модификации. Но эта в общем-то не новая в международных отношениях политическая линия (достаточно вспомнить столь полюбившееся современным центральноазиатским политикам крылатое изречение лорда Г. Пальмерстона о том, что у Великобритании нет вечных союзников и врагов, а есть только постоянные и непреходящие интересы) в реалиях ЦАР рождает весьма своеобразный феномен – диверсификацию не целей, а политических партнеров, подмену упрощенным маневрированием внешнеполитических приоритетов, выверенных и выстроенных на основе долгосрочных национальных интересов. Понятно, что такая “неразборчивость в связях” ЦАГ успешно используется их разнообразными международными партнерами для продвижения собственных и вполне конкретных геополитических интересов. А все вместе взятое создает благоприятную основу для быстрого превращения большинства стран ЦА из некогда модернизировавшихся обществ, какими они обещали стать во времена пребывания в составе СССР, в периферию развитого мира, его отсталый (“третьемирский”) сырьевой придаток.

Исключением является **Казахстан**. Весьма преуспев в установлении относительно равных партнерских отношений с Россией и со всеми ключевыми мировыми игроками, он успешно интегрируется в разнообразные экономические и политические проекты регионального и глобального значения. Как подчеркивает казахстанский ученый Т. Токаев, “проводимый Казахстаном многовекторный и сбалансированный внешнеполитический курс позволил увеличить столь необходимый для национальной экономики приток иностранных финансовых ресурсов, обеспечил благоприятные внешние условия экономическим реформам, создал хороший инвестиционный климат внутри страны”²³.

Внешнеполитическая стратегия казахстанской правящей элиты определяется в последние годы стремлением добиться признания особой региональной и даже мировой роли своей страны. Этой цели служит председательство в 2010 г. Казахстана в ОБСЕ, в международном форуме под названием Сопровождение мер по мерам взаимодействия и доверия в Азии (СВМДА), в ШОС, а в 2011 г. – и в Совете министров иностранных дел Организации Исламская конференция. Казахстан активно работает над своим вступлением во Всемирную торговую организацию, членство в которой рассматривается Астаной как важный инструмент модернизации

²² Богатуров А. Отложенный нейтралитет? Центральная Азия в международной политике. - Россия в глобальной политике". № 2, март-апрель 2010. Электронный адрес статьи: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/43/13575.html>

²³ Токаев Т. Казахстан и Запад в условиях глобализации. М., 2009, с. 20.

экономики республики, увеличения ее конкурентоспособности на мировых рынках. Намерена республика к 2015 г. войти в десятку крупнейших мировых экспортеров нефти и газа, производя до 100 млн. т. нефти/год в течение 25-30 лет²⁴. При этом формула интеграции Казахстана в систему международных экономических отношений довольно сложна, и она включает ключевую роль в нефтегазовой отрасли американских, российских, китайских, транснациональных и прочих компаний, при особой роли турок и растущем интересе индийцев.

Одновременно с попытками возродить идеи интеграции в Центральной Азии казахстанское политическое руководство делает в последнее время упор на особый статус Казахстана как крупного евразийского государства, склонного к восприятию западных ценностей больше, нежели его соседи по ЦАР. Такое подчеркивание элемента европейской идентичности казахстанской нации стало особенно заметным в период председательства страны в ОБСЕ и ее стремления войти в Совет Европы. В Казахстане все чаще возвращаются к словоупотреблению, противопоставляющему эту страну другим государствам региона: “Центральная Азия и Казахстан”, “Средняя Азия и Казахстан”. А некоторые казахстанские депутаты предложили даже переименовать Казахстан в Казахию²⁵, видимо, для того, чтобы символически дистанцироваться от нестабильных центральноазиатских “станов”.

В своих внешнеполитических и внешнеэкономических инициативах Казахстан ориентируется на четыре вектора мировой политики: Россию, Китай, США и Западную Европу. С учетом возросших задач укрепления региональной стабильности, безопасности, совместных шагов по противодействию последствиям мирового финансово-экономического кризиса Казахстан взаимодействовал с Россией и в различных международных организациях, включая СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС и ШОС. Как подчеркивает в своем труде известный российский востоковед Г. Чуфрин, интенсивно развивающееся сотрудничество и взаимодополняющий характер экономик двух стран играют важную роль не только в решении важнейших задач их экономического и политического развития, но и в формировании общего политического и экономического климата в регионе; само же сотрудничество России и Казахстана имеет резервы, использование которых может не только содействовать устойчивому развитию экономик двух стран, но и создать прочную основу для более эффективного решения проблем международной энергетической безопасности путем построения надежной ядерно-топливной составляющей энергетической базы на долгосрочную перспективу²⁶.

Являясь одним из наиболее последовательных сторонников укрепления интеграционных процессов на постсоветском пространстве, Казахстан активно содействовал формированию Таможенного союза, который начал функционировать 27 ноября 2009 г., когда президенты Белоруссии, Казахстана и России утвердили Единый таможенный тариф и Таможенный кодекс трёх стран, вступившие в силу в январе 2010 г.

Еще одним важным экономическим партнером Казахстана является Китай. Он – не только потребитель казахстанских энергоресурсов, но и своего рода донор экономики республики. Так, в разгар мирового экономического кризиса, особенно болезненно сказавшемся на банковском секторе Казахстана (его внешний долг составил тогда около 40 млрд. долл. США, и почти половину этой суммы надо было

²⁴ Там же, с. 69.

²⁵ Казанцев А.А. “Большая игра” с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М., 2008, с. 50.

²⁶ Чуфрин Г. Россия в Центральной Азии. Алматы, 2010, с. 108-153.

выплатить в 2009 г.), китайская сторона предоставила в апреле 2009 г. Казахстану долгосрочный кредит в размере 10 млрд. долл. США. Заметим, что Россия аналогичной помощи оказать не смогла: Внешэкономбанк РФ открыл в сентябре 2008 г. Банку развития Казахстана кредитную линию на 300 млн. долл., да и то лишь на проекты с участием России. Что касается Китая, то половину предоставленного кредита Экспортно-импортный банк КНР направил Банку развития Казахстана, а вторую половину китайская нефтегазовая корпорация China National Petroleum Corporation (CNPC) отдала казахстанской нефтяной компании Казмунайгаз. Хотя условия кредитных соглашений не разглашались, стало известно, что в обмен на кредит власти Казахстана согласились продать CNPC долю в нефтяной компании Мангистаумунайгаз (ММГ) - одном из самых интересных активов в казахском нефтяном секторе.

ММГ входит в пятерку крупнейших нефтяных компаний Казахстана и владеет 36 месторождениями нефти и газа, запасы которых оцениваются в 812 млн. т/год нефтяного эквивалента, а извлекаемые запасы – в 194 млн. т/год. Компании принадлежит 58% акций Павлодарского нефтеперерабатывающего завода, а также сеть АЗС “Гелиос”, на долю которой приходится около 30% розничного рынка нефтепродуктов страны. До января 2009 г. ММГ принадлежала индонезийской компании Central Asia Petroleum, но реально ею владел зять Назарбаева Рахат Алиев, попавший в 2007 г. в опалу, после чего активы компании стали предметом торга, фаворитом которого считалась проигравшая в конечном итоге Китаю российская Газпромнефть. Так что после покупки ММГ Китай превратился в крупнейшего иностранного акционера нефтяной отрасли Казахстана.

Покупка нефтяных месторождений и долей в компаниях — не единственное направление работы CNPC в Казахстане. Компания планирует спонсировать программу реконструкции нефтеперерабатывающего сектора страны, намереваясь прекратить импорт нефтепродуктов в 2015 году. По оценкам RusEnergy, большее всего это ударит по российским компаниям, на долю которых приходится около 40% казахстанского оптового рынка нефтепродуктов и 50% поставок сырой нефти на переработку. НПЗ Казахстана технологически ориентированы на западносибирскую нефть, однако после реконструкции их зависимость от России может исчезнуть²⁷.

12 декабря 2009 г. прибывший с рабочим визитом в Казахстан председатель КНР Ху Цзиньтао вместе с президентом Н. Назарбаевым официально ввел в эксплуатацию первую ветку газопровода “Казахстан-Китай”, который является частью общей системы транспортировки природного газа с месторождений Туркмении через Узбекистан и Казахстан в Китай. А 23 декабря 2009 г. в Аланьшкоу (Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР) начала действовать китайско-казахстанская зона свободной торговли.

Несмотря на то, что мировой кризис потряс экономику Казахстана, официальная Астана постаралась активно действовать на мировой политической арене. И в этом она получала неизменную поддержку со стороны США и ЕС, которые поощряли Казахстан в его начинаниях не столько потому что он мог бы, как планировалось в западных столицах, воплотить мечту о построении в постсоветской Азии “успешной западной модели”, сколько для того, чтобы превратить Казахстан в альтернативу России и своего рода параллельный центр влияния, если не на всем постсоветском пространстве, то, хотя бы, в ЦА. Определенные результаты на этом пути были достигнуты.

Согласившись на то, чтобы в 2010 г. Казахстан возглавил ОБСЕ, страны Запада поддержали выдвинутые новым председательствующим в ОБСЕ притязания

²⁷ Габуев А. Казахстан пустил нефть в обход российских денег. – Коммерсантъ. 20.04.2009.

на роль медиатора в “замороженном” карабахском конфликте. Западные политики несомненно учитывали при этом и нейтральную позицию, занятую Казахстаном во время войны России с Грузией в августе 2008 г., и то, что Казахстан является одним из крупнейших инвесторов в экономику этой дружественной Западу республики, и выказанную Казахстаном готовность подключиться к патронированным США/ЕС энергетическим маршрутам (Баку-Тбилиси-Джейхан) и проектам (Nabucco), призванным увести каспийские нефть и газ в обход России.

В рамках своего курса на евроинтеграцию (о том, что Казахстан планирует вступить в Евросоюз, заявил в Москве 23 апреля 2009 г. посол Казахстана в РФ Адильбек Джаксыбеков²⁸) Казахстан реализует проект “Путь в Европу”, предполагающий проведение мероприятий, направленных на установление добрососедских отношений с Европой в области технологий, экономики, культуры. Казахстанские руководители добились того, что очередной саммит ОБСЕ состоится в Астане 1 - 2 декабря 2010 г., и именно на нем они ожидают собрать весомый “геополитический урожай” – получить долгожданное признание своей страны в качестве ключевой с точки зрения региональной, а также, возможно, и глобальной, безопасности.

Глава казахстанского МИД Канат Саудабаев уже добился поддержки идеи такого саммита у большинства стран организации: как западных - Франции, Италии, Испании, так и восточных, включая Россию. Получено и предварительное согласие Соединенных Штатов. Их Казахстан надеется привлечь к идее саммита обсуждением проблемы Афганистана. Ради этой цели Казахстан расширил границы своего участия в решении афганской проблемы: помимо обучения афганцев в казахстанских университетах, планируется также спонсировать различные проекты в Афганистане. У стремительно развивающегося военно-политического сотрудничества Казахстана с США есть и другие направления.

Еще в конце 2008 года сенат казахстанского парламента ратифицировал подписанные с США два меморандума, в которых говорилось о поддержке Астаной военной операции США “Несокрушимая свобода” в Афганистане и прописывались порядок и условия предоставления аэропорта Алматы в качестве запасной площадки для экстренного приземления самолетов военно-воздушных сил коалиции, ведущей боевые действия на афганской территории. Некоторые эксперты посчитали тогда, что этот аэропорт бывшей столицы республики может стать основной военной базой США и НАТО в Казахстане. Формально этого не произошло, но в апреле 2009 г. руководство НАТО официально пригласило Казахстан принять участие “в миротворческой операции по восстановлению Афганистана”.

Касалась Афганистана и тематика казахстанско-американских переговоров на всем протяжении 2009-2010 гг. На встрече казахстанского и американского президентов 11 апреля 2010 г. в вашингтонском Белом доме обсуждалась возможность осуществления полетов в Афганистан из США через Северный полюс и территорию Казахстана. В подписанном по итогам переговоров совместном заявлении американского и казахстанского президентов говорилось, без детализирования, о расширении участия Казахстана в Северной сети поставок (The Northern Distribution Network) и приветствовалось заключение “нового двустороннего соглашения, позволявшего США осуществлять грузовые перевозки через территорию Казахстана”²⁹. Обама и Назарбаев обсудили также проблемы

²⁸ Казахстан рассчитывает стать членом Евросоюза. Опубликовано 23.04.2009 на сайте РБК. Постоянный адрес: <http://top.rbc.ru/politics/23/04/2009/296689.shtml>

²⁹ Joint Statement on the meeting between President Obama and Kazakhstan President Nazarbayev, April 11, 2010. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/joint-statement-meeting-between-president-obama-and-kazakhstan-president-nazarbayev>

стратегического партнерства между США и Казахстаном, обязавшись развивать двустороннее сотрудничество, цель которого – достижение ядерной безопасности и нераспространения, региональной стабильности в Центральной Азии.

Членство в ОДКБ не помешало Казахстану завязать прочные контакты с НАТО, и альянс считает Казахстан одним из своих важнейших партнеров в бывшем Советском Союзе. Хотя республика по тактическим соображениям (не желая портить отношений с Россией) отказалась участвовать в проводившихся в Грузии с 6 мая по 1 июня 2009 г. тактических учениях НАТО, это никак не повлияло на уровень ее сотрудничества с альянсом. Еще 31 января 2006 г. Казахстан согласовал с НАТО первый цикл Индивидуального плана действий партнерства (ИПДП), а 19 января 2010 г. в Брюсселе во время заседания в формате “НАТО плюс Казахстан” был согласован и принят к исполнению второй цикл ИПДП³⁰. Благодаря этому, ускорена задача адаптации армии Казахстана к натовским стандартам.

В феврале 2010 г. десятилетний юбилей отметил миротворческий батальон Казбриг, являющийся преемником Казбата, который с 2003 г. по 2008 г. участвовал в проводившейся под эгидой США Операции “Свобода Ираку”. В начале мая 2010 г. в Алматы при активном участии США открылся новый центр, в котором военнослужащие Казбрига продолжают овладение навыками проведения военных операций совместно с подразделениями НАТО. На ремонт центра американцы выделили 780 тыс. долл., а всего по программе “Глобальная миротворческая инициатива” было отпущено более 7 млн. долл.³¹ Из всего этого следует: расширяя сотрудничество с крупнейшим государством региона – Казахстаном, США и другие страны Запада рассчитывают укрепить свое присутствие в ЦА, рассматривая регион как важный и выгодный плацдарм для налаживания отношений с Китаем, закрепления своего торгово-экономического и военно-политического присутствия в Восточной и Южной Азии.

Узбекистан, обладающий, как и Казахстан, мощным по местным меркам экономическим, демографическим и военным потенциалом, уклоняется, в отличие от своего северного соседа, от плотного сотрудничества с Россией и с другими государствами ЦА. Сохраняя, как и Туркменистан, тенденцию к самоизоляции в международной жизни, Узбекистан, тем не менее, претендует на региональное лидерство, и эти амбиции его политического руководства отчасти объясняют постоянные внешнеполитические колебания и стратегическое лавирование республики между Россией и Западом. Что касается отношений с другими ЦАГ, то если для Казахстана Узбекистан просто главный конкурент в борьбе за лидерство в регионе, а для Туркмении – за энергоресурсы, то слабые Таджикистан и Киргизия считают его прямой угрозой своему существованию.

Выход Узбекистана из ЕврАзЭС, замораживание им своего участия в ОДКБ, отказ от присоединения к Коллективным силам оперативного реагирования (КСОР) стал следствием негативного отношения узбекских правящих верхов к СНГ, к проблеме углубления военно-политической интеграции в ЦА под эгидой России, недоверия к ней³².

³⁰ НАТО плюс Казахстан. Опубликовано 20.01.2010 на сайте “Номад” (Казахстан). Постоянный адрес: <http://www.nomad.su/?a=5-201001210024>

³¹ *Северный В.* Кому это НАТО? Опубликовано 03.05.2010 на Казахстанском юридическом портале Закон. Постоянный адрес: <http://thenews.kz/2010/05/03/347411.html>

³² Этот настрой ощущался, например, в выступлении узбекского лидера 28 апреля 2009 г. на встрече в Алматы глав государств-учредителей Международного фонда спасения Арала. Явно намекая на Россию, президент Узбекистана предостерег своих азиатских коллег от перспективы стать “разменной монетой в реализации принципа ‘разделяй и властвуй’ в той стратегической и геополитической игре,

В последние годы Узбекистан систематически уклонялся от участия практически во всех мероприятиях, проводившихся под эгидой СНГ, включая сюда и военные учения в рамках ОДКБ или ШОС. Не стали исключением и состоявшиеся в сентябре 2010 г. в Казахстане с участием воинских контингентов из России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана антитеррористические учения ШОС "Мирная миссия-2010": Узбекистан на них своих военнослужащих посылать не стал.

Подобная позиция руководства республики обусловлена, во-первых, опасениями, что ОДКБ и КСОР укрепят оппонентов Узбекистана – Киргизстан и Таджикистан. Во-вторых, Ташкент опасается, что Россия с помощью структур безопасности СНГ намерена усилить свои позиции в регионе, в чем Узбекистан, сам претендующий на региональное лидерство, не заинтересован. В-третьих, власти Узбекистана не хотят брать на себя дополнительные обязательства в случае возникновения какого-то кризиса в ЦА. Но главное, в-четвертых, на внешнеполитической ориентации Узбекистана заметно сказалось потепление его отношений с ЕС, США и НАТО. В связи с этим узбекское руководство вновь преисполнено надеждами на то, что именно эти глобальные силовые центры помогут лучше, чем ОДКБ, Россия или ШОС, укрепить военный потенциал республики, оградить ее от внутренней дестабилизации, от угроз, исходящих из Афганистана. Американское вторжение в Афганистан в конце 2001 года было изначально одобрено Ташкентом, который воспринимал военное решение проблемы талибов и Аль-Каиды сквозь призму преодоления угроз со стороны религиозной оппозиции внутри своей собственной страны. Однако поддержка США и НАТО имела для Узбекистана и обратную сторону, давшую о себе знать андижанскими событиями мая 2005 г., с одной стороны, и стремлением России уравновесить американское присутствие наращиванием военной мощи в соседних с Узбекистаном странах (Киргизии и Таджикистане), с другой.

27 октября 2009 г. ЕС отменил последние санкции, введенные в 2005 г. после отказа узбекского правительства начать международное расследование андижанских событий. На Ташкент больше не распространялось эмбарго на поставки традиционных видов оружия. Ранее ЕС снял запрет на предоставление виз высокопоставленным узбекским чиновникам, несмотря на требования правозащитных организаций сохранить санкции, поскольку режим в Узбекистане оставался по их оценкам "репрессивным и недемократическим". В заявлении ЕС говорилось, что снятие всех ограничительных мер с Узбекистана осуществлено с целью подталкивания властей этой страны "к принятию дальнейших серьезных шагов по улучшению ситуации с правами человека и установлению диктатуры закона". Но за этим решением ЕС просматривались и более прагматичные причины, связанные с экономическими и геополитическими интересами ЕС (см. Главу 2).

По нарастающей стали развиваться отношения Узбекистана и с США. Официальный Ташкент больше не обвинял США в намерениях устроить в стране "цветную революцию". А США не слишком сильно подвергали критике правительство Узбекистана и его президента по столь болезненной для них проблеме, как права человека. Напротив, распространенными стали рассуждения об "определенных подвижках положительного характера" в Узбекистане. Ташкент теперь регулярно посещают высокопоставленные представители Госдепартамента США и Пентагона, сотрудники разных американских фондов и структур, близких к Белому дому, словом, США вновь активизировали взаимодействие с этим своим старым стратегическим партнером в ЦА. И Узбекистан в долгу не остался.

которые ведут 'третьи силы' ради возвращения себе возможности вновь управлять регионом". URL: <http://www.pressservice.uz/ru/news/>

В феврале 2009 г. через его территорию была разрешена наземная доставка невоенных грузов США для действующего в Афганистане контингента. С НАТО было подписано соглашение об обеспечении транзита через узбекскую территорию материальных ресурсов альянса в пограничный узел Термез – Хайратон. Запланировано проведение совместно с Атлантическим советом специального мероприятия по реализации инициатив Узбекистана в сфере региональной безопасности и создания под эгидой ООН Контактной группы “6+3” по Афганистану (в составе Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Пакистана, Китая, Ирана, с одной стороны и США, России и НАТО – с другой).

Обращает на себя в этой связи внимание расширившееся участие Узбекистана в американских проектах, нацеливающих центральноазиатские государства, их энергоресурсы, электроэнергию, транспортные мощности на Афганистан и государства Южной Азии. Так, Узбекистан стал поставлять электроэнергию в северные регионы Афганистана и Кабул. Начиная с 2010 года, ее объем увеличился в 6 раз по сравнению с предыдущими годами. Государственная компания Узбекистана “Узбекские железные дороги” и министерство общественных работ Афганистана заключили контракт на строительство железной дороги на севере Афганистана на участке Хайратон – Мазари-Шариф. Было также принято решение о реконструкции железнодорожного перегона Термез – Хайратон и строительстве грузового терминала в Мазари-Шарифе. Узбекистан, таким образом, вплотную приблизился к осуществлению своего давнего замысла – созданию трансфганского коридора для выхода через Мазари-Шариф, Герат и Кандагар к международным морским портам Ирана и Пакистана. При этом Узбекистан уклоняется от сотрудничества с Таджикистаном в вопросах борьбы с наркотрафиком и охраны границ. Не очень активно поддерживает он инициативы России/ОДКБ по Афганистану, что в целом негативно сказывается на попытках выработать консолидированную позицию государств региона по афганской проблеме.

По итогам состоявшегося 17-18 декабря 2009 г. в Вашингтоне первого раунда узбекско-американских политических консультаций президентом Каримовым был подписан в январе 2010 г. План сотрудничества с США на 2010. Он предусматривает организацию подготовки и переподготовки офицерских кадров Узбекистана в ведущих военно-образовательных учреждениях США, в том числе в рамках программы “Международное военное образование и обучение”. Стороны будут сотрудничать в области обеспечения безопасности границ и нераспространения, противодействия терроризму, а также в рамках программ “Зарубежное военное финансирование” и “Передача излишков вооружений”. Таким образом, руководство Узбекистана обозначило приоритет в сфере обеспечения безопасности собственной страны и региона в целом. А ожидания Москвы, что официальный Ташкент в благодарность за поддержку, оказанную в период, когда Узбекистан оказался после Андижана в международной изоляции, переориентирует свою внешнюю политику на Россию, оказались ошибочными.

Но было бы упрощением считать, что Ташкент просто балансирует между Россией, США, КНР и Евросоюзом, не особо отличаясь в этом от других бывших советских республик. Маневры Узбекистана на мировой арене продиктованы огромными амбициями высшего руководства республики, у которой не особенно много экономических и политических ресурсов для того, чтобы реализовывать их. Другое дело, что эти амбиции всегда подстегивали американцы. В отличие от России, традиционно стремившейся сохранять баланс в отношениях со всеми государствами региона, включая и тех (Таджикистан и Киргизстан), с которыми Узбекистан рассорился.

Узбекистан – действительно относительно самодостаточен. Однако же его демонстративный отказ считаться с интересами соседей, а также в известном смысле и с России, может стать причиной международной изоляции республики в ЦАР. В этом случае, а также в виду перспективы возможного “ухода” США из Афганистана, Узбекистан может оказаться один на один с группой серьезных вызовов глобального характера, главным среди которых является социально-экономический кризис, усугубляемый активизацией исламистских движений.

Приданный **Туркменистану** в 2003 г. статус нейтрального государства используется его центральной властью в основном для изоляции населения от внешнего мира. Одновременно с этим политика нейтралитета облегчает уход от российского влияния, открывая перед туркменской дипломатией возможности для дополнительного маневра между крупными мировыми державами, что важно в условиях крайне нестабильного регионального соседства. Когда это выгодно властям Туркменистана, официальный нейтралитет используется для получения дивидендов на международной арене, тем более что ведущие государства мира, международные институты активно соревнуются между собой за право утвердиться в этой обладающей огромными запасами стратегического сырья республике.

Так, в 2007 г. в Ашхабаде открылась штаб-квартира новой экспериментальной структуры ООН – Региональный центр по превентивной дипломатии³³. Пока эта структура, призванная решать актуальные для региона проблемы – такие, как достижение гражданского мира и стабильности в Афганистане, урегулирование вопроса о водных ресурсах, содействие процессам разоружения в Центральной Азии, не была замечена в каких-либо судьбоносных для региона акциях. В январе 2010 г. Туркмения получила членство в Бюро Группы стран, не имеющих выхода к морю. Они находятся в ведении образованной в 2003 г. Канцелярии Высокого представителя Генерального секретаря ООН по наименее развитым странам, развивающимся странам, не имеющим выхода к морю, и малым островным развивающимся государствам. Принятая в августе 2003 г. Алматинская программа действий предусматривала оказание этой Группе стран финансовой и технической помощи, содержала меры и рекомендации относительно политики в области транзитных перевозок, развитии транспортной инфраструктуры, торговли. Туркменистан стал также участником ряда важных международных конвенций и договоров разоруженческого характера.

Отличительная особенность внешней политики Туркменистана заключена в использовании энергетического фактора для привлечения к стране международного внимания, в создании условий, при которых внешние силы (Россия, Китай, ЕС, США) конкурировали бы между собой за право импортировать главное достояние Туркменистана – его природный газ. При этом власти республики удачно распорядились ее возможностями стать основным узлом транспортно-коммуникационной инфраструктуры региона, его энергетической сферы. Это позволило нормализовать отношения с соседями по региону и в первую очередь с такими крупными производителями газа, как Казахстан и Узбекистан. Так, 14 декабря 2009 г. произошло торжественное открытие трансазиатской газопроводной магистрали, по которой туркменское “голубое топливо” через территории Узбекистана и Казахстана будет транспортироваться в Китай. Трубопровод должен также снизить зависимость Туркменистана от его основного экспортного партнера – России.

С ней еще в апреле 2003 году Туркмения подписала Соглашение о сотрудничестве в газовой отрасли, рассчитанное до 2028 года, а позже – ряд

³³ Подробнее об этом см.: *Малышев Д. В.* Превентивная дипломатия ООН в Центральной Азии. – Вестник Московского университета. М., 2010, № 2, апрель-июнь.

дополнительных соглашений, уточняющих объемы и цены на поставляемый в Россию туркменский газ. Особого внимания заслуживают результаты переговоров 22 декабря 2009 г. президентов Г. Бердымухаммедова и Д. Медведева при участии руководства Газпрома. Договорившись о возобновлении приостановленных в апреле поставок газа, «Газпром» впервые согласился рассчитывать цену на туркменский газ на основе «европейской формулы» вместо прежней оговоренной стоимости. Решено было также продолжить совместную российско-туркменскую реализацию проектов по строительству Прикаспийского газопровода и газопровода «Восток-Запад», откуда газ может пойти как в запланированный Прикаспийский газопровод (с участием России, Казахстана и Туркменистана), так и в Транскаспийский, подключающий Туркмению к российской альтернативе – европейскому проекту Nabucco. Но в конце апреля 2010 г. Газпром объявил, что закупит у Туркмении в текущем году только 10 млрд. куб. м. газа, то есть в пять раз меньше, чем он приобретал ранее. В ответ Бердымухаммедов подписал 21 мая постановление о строительстве газопровода только силами госконцерна Туркменгаз. Решив строить эту линию самостоятельно, Ашхабад оставил за собой право выбирать, в каком направлении поставлять газ по трубе, которая свяжет действующее месторождение в Довлетабаде и перспективный Южный Иолотань с Каспием. При этом российские компании не были допущены к разработке этого крупнейшего в ЦАР месторождения, газовые запасы которого оценены в 14 трлн. куб. м. Зато во время рабочего визита российского президента в Ашхабад 22-23 октября 2010 г. стороны обсудили вопросы возможного участия российской компании Роснефть в нефтяном проекте на каспийском шельфе Туркменистана, а Газпрома – в строительстве транскаспийского газопровода Туркменистан – Афганистан - Пакистан – Индия (ТАПИ).

Играя, таким образом, на противоречиях своих потенциальных партнеров, Туркменистан старается выторговать для себя максимальные выгоды. При этом его руководство прилагает значительные усилия к тому, чтобы избежать зависимости и от России, и от крупных западных держав. Всем им нейтральный Туркменистан одновременно посылает сигналы о своей готовности расширить сотрудничество по ряду интересующих его направлений мировой экономики и политики. Стремясь диверсифицировать транспортные маршруты для экспорта своих энергоносителей, Туркменистан использует традиционный российский рынок и одновременно обхаживает западных инвесторов, Китай и другие азиатские страны, остро нуждающиеся в газе, перекачиваемом из государства, занимающего по запасам этого энергосырья четвертое место в мире.

Этим попытались воспользоваться США и ЕС, готовые привлечь Туркменистан к более тесному партнерству и стремящиеся убедить власти этой центральноазиатской страны в выгодах политики открытости внешнему миру. Частично эта стратегия увенчалась успехом: в августе 2010 г. Туркменистан впервые предоставил крупным американским компаниям (Chevron, ConocoPhillips и др.) право на разработку его газовых месторождений. Это может создать предпосылки для реализации транскаспийских трубопроводных проектов, которые пойдут в обход России напрямую на западные рынки. Пока же начало строительства Nabucco, по сообщению управляющего директора компании-оператора (Nabucco Gas Pipeline International GmbH Managing), отложено до 2012 г., поскольку Туркменистан, как и другие потенциальные центральноазиатские поставщики газа в этот проект, не спешат подписывать контракты³⁴.

Обращает на себя внимание и то, что американские и европейские государственные деятели избегают критиковать, как они это делали раньше,

³⁴ Коммерсантъ. 07.09.2010.

ситуацию с правами человека в Туркменистане. Что касается России, то она вообще никогда не поднимала эти вопросы даже в самые неблагоприятные для русских граждан Туркменистана периоды. Например, когда все русскоязычные школы в 2001 г. были преобразованы в смешанные и переведены на заимствованную из Турции 9-летнюю систему обучения, или когда Совет ООН по правам человека в Женеве назвал Туркменистан “одним из самых репрессивных государств мира”³⁵. Впрочем, подобное отношение к правам человека вообще и проживающих в ЦА этнических русских, в частности, не является спецификой именно российско-туркменских отношений, а присуще политике РФ в отношении всех без исключения ЦАГ, включая и Киргизию, где обе “революции” создали прямую угрозу жизни местного русского населения. Возвращаясь к российско-туркменским отношениям, заметим, что замалчивание ущемления прав русских, имеющего, по свидетельству правозащитников, место в Туркменистане, российской стороне все равно на пользу не пошло: вопреки ее ожиданиям официальный Ашхабад не стал отменять визовый режим с РФ ни в 2009, ни в 2010 гг.

Взяв курс на дистанцирование и от России и от СНГ, Туркменистан не сделал пока заметного выбора в пользу Запада. Так, несмотря на давно состоявшийся полный вывод российских войск с территории Туркмении, страна получает от России помощь в строительстве военно-морского флота (указ о создании национальных Военно-морских сил был утвержден Бердымухаммедовым 25 января 2010 г.), в подготовке для него личного состава. Доминирует Россия и в продаже вооружений Туркменистану.

Другой пример. Туркменистан дал согласие на усиление международного сотрудничества в борьбе с наркотрафиком, однако правительство республики уклонилось от предложения США передать им в аренду авиабазу в Мары – крупнейшую в составе бывших ВВС СССР. Единственно, на что пошел Ашхабад, так это на предоставление в феврале 2009 г. территории Туркменистана для транзита невоенных грузов до афганской границы. В подвешенном состоянии держат власти республики и лоббистов европейского проекта Nabucco: напрямую им не отказывают, но и реального включения Туркменистана в проект пока не происходит.

Одновременно Туркменистан интенсифицировал сотрудничество с Китаем, заключив с ним ряд важных контрактов по купле-продаже природного газа, строительству магистральных газопроводов, промышленных комплексов газоочистки и пр. Поставки туркменского газа в Китай, согласно договоренностям, должны быть доведены в 2010 году до 40 миллиардов кубометров. Ответил Туркменистана и на интерес, проявленный к его энергоносителям со стороны Японии, стремящейся, как Китай и Корея, уменьшить свою зависимость от нефти и газа Персидского залива. В конце декабря 2009 г. состоялся первый официальный визит президента Туркменистана в Японию, а в конце января 2010 эту восточноазиатскую страну посетила делегация туркменских парламентариев.

Гуманитарная составляющая не входит в число внешнеполитических приоритетов официального Ашхабада, и Туркменистан редко идет на гуманитарные контакты, предполагающие привнесение в страну “чуждых” ценностей. Исключение сделано для Турции. Исходя из особых историко-культурных и национально-этнических связей с Турцией, ей предоставлено право участия в развитии школьно-образовательной системы Туркменистана. По примеру “отца всех турок” – Мустафы Кемала Ататюрка, покойный президент Туркменистана Сапармурат Ниязов с 1993 г. именовался “отцом всех туркмен” (Туркменбаши), и по его указанию алфавит был

³⁵ Дубнов А. Москва откроет Туркмению для российского бизнеса. - Время новостей. 24.03.2009.

переведен на латиницу в ее турецком варианте. Широко представлены в Туркменистане и турецкие строительные компании.

Отношения Туркменистана с Ираном базируются вокруг реализации транспортно-коммуникационного проекта Север-Юг. В октябре 2007 года была подписана Совместная декларация президентов трех стран – Туркмении, Ирана и Казахстана, о строительстве железнодорожной линии Узень (Казахстан) – Кызылчай – Берекет – Этрек (Туркмения) – Горган (Иран). Участок железнодорожного полотна Берекет – Горган (от Туркмении в Иран) иранская сторона обязалась проложить самостоятельно, а туркменскую часть поможет строить Россия. Это решение было принято в ходе визита в Ашхабад в начале февраля 2009 г. главы РЖД В. Якунина. Россия, таким образом, присоединилась к другим участникам проекта, обеспечивающего выход в Персидский залив. Причем планируемая железная дорога станет второй, связывающей Туркменистан с Ираном. Первая – Теджен–Серахс–Мешхед была открыта в 1996 году. Другой сферой туркмено-иранского сотрудничества является топливно-энергетическая: Иран по объему закупаемого газа является вторым после России партнером Ашхабада.

Для Туркменистана переориентирование значительной части поставок газа на Иран – вынужденный шаг, после того как в апреле 2009 г. Газпром подвел Ашхабад, отказавшись покупать туркменский газ. Проект выгоден и Ирану, которому теперь нет необходимости строить газопроводы, связывающие его южные месторождения с северными районами. Однако с учетом того, что из-за кризиса спрос на газ и цены на него существенно упали, ставшая неизбежной диверсификация Туркменистаном направлений экспорта своего газа для Газпрома ситуацию принципиально не меняет. Эксперты считают также маловероятным, чтобы туркменский газ через иранские газопроводы мог в будущем наполнить европейский газопровод Nabucco. По действующему законодательству нефтью и газом на территории Ирана может владеть только правительство. Значит, туркменам придется продавать весь транзитный газ на границе, что крайне невыгодно, и на это они вряд ли пойдут. В то же время подключению Ирана к Nabucco противятся США, и, следовательно, для туркменского газа путь в Европу в обход России и Каспия остается пока закрытым³⁶.

Активизировались в последние годы контакты Туркменистана с арабским миром, особенно с Хашимитским королевством Иордания, которое заняло приоритетное место в "арабской политике" Ашхабада. Активно развиваются отношения с Объединенными Арабскими Эмиратами, Саудовской Аравией и Египтом. Все эти государства числятся умеренными, и они являются союзниками США на Ближнем Востоке. К тому же, Иордания и Египет имеют дипотношения с Израилем, а ОАЭ и Саудовская Аравия негласно поддерживают с ним экономические связи.

Благодаря выгодным продажам стратегически важного для национальной экономики газового сырья, Туркменистану обеспечена на ближайшие годы относительная стабильность, а власти республики, сохранив приверженность нейтральному статусу, сумели внести в ее дипломатию элементы разнонаправленности, что укрепило роль Туркменистана в качестве относительно самостоятельного игрока как центральноазиатской, так и мировой политики.

Пережившая в 2005 году "тюльпановую революцию" **Киргизия** (Кыргызстан) так и не вышла из полосы политических пертурбаций. В то же время правящая элита республики весьма преуспела в следовании политике "многовекторности",

³⁶ См.: *Наумов И.* Ашхабад построил свой "Южный поток". - Независимая газета. 13.11.2009.

предоставив территорию своего государства для военного базирования, как США/НАТО, так и России/ОДКБ. Эту ситуацию Россия и ее партнеры по ОДКБ и ШОС пытаются изменить, настаивая либо на указании точных сроков пребывания в “Манасе” американских военнослужащих, либо на закрытии этого военного объекта, расположенного в непосредственной близости от находящейся под командованием России базы ОДКБ в Канте, где присутствует в основном российский контингент.

В 2009 г. Кыргызстан получил от России пакет помощи на 2 млрд. долл. США в виде кредитов и займов в обмен на обещание вывести американскую военную базу. Тем не менее, тогдашний президент Киргизии К. Бакиев, предположительно присвоив часть этих средств, подписал в январе 2009 г. соглашение с американцами о продлении срока аренды базы. В ответ на это российское руководство, уставшее от бакиевских “многоходовок”, отменило с 1 апреля 2010 г. льготные таможенные пошлины на поставлявшиеся в Кыргызстан бензин и дизельное топливо. Этими льготами Кыргызстан пользовался как государство, входящее в ЕврАзЭС, а поводом для подобного шага России стало создание нового Таможенного союза, который приходит на смену ЕврАзЭС. Одновременно по российским телеканалам была развернута кампания критики “клана Бакиева”, которого обвинили в коррупции и тирании. Наряду с военным присутствием американцев, Москву насторожило также укрепление связей Бакиева с Китаем, который приступил к строительству в Киргизстане автомобильной и железной дорог, начал вкладывать туда инвестиции, а взамен получил доступ к природным ресурсам республики.

В феврале 2009 г. К. Бакиев издал, наконец, указ о закрытии “Манаса”, и парламент республики утвердил его в апреле, после чего Бишкек получил от России кредит в размере 450 млн. долл. США. Вашингтон, однако, не согласился ни с потерей “Манаса”, ни с тем, чтобы Россия взяла в “базовом вопросе” верх. К тому же Кыргызстан рассматривался как важное звено американской стратегии в регионе. Это было связано с выгодным географическим расположением республики, которая открывает дорогу к двум потенциальным “горячим точкам”, в управлении которыми США заинтересованы — китайскому Синьцзяну и Ферганской долине. А хроническая политическая нестабильность и корыстолюбие правящих элит Киргизии позволяли легко манипулировать и его правительством, и оппозицией. В этом плане Кыргызстан превратился для США в ЦАР в то же, чем стала для них на Кавказе Грузия: государством, ценность которого определяется не наличием энергоресурсов, а исключительно географическим положением.

В итоге К. Бакиев, ссылаясь на личную просьбу президента Афганистана Х. Карзая, а главное – добившись от Вашингтона согласия втрое увеличить арендную плату за “Манас”, позволил американцам и дальше пользоваться базой, но под новой вывеской – Центр транзитных перевозок (ЦТП). При этом подразделения Франции и Испании, также базировавшиеся в “Манасе”, в октябре 2009 г. были вынуждены покинуть базу, так как договориться с правительством Кыргызстана о продлении договора им не удалось. В качестве компенсации России Бакиев, верный своеобразно понятой им политике “многовекторности”, дал согласие на создание в Оше сроком на 49 лет и с правом пролонгации военной базы Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) ОДКБ. КСОР, как предполагалось, должны были стать, наряду с ОДКБ и ШОС, важной компонентой безопасности Центральной Азии. К этому решению Кыргызстан могли подтолкнуть также непрерывные угрозы со стороны соседнего Узбекистана, который обвинял власти соседней республики в слабом пограничном контроле, позволявшем проникать на территорию Узбекистана экстремистским элементам, и в том, что киргизские водно-энергетические проекты подрывали, с точки зрения официального Ташкента, экологию и сельское хозяйство

Узбекистана. Договоренность о новой базе была достигнута в ходе визита президента России Д. А. Медведева в Бишкек 1 августа 2009 г.

Негативная реакция властей Узбекистана, которых, как и их “старого-нового” стратегического союзника – США, не устраивало создание в ЦА еще одной российской военной базы, вынудила Москву отказаться от бишкекской “компенсации”. Но Россию все больше стали раздражать внешнеполитические метания киргизских властей и способ расходования полученных от РФ 450 млн. долл. (“приватизированных”, как утверждалось, семейством Бакиевых). Негодование в Москве вызвало и то, как правящая верхушка Киргизии распоряжалась с полученными по льготным ценам от России нефтепродуктами: она продавала их с большими “накрутками” арендуящим “Манас” американцам, а полученный с таких сделок “навар” клала себе в карман. Показателем того, что отношения с Киргизстаном пошли у России на спад, стал отказ в предоставлении запрошенного Бишкеком на строительство Камбаратинской ГЭС-1 кредита в сумме 1.7 млрд. долл. Это случилось во время визита в Москву 27 февраля 2010 г. премьер-министра Киргизской Республики Д. Усенова.

8 марта 2010 года появилась информация о том, что США намерены построить в Киргизии антитеррористический центр, стоимость которого оценивалась в 5.5 млн. долл. Этот шаг Вашингтона свидетельствовал о намерении расширить своё военное влияние не только в этой республике, но и во всей Центральной Азии. Администрация Барака Обамы давала также понять, что, несмотря на все трудности, связанные с ходом военной операции в Афганистане, она не только намерена сохранить присутствие в регионе ЦА, но и планирует последовательно укреплять здесь свои позиции. Представитель посольства Соединенных Штатов отметил, что создаваемый в Киргизии антитеррористический учебный центр – “часть более широкого сотрудничества США и Киргизии в сфере безопасности”. Речь шла о построенном ранее США Военном госпитале в селе Беш-Кунгей около Бишкека и об открытом ими в октябре 2009 г. учебном комплексе для сил специального назначения (“Скорпион”) в городе Токмак (Чуйская область), где киргизский спецназ стали обучать американские военные инструкторы³⁷.

Произошедшие 6-7 апреля 2010 г. народные волнения имели своим результатом отстранение от власти президента К. Бакиева и его окружения. “Революция Розы” (по имени Розы Отунбаевой, известного политика, руководительницы первой, “тюльпановой”, революции в Киргизии в марте 2005 г., назначенной декретом Временного правительства “президентом переходного правительства” на срок с 19 мая 2010 до 31 декабря 2011 г.) явилась по сути своей стихийным массовым восстанием. Оно было обусловлено в основном внутренними социально-экономическими проблемами, усугубленными межэтническими разногласиями, противоречиями между северными и южными кланами, коррупцией и непомерной жадностью правящего режима, выстроившего своего рода “семейную вертикаль власти”, но оказавшегося неспособным эффективно управлять государством.

Россия поддержала “революцию Розы”, хотя прежде выступала против “цветных” революций на евразийском пространстве: “розовой революции” 2003 года в Грузии, “оранжевой” 2004 на Украине и “тюльпановой” 2005 года в Киргизии. Причины тому – геополитические: Бакиев слишком сблизился с США и Китаем, что рождало в Москве дискомфорт. Тем не менее от миротворческой миссии в Киргизии, на чем настаивало Временное правительство республики, Москва уклонилась,

³⁷ *Матвеев А.* Вашингтону приглянулась Киргизия. – Военно-промышленный курьер. № 12 (238), 31.03.-06.04.2010.

памятуя, во-первых, о тех внешнеполитических осложнениях, к которым привело РФ вмешательство в конфликт в Южной Осетии в августе 2008 г., и, во-вторых, учитывая возможную негативную реакцию киргизских соседей (Узбекистана в первую очередь) на вмешательство в такой сугубо внутренний конфликт. Россия ограничилась лишь предоставлением Бишкеку экономической помощи и учреждением поста “спецпредставителя президента РФ по развитию отношений с Киргизией”. На него был назначен генерал-полковник Владимир Рушайло, который в свое время возглавлял МВД, Совбез, Исполком СНГ. Это говорило о том, что ситуация в Киргизии потребовала от Москвы особого внимания на период, предшествующий проведению в этой республике 10 октября 2010 г. парламентских выборов. Создавался, таким образом, и прямой канал связи с временным правительством Киргизии всех российских структур в этой стране, включая посольство РФ в Бишкеке и авиабазу в Канте.

Что касается ОДКБ, то поскольку эта структура была больше политическая, нежели военная, и она не вполне подходила для реагирования на внутривосточные потрясения, она не стала вмешиваться в киргизские события. Обращает на себя внимание реакция соседей Киргизии на “революционные” события в этой республике.

Официальный Ашхабад и подконтрольные ему СМИ, которым негласно запрещено сообщать о революциях или сменах власти в соседних государствах, внешне никак не проявил своего отношения к киргизской “революции”. Однако превентивные меры по ужесточению контроля за населением были, по сообщениям западных средств массовой информации, приняты. Что касается Казахстана и Узбекистана, то они тотчас же закрыли свои границы с Киргизией, что было продиктовано не только стремлением обезопасить собственных граждан от проникновения огнестрельного оружия, но и не допустить влияния киргизской смуты на внутривосточную ситуацию у себя дома, где имелась своя, скрытая оппозиция. Для казахстанского руководства произошедшее в Киргизии стало, кроме того, поводом, чтобы продемонстрировать свои амбиции регионального лидера. Попытавшись разрядить напряженность в Киргизии, в том числе и межэтническую, с помощью дипломатических методов, официальная Астана на внутривосточном фронте провела активную пропагандистскую кампанию, в ходе которой ненавязчиво напоминала населению о том, что ему следует ценить обретенную с таким трудом стабильность и относительное экономическое процветание.

Министерство иностранных дел Узбекистана дало 8 апреля 2010 г. официальную оценку происходящего в Киргизии как “внутреннего дела”. В заявлении МИД, в частности, отмечалось: “В Узбекистане верят в мудрость и благоразумие кыргызского народа, его способность найти и мобилизовать в себе силы для восстановления мира и общественной стабильности в стране”³⁸. Одновременно президент И. Каримов провел 19-20 апреля переговоры в Москве, где выразил озабоченность тем, что события в Кыргызстане могут оказать дестабилизирующее воздействие на регион. Патриарх центральноазиатской политики особо подчеркнул тогда, что “видит в лице России надежного, проверенного партнера”, являющегося “решающим звеном не только в обеспечении мира и стабильности во всем мире, но, прежде всего, в регионе Центральной Азии”³⁹.

³⁸ События в Кыргызстане является внутренним делом страны – МИД Узбекистана. Опубликовано 09.04.2010 на официальном сайте UzDaily.uz (Узбекистан). URL: <http://www.uzdaily.com/articles-id-2065.htm>

³⁹ <http://www.uzmetronom.com/2010/04/20/razvedka-boem-sostojalas.html>

Сходную с Каримовым позицию занял президент Таджикистана Э. Рахмон, с беспокойством наблюдавший за "внутренними делами" Кыргызстана и заявивший 24 апреля, что намерен взять курс на сближение с российским руководством.

Особую заинтересованность в стабилизации ситуации в Киргизии проявил Китай, имеющий с этой центральноазиатской республикой границу протяженностью более 800 километров и рассматривающий Киргизию как мост, соединяющий КНР с Центральной Азией и Евразией. Китайские товары из Синьцзяна составляли почти 70% всего киргизского импорта, и Киргизия сменила, таким образом, в этом качестве Казахстан, а уровень двусторонней китайско-киргизской торговли достиг отметки в 10 млрд. долл. США – суммы, огромной для такой бедной страны, как Кыргызстан с его 5-миллионным населением. Пекин открыто не вмешивался в кризис в Киргизии, однако перевел пограничные службы в соседствующем с Киргизией Синьцзян-Уйгурском автономном районе в режим повышенной готовности.

Что касается Вашингтона, то он занял в отношении киргизских событий внешне отстраненную позицию, что, впрочем, может быть объяснено не "прозрением" администрации относительно тщетности усилий по насаждению демократии в переходных постсоветских обществах или же воздействием "перезагрузки" в российско-американских отношениях. Скорее всего, в условиях дефицита ресурсов и внутренней нестабильности, рожденных глобальным финансовым кризисом, США и их партнеры сочли более приемлемым временно отступить с некоторых своих позиций в СНГ, рассчитывая в скором времени туда вернуться. Примечательным в этой связи выглядит высказывание известного американского политолога Ариэля Коэна: "Когда первоначальный шок от второй киргизской революции пройдет, администрации Обамы надо будет снова включить постсоветское пространство в список американских геополитических приоритетов. На кон поставлены наши усилия в Афганистане, а также присутствие Запада в центре Евразии"⁴⁰. Пока же США не стали возражать против того, чтобы Россия взвалила на себя ответственность за поддержание порядка в ЦА. К тому же в США, как и в России, отдавали себе отчет в том, что новая власть в Киргизии все еще очень непрочна, и она не пользуется пока абсолютной поддержкой в стране.

Тем не менее, уже 14 апреля 2010 г. в Киргизии побывал помощник госсекретаря США Р. Блейк, который провел с лидерами Временного правительства переговоры об оказании Киргизии экономической помощи. Накануне приезда американского эмиссара глава временного правительства Р. Отунбаева заявила, что соглашение с США об использовании базы в Манасе после истечения 10 июля 2010 г. договоренного срока аренды будет продлено еще на год. Это обещание 13 апреля подкрепил и новый министр обороны Киргизии Исмаил Исаков. На встрече с Блейком он отметил "важную роль американского Центра транзитных перевозок в Манасе в обеспечении международных сил, действующих в Афганистане"⁴¹. Но только 9 сентября 2010 г. Госдепартамент США подтвердил, что договор об аренде ЦТП продлен еще на год, в связи с чем американская сторона обязалась выплачивать за это новым властям Киргизии ежегодно по 60 млн. долл.⁴² В дополнении к этому 22 сентября посольство США в Кыргызстане объявило об открытии в Оше Временного центра координации помощи (Temporary Assistance Coordination Unit — TACU).

⁴⁰ *Cohen A.* Obama's stake in second Kyrgyz revolution. - The Wall Street Journal, 12.04.2010. URL: <http://online.wsj.com/article/SB10001424052702303828304575180041042112102.html>

⁴¹ *Орозалиев Б., Сысоев Г.* Распад на север, юг и базу. – Коммерсантъ. 15.04.2010.

⁴² ИТАР-ТАСС, 10.09.2010 (<http://www.itar-tass.com/level2.html?NewsID=15479496&PageNum=0>)

О значении, которому придают США ТПЦ в Манасе, говорят переговоры с президентом Р. Отунбаевой представителей американского правительства, прибывших в Кыргызстан сразу же по завершении парламентских выборов, где победу одержали оппозиционные Временному правительству партии, выступающие за вывод из страны базы США.

Переговоры с Москвой относительно новой военной базы в Оше отложены, по всей видимости, на более поздний период. Пока по итогам стартовавших в Киргизии 20 сентября 2010 г. двусторонних переговоров с Россией решено объединить имеющиеся в этой республике российские военные объекты (торпедно-испытательный полигон в Караколе, авиабаза Кант, узел связи ВМФ в поселке Кара-Балта и сейсмологическая станция в районе Майлуу-Суу) в одну базу. Кроме того, правительство Кыргызстана дало согласие на отправку в Ош оперативной группы погранвойск ФСБ РФ для пресечения, согласно заявлению директора ФСБ В. Проничева, деятельности в приграничных районах Киргизии “транснациональных преступных группировок”, контролирующих наркотрафик, помогающих нелегальным эмигрантам переправляться за границу и даже занимающихся “обучением террористов”⁴³. Россия, таким образом, фактически обозначила свое военное присутствие на беспокойном юге республики.

В Ош должна была прибыть и полицейская миссия Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Ее Постоянный совет утвердил 15 июня 2010 г. заявление по ситуации в Кыргызстане. А с 24 по 28 июня 2010 г. в Бишкеке находилась “миссия полицейских сил” ОБСЕ для обсуждения плана действий по оказанию консультативной и экспертной помощи в постконфликтном урегулировании и восстановлении мирного процесса на юге страны. Позже этот вопрос был обсужден в Вене и Бишкеке с представителями Киргизии. Итогом этих встреч стал план действий для Полицейской консультативной группы ОБСЕ — первой миротворческой структуры такого рода в ЦА. Предполагалось, что группа будет выполнять три основные задачи: мониторинг, кураторство и консультирование. Однако прибытие миссии ОБСЕ было отложено. На это решение могли повлиять организованные оппонентами новой власти Киргизии многочисленные протестные акции. Неоднозначной была и реакция киргизского общества на согласие Р. Отунбаевой провести независимое международное расследование июньских событий на юге Киргизской Республики⁴⁴. Примечательным в этой связи выглядит заявление мэра города Ош М. Мырзакматова, сделанное им в интервью российской газете “Коммерсантъ” о том, что “развертывание полицейских сил ОБСЕ на юге Киргизии равносильно повторению в Ферганской долине ‘косовского опыта’”⁴⁵ (мэр, видимо, имел в виду насильственное отторжение от Сербии части ее территории).

Тем не менее, уже во второй половине октября 2010 г. в Кыргызстан прибыла международная комиссия, которая занялась расследованием межэтнического конфликта, произошедшего на юге республики в июне. Она должна выявить факты и причины произошедшей трагедии и дать свои рекомендации, дабы предотвратить повторения подобных событий впредь. Таким образом, новые власти Киргизии, демонстрируют, как и их предшественники, открытость, готовность сотрудничать с

⁴³ *Карабеков К., Реутов А.* Российские пограничники опередили полицейских ОБСЕ. – Коммерсантъ. 29.09.2010.

⁴⁴ См. подробнее: *Искендеров П.* Тень Косово и ОБСЕ над Киргизией. Опубликовано 23.08.2010 на сайте Фонда стратегической культуры. Постоянный адрес: <http://www.fondsk.ru/article.php?id=3226>

⁴⁵ Коммерсант 19.08.2010.

самыми разными внешними силами. Время покажет, удастся ли им синхронизировать решение сложнейших внутренних проблем республики с внешнеполитическим маневрированием и способно ли оно в принципе помочь погасить тлеющий очаг недовольства на юге республики, где в июне 2010 г. в Оше и Джалал-Абаде уже имели место кровавые межэтнические столкновения.

Ранее ставка на "многовекторность" не спасала правящие режимы независимой Киргизии от краха. Нет также пока оснований надеяться на то, что новые киргизские власти сумеют приглушить синхронную нестабильность, опираясь на разные внешние силы. Страна ослабела, и от тех, кто пришел на место "клана" Бакиева, потребуются колоссальные усилия, чтобы предотвратить превращение Киргизии в "несостоявшееся государство", внутренняя разбалансированность которого благоприятствует вмешательству извне.

Сложившийся в **Республике Таджикистан** (РТ) по окончании там гражданской войны некоторый политический плюрализм, когда власть не препятствовала легализации деятелей Объединенной таджикской оппозиции (ОТО), сходит постепенно на нет. Однако самой большой проблемой республики является не столько ущемление прав отдельных политиков и партий, не угроза исламистской экспансии, сколько внутренние проблемы: тяжелая экономическая и социально-политическая ситуация, усугубляемая высоким уровнем коррупции и грозящая социальными взрывами, массовая безработица, энергетический и продовольственный коллапс, угроза превращения "нормальной" экономики в наркоэкономику и пр.

Проблемы Таджикистана усугубляет соседство с беспокойным Афганистаном. По существу Таджикистан, имеющий самую протяженную границу (в 1400 км) с Афганистаном, был связан с его проблемами со времен установления в Афганистане власти Талибана. И по сию пору Таджикистан находится в самом центре сопредельной с ЦА конфликтной зоны. В 1993 г. российские пограничники взяли на себя обязательства по охране таджикско-афганского участка границы. Однако в начале декабря 2004 г. таджикстанская сторона добилась от России передачи ей полномочий по охране собственной границы, что не сделало ее более безопасной. При этом Россия сохранила за собой комплекс космического слежения на Памире, а в Душанбе осталась 201 дивизия РФ, которая в октябре 2004 г. получила новый статус и стала называться 4-й военной базой.

В последние годы во внешней политике Таджикистана наблюдается некоторое разочарование интеграционным потенциалом СНГ, что проявилось в уклонении от присоединения к различным обязательствам в рамках СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ. Была намеренно снижена и российская ориентация. Например, российский промышленный холдинг Русал, намеревавшийся участвовать в достройке самой мощной в Центральной Азии Рогунской ГЭС, был вытеснен с энергетического рынка Таджикистана. А 5 октября 2009 г. в Таджикистане был принят закон "О государственном языке". Согласно ему делопроизводство республики было переведено на таджикский язык (ранее оно дублировалось на русском), хотя по конституции РТ русский язык был объявлен языком межнационального общения.

Все это выглядело достаточно странно, если учесть зависимость экономики Таджикистана от российской помощи. Большая часть трудовых мигрантов из Таджикистана (до 85% от общего числа всех выехавших из этой страны на заработки) обосновалась именно в России. Оттуда поступали денежные переводы, смягчившие в известной мере процесс адаптации жителей Таджикистана к условиям начавшегося с осени 2008 г. глобального экономического кризиса и обеспечившие в 2009 г. почти половину всего годового бюджета Таджикистана. Значительную роль

Россия играла и в поддержании безопасности республики: присутствие здесь российских военных стало существенным сдерживающим фактором для возможных экстремистских или террористических вылазок со стороны соседнего Афганистана.

Но руководство Таджикистана сочло, видимо, более выгодным для себя начать вести с Россией ту же, что и другие центральноазиатские лидеры, игру, имя которой – многовекторность. Однако, как подчеркивает российский специалист по ЦА и СНГ А. Грозин, попытки Рахмона “выстраивать свой вариант многовекторности и действовать по примеру более успешных азиатских коллег типа Назарбаева, воспринимается Москвой как неоправданная политика. Что позволено казахам, не позволено таджикам, живущим в малоперспективном в экономическом плане и зависимом от российских инвестиций государстве. Их претензии на самостоятельность воспринимаются как покушение на статус РФ в регионе”⁴⁶. По мнению же А. Дубнова, “концепция внешней политики Таджикистана исходит из ущербного принципа – попытаться быть не хуже, чем, скажем, не более богатая Киргизия, и выторговать из великих или богатых держав как можно больше за допуск к своим национальным богатствам и геополитическому положению”⁴⁷. Такая “многовекторность”, возможно, поможет РТ какое-то время продержаться на плаву, однако едва ли в перспективе она обеспечит республике стабильность и процветание. Не решат проблемы Таджикистана волшебным образом американские и европейские доноры.

Они, действуя по отработанной в других странах ЦА (и всего постсоветского пространства) схеме, вкладывают в Таджикистане финансовые средства не столько в экономические проекты, сколько в правящие господствующие группы. И хотя этот ручеек долларов и евро несопоставим с финансовыми потоками, направляемыми в республику из России таджикскими трудовыми мигрантами, пророссийский настрой некоторых представителей таджикской элиты сменяется прозападным. Очевиден и проявленный американскими и натовскими структурами военно-политический интерес к Таджикистану. Он обусловлен возможностями этой центральноазиатской республики стать транзитом для переброски крупных военных контингентов в Афганистан. И власти РТ пытаются поскорее извлечь выгоду из этой ситуации. Так, 11 февраля 2009 г. президент Таджикистана Э. Рахмон посетил штаб-квартиру НАТО, где на встрече с Генеральным секретарем альянса обсудил конкретные области сотрудничества, в том числе в контексте Индивидуального плана действий партнерства. Напомним, что начало сотрудничеству между НАТО и Таджикистаном было положено в феврале 2002 г., когда Таджикистан вступил в программу “Партнерство ради мира”, а в 2009-2010 гг. Таджикистан стал важным транспортным коридором для снабжения войск коалиции в Афганистане.

В марте 2009 г. на встрече глав военных ведомств центральноазиатских республик с руководством Центрального командования вооруженными силами США в центральном регионе (United States Central Command – USCENTCOM) представитель Таджикистана заявил о готовности своей республики укреплять границы с Афганистаном, бороться с наркотрафиком, создавать базы и опорные пункты на случай вторжения исламистов. После этого западная военная помощь

⁴⁶ Цит. по: Соловьев В. Эмомали Рахмону накрывают базу. – Коммерсантъ. 22.10.2009.

⁴⁷ Визит Рахмона в Москву и проблемы внешней политики Таджикистана. Опубликовано 23.02.2009 на сайте “Немецкой волны”. URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,4051102,00.html>

Душанбе существенно возросла. Однако попытки американской администрации и Пентагона добиться от президента Таджикистана согласия на создание в республике военной базы США, пока успехом не увенчались. Душанбе, правда, планирует подписать с США соглашение о строительстве Национального тренировочного центра на сумму в 10 млн. долл. Ведутся также переговоры о размещении в республике центра НАТО по борьбе с терроризмом, который американские и натовские военные хотели бы видеть на интересующем Россию аэродроме Айни близ города Гиссар, находящегося в 25 км от Душанбе. Есть, однако, основание предположить: встречные шаги Душанбе к расширению военного сотрудничества с США и НАТО обусловлены не столько сменой внешнеполитических приоритетов, сколько поисками новых источников финансовых поступлений, помимо тех, что идут в страну от работающих в России мигрантов.

Продолжилось и бурное развитие отношений Таджикистана с Китаем – в основном в сфере экономики и энергетики. В 2009 г. республика заключила с китайской стороной миллиардный контракт на строительство Нурабадской ГЭС-1 и Душанбинской ТЭЦ.

Заметно активизировались контакты Таджикистана с Ираном, который сделал основной упор в своей деятельности на культурно-языковой общности таджиков и персов. Немалое значение придавал Иран и распространению в Таджикистане шиизма. 4-5 января 2010 г. президент ИРИ М. Ахмадинежад посетил Таджикистан с официальным визитом, что было расценено рядом экспертов как стремление властей республики использовать Иран в качестве противовеса России. Одним из ключевых моментов встречи глав двух государств стала поддержка руководителем Таджикистана мирной атомной программы Ирана. Таджикистан, кроме того, лоббировал кандидатуру Ирана в ШОС, чему воспротивились Узбекистан и Казахстан. В свою очередь Иран, стремясь к расширению своего влияния в Таджикистане, а также в северном Афганистане, населенном преимущественно таджиками, пошел на смягчение визового режима с Таджикистаном. Соответствующий “Меморандум о взаимопонимании” был подписан представителями министерств иностранных дел РТ и ИРИ в Душанбе 7 мая 2010 г. Между тем сближение с Ираном может обойтись Таджикистану дорого. Иран уже успел внедрить своих людей в систему органов государственной власти и управления Таджикистана, партийные структуры, в том числе оппозиционные. Как отмечено одним из экспертов по ЦА, “сложная социально-экономическая обстановка в Таджикистане, обострение клановой борьбы, усиление изолированности отдельных регионов, а также межэтнические и региональные конфликты, будут и далее способствовать активизации деятельности иранских спецслужб и подконтрольных им организаций на территории Таджикистана, что станет главным козырем в дальнейшем усилении доминирования Ирана в республике в религиозной и политической сферах”⁴⁸.

Итак, “многовекторность” используется руководством Таджикистана как одно из средств выхода из сложной кризисной ситуации, в которой оказалась республика. Но если другим экономически более успешным государствам ЦА как-то удавалось в рамках этой стратегии выторговывать для себя те или иные преференции в обмен на допуск к своим природным ресурсам, то для Таджикистана такая политика едва ли сможет быть оправданной – по причине большей зависимости от России, а также из-за невысокой перспективности Таджикистана в экономическом плане.

В целом же тактика лавирования между мировыми центрами влияния (“многовекторность”), приносившая до недавнего времени некоторые дивиденды

⁴⁸ *Елизаров М. И* нашим и вашим...Таджикско-иранские отношения. Опубликовано 11.02.2010 на сайте “Центразия”. Постоянный адрес статьи: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1265838300>

центральноазиатским правящим элитам, поскольку помогала им добиваться определенной выгоды из разных источников, начала давать сбои, потому что геополитическое соперничество в ЦАР обострилось, что в свою очередь стимулировало борьбу внутри элит в каждом государстве. Сами республики ЦА столкнулись с серьезными межгосударственными проблемами, которые, хотя и не решаются, но не выходят пока за рамки чисто политических разногласий, что можно расценить как позитивный момент, поскольку в регионе нет эффективных структур, гарантирующих безопасность и стабильность.

Обращает на себя внимание и то, что многовекторная стратегия, избранная центральноазиатскими странами, не позволяет им подключиться к глобальным процессам в роли полноценных и равноправных игроков. Не способствует этому и сложившаяся к настоящему времени геополитика центральноазиатского пространства.

Оно, во-первых, в силу неустойчивости и асимметричности развития остается политически нестабильным. Во-вторых, крупнейшее государство СНГ – Россия все еще находится в поиске новых подходов в своих взаимоотношениях с ЦАГ и нестандартных ответов на вызовы глобализации, прежде всего, в плане защиты национального суверенитета. В-третьих, превращение региона усилиями США, Китая, ряда европейских стран, а также крупных многонациональных корпораций, в площадку соперничества и конкуренции, породило опасную нестабильность. В-четвертых, многостороннее соперничество чревато трансформацией ЦАР в бесперспективный с экономической и политической точек зрения регион. Не став самостоятельным и самодостаточным региональным центром силы и влияния, ЦАР может стать заложником противоборства больших стран и, тем самым, отчасти повторить судьбу Евросоюза или же Ближнего Востока. Сама зависимость ЦАГ от внешних факторов не стала стабилизирующим фактором, каким она могла бы быть при определенных обстоятельствах, и эта зависимость только стимулирует межгосударственную конфронтацию и кризисы.

Исходя из этих сегодняшних реалий, можно предположить, что перед государствами ЦАР открывается несколько вариантов развития. Первый состоит в том, чтобы двигаться по пути собственно центральноазиатской интеграции без участия России, Китая либо еще кого-то, превращаясь в “узкий” целостный ареал (*регион*), пять государств которого оказываются сцеплены, наподобие ЕС или АСЕАН, тесными экономическими и политическими узами, а также взаимной зависимостью. Второй вариант сводится к возможности развивать совместно с Россией и частично под ее эгидой новую модель евразийского интеграционного объединения на базе структур СНГ – ЕврАзЭ, Таможенного союза, ОДКБ. В соответствии с третьей опцией, ЦА может стать частью дополненного Монголией региона, сформированного на основе ШОС (но без России), где лидерство будет принадлежать Китаю и где ЦАГ будет отведена роль потребителя китайских товаров и поставщиков сырья для бурно развивающейся китайской экономики. Может ЦАР стать, согласно американскому проекту, и частью “расширенного” пространства (Большой Центральной Азии или же Большого Ближнего Востока), планируемого как конгломерат не схожих между собой и лишь номинально сохраняющих суверенитет государств, которые, возможно, даже подвергнутся дроблению на более мелкие образования с целью облегчения управления ими “коллективным Западом”.

Эти опции могут получить завершение только в отдаленной перспективе. В наши же дни центральноазиатские государства активно действуют во всех направлениях. Европейское, включающее в себя сотрудничество с Россией, а также с Европейским союзом – одно из них.

ГЛАВА 2. ЕВРОПЕЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Фактор России

Если в начале 1990-х годов существование ЦАР как самостоятельного субъекта в системе международных отношений вне России представлялось нереальным, то в наши дни такая предопределенность геополитического единства России и ЦА не выглядит единственной альтернативой. Тем не менее, Россия, большая часть территории которой находится на азиатском материке и только 20% — в Европе, остается жизненно важной транзитной территорией для всех центральноазиатских республик, находящихся в зависимости от экспорта своих природных ресурсов. На некоторых рынках природного газа и нефти ЦАГ Россия выступает в качестве единственного покупателя; она, кроме того — почти единственный поставщик электроэнергии и главный спонсор развития гидроэлектроэнергетики в регионе.

Между тем в истории новой России ЦА не всегда имела приоритетное значение. В начале 1990-х годов многие “перестроечные” политики, посчитав азиатские республики бывшего СССР “балластом” и призвав к избавлению от него, сумели убедить тогдашнее российское руководство фактически покинуть регион. Этот шаг, как подчеркивает И. Звягельская, был продиктован “не столько экономическими, сколько политическими соображениями российского руководства”, стремлением “российских демократов первой волны как можно скорее избавиться от политического груза центральноазиатских авторитарных режимов, выросших из советского коммунистического прошлого и способных, по их мнению, поддержать коммунистический реванш”⁴⁹. Вследствие резкого разрыва экономических связей, выталкивания республик региона из рублевой зоны, других негативных факторов новых независимые государства ЦА столкнулись в первой половине 1990-х годов с чрезвычайно болезненными проблемами. Их, впрочем, не удалось избежать тогда и самой России, экономика которой не “всплыла” после сбрасывания “центральноазиатского балласта”. Но и в таких неблагоприятных условиях уже на первых порах независимости государствам ЦАР удалось провести ряд социально-экономических преобразований, совпавших по основным параметрам с теми, что проводились в России.

К началу 2000-х годов политическая линия в отношении ЦА меняется: в Москве подчеркивают, что от стабильности центральноазиатских государств во многом зависит национальная безопасность самой России, и этот регион постсоветского пространства рассматривается как важная зона геополитических интересов России. Толчком к такому “прозрению” стали произошедшие в регионе ЦА кардинальные изменения — пришествие американо-натовских военных, смещение интересов Китая, Индии, других региональных держав в направлении ЦАР и его энергоресурсов, развертывание транспортных и трубопроводных “войн”, ожесточенного геополитического соперничества, конечным итогом которого могло бы стать окончательное вытеснение России из центральноазиатского пространства. К тому же РФ, центральноазиатские государства, а также Иран, объединили со второй половины 1990-х годов общие стратегические интересы в афганском вопросе. Они были связаны с необходимостью противостоять угрозе талибов, которых поддерживали в тот период Пакистан, США и Саудовская Аравия.

⁴⁹ Звягельская И.Д. Становление государств Центральной Азии. М., 2009, с. 40.

Присоединение Китая к этим коллективным усилиям, направленным также и на создание единой системы региональной безопасности в ЦА, также способствовало постепенному заполнению геополитического вакуума, образовавшегося в ЦАР после распада СССР. Так, параллельно с Договором о коллективной безопасности (преобразованным в 2003 г. в Организацию Договора о коллективной безопасности – ОДКБ), деятельность которого ограничивалась только рамками СНГ, начала активно функционировать влиятельная международная организация Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). В ней, помимо России и ЦАГ (кроме Туркменистана), был представлен Китай, а в качестве наблюдателей – ряд азиатских государств. Таким образом, в сложившейся к началу 2000-х годов в Центральной и Южной Азии геополитической конфигурации, учитывавшей интересы России, а также Китая и Ирана, для США места уже не оказывалось.

Утвердившийся с 1998 г. в Кабуле Талибан уже не стал к тому времени отвечать американским и саудовским интересам, и в ответ на теракты 11 сентября 2001 г. США начали в Афганистане многолетнюю войну под названием “Несокрушимая свобода”. В 2002 г. к этой войне подключились остальные страны НАТО, которые действовали в соответствии со своими союзническими обязательствами по коллективной обороне согласно 5-й статье основополагающей хартии НАТО – Вашингтонскому договору. Афганистан, считает казахстанский исследователь С. М. Акимбеков, был выбран Соединенными Штатами по причине того, что он “был той ключевой точкой при общем равновесии всех противостоящих друг другу сил, где мог решиться общий вопрос геополитического противостояния во всем регионе Центральной Азии”⁵⁰.

Несмотря на большую вероятность перераспределения в ЦАР сил в пользу США, Россия не стала возражать против их военного вхождения в Центральноазиатский регион, который продолжала считать сферой своих интересов. Но режим талибов виделся в Москве как весьма серьезная угроза, поскольку именно из афгано-пакистанского источника питались в значительной мере активизировавшиеся в 1990-е годы на Северном Кавказе сепаратисты и террористы в религиозном обличье. А потому российские политики и экспертное сообщество легко согласились с выдвинутым их американскими коллегами тезисом: Россия только выигрывает от военного присутствия в регионе США. С этим аргументом можно было согласиться, если бы имелось в виду только снятие угрозы терроризма, исходившей, как считалось, от талибов и их союзников из Аль-Каиды. Но едва ли получившее новый стимул после 2001 г. военно-политическое “освоение” Соединенными Штатами/НАТО Центральной Азии отвечало российским интересам, разумеется, если они и дальше связывались с присутствием в ЦА. Ведь по существу, не пообещав ничего конкретного в плане ответственности за стабильность в ЦАР, США кардинально поменяли там схему поддержания безопасности. На эту новацию обратили внимание в Китае, где поведение России многие расценили как близкое к капитуляции. Китайский ученый Чжао Хуашэн отмечал в этой связи: “Военное присутствие Соединенных Штатов в ЦА стало для ее стран альтернативным вариантом обеспечения безопасности, что еще больше снизило роль не только России, но еще в большей мере ОДКБ в обеспечении безопасности в Центральной Азии”⁵¹.

Не утратила своей актуальности и оценка, которую дал России и ее месту в тогдашней центральноазиатской стратегии США американский политолог Евгений Румер, работавший в 2002 г. в одном из влиятельных *think-tank* – Институте

⁵⁰ Акимбеков С.М. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. Алматы, 2003, с.345.

⁵¹ Чжао Хуашэн. Китай, Россия, США: интересы, позиции, взаимоотношения в Центральной Азии. – Центральная Азия и Кавказ, Стокгольм, 2004, № 5 (35), с. 140.

национальных стратегических исследований: “То обстоятельство, что Россия с ее ограниченными ресурсами слаба – и в военном отношении и в плане своих возможностей применить силу – будет означать, что она не является серьезной кандидатурой на роль государства, поддерживающего в регионе безопасность, или же становящегося его гегемоном, вне зависимости от того, какими будут российско-американские отношения. . . Слабая в военном отношении Москва только выиграет в плане безопасности от американского военного присутствия в Центральной Азии, как ни трудно было бы российской элите смириться с таким поворотом событий”⁵².

Однако же предпринятые Россией уже с середины 2000-х годов шаги свидетельствовали как раз не о смирении, а скорее о намерении компенсировать предшествующий период бездействия, за время которого в Центральной Азии успели обосноваться более влиятельные центры притяжения, нарушившие, в известной мере, региональный баланс. Тем более что традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности выглядели в ЦА для России острее и являлись несравненно более актуальными, чем для нерегиональных игроков. Россия не могла больше игнорировать, например, поток наркотиков, хлынувших из Афганистана, превращение этой страны, а также некоторых районов Центральной Азии, в транзитную территорию, по которой в Россию перемещались наркоторговцы и религиозно-экстремистские элементы. Поэтому она в очередной раз попыталась взять на себя задачу обеспечения безопасности региона, активнее подключить ЦАГ к интеграционным процессам в рамках структур СНГ, где лидирующая роль принадлежала бы России. Ее инициативы были в целом встречены с пониманием в регионе, где от России все еще ждали помощи в повышении боеспособности местных армий, укреплении границ, в деле формирования эффективно действующих национальных структур безопасности и пр. Да и в целом Россия имела серьезный потенциал для того, чтобы реализовывать свои интересы в ЦА, поскольку она обладала достаточно мощным ресурсом, который частично сохранился и поныне.

Россию связывают важные двусторонние договоры или же стратегические союзы с Казахстаном и другими государствами региона. Она занимает центральное место в ОДКБ и лидирует, наряду с Китаем, в ШОС, действующей в качестве полновесной международной структуры. Россия является фактически самым влиятельным участником созданной в 2000 году в Астане (в составе России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана) международной экономической организации Евразийское экономическое сотрудничество (ЕврАзЭС). С 18 октября 2004 г. Россия стала членом попытавшегося дистанцироваться от нее Центральноазиатского сотрудничества (ЦАС) – сугубо регионального объединения, где тон задавал Узбекистан, негласно поддержанный Западом в этом своем амбициозном начинании. Россия затем немало способствовала слиянию ЦАС с ЕврАзЭС и фактическому упразднению позднее (6 октября 2005 г.) самой ЦАС, так и не сумевшей, впрочем, реализовать ни одну из поставленных целей.

Несет Россия и огромное бремя по фактической экономической реинтеграции с ней центральноазиатского пространства. В Россию приезжают работать миллионы легальных и нелегальных выходцев из региона ЦА (в основном из Таджикистана, Киргизии и Узбекистана), и их денежные переводы не только позволяют выживать на родине значительной части населения, но и составляют существенную прибавку к местным бюджетам. Россия снисходительно относится к вопросу выплат центральноазиатскими республиками их долгов России, обеспечивает торговые, коммуникационные, энергетические взаимосвязи ЦАГ. Наконец, российский ВПК, где

⁵² *Rumer E. Flashman's Revenge: Central Asia after September 11—Strategic forum, 2002, Dec., N 195, p.3.*

сосредоточено почти 90% всех действующих в СНГ предприятий “оборонки”, продает военную продукцию по льготным ценам своим партнерам по ОДКБ. Москва предоставляет также льготы по созданию совместной инфраструктуры военного управления. Таким образом, несмотря на существенные потери в доходной части своего бюджета, Россия пытается создать некий стимул для привлечения постсоветских государств ЦА к оборонной организации СНГ.

Заинтересованная в развитии и укреплении экономического и политического партнерства со всеми центральноазиатскими соседями, Россия выстраивает ныне совершенно новые форматы взаимодействия со странами региона в различных сферах. Она стремится реформировать систему регионального сотрудничества, перенося постепенно интеграционный центр тяжести с СНГ на ЕврАзЭС. Заслуживают несомненного внимания и российские инициативы, направленные на усиление взаимодействия с центральноазиатскими государствами в военно-политической сфере, в рамках которой выполняются задачи поддержания безопасного развития стран региона. Россия формирует вместе с Казахстаном и Белоруссией Таможенный союз.

Хотя российский бизнес все еще крайне неохотно идет в регион, так как там - высокие риски, большие затраты при весьма скромных процентах прибыли и пр., интерес для российских предпринимателей может представлять дальнейшее развитие связей с центральноазиатскими государствами в сфере производства электроэнергии, крупной металлургии. Развитие экономических отношений России со странами Центральной Азии, инвестиции российских компаний в создание новых предприятий и крупных проектов стратегического значения (нефтегазовая отрасль, коммуникации, хлопковая промышленность и т.д.) могут помочь частично снять социально-политическую напряженность в центральноазиатском обществе.

Развитие сотрудничества в нефтегазовом секторе представляется важнейшей сферой прибыльного приложения российских капиталов в Центральной Азии. Российские нефтегазовые корпорации вполне конкурентоспособны в глобальном масштабе, и они имеют преимущество перед другими на участие в развитии центральноазиатского энергетического комплекса, поскольку Россия (наряду с Китаем) – основной донор региона. Кроме того, нефтегазовый сектор Центральной Азии, как отмечалось выше, опирается главным образом на российскую трубопроводную систему. Обладая внушительными объемами топливно-энергетических ресурсов и разветвленной энергетической инфраструктурой, Россия объективно имеет хорошие шансы на лидерство и в мировом энергетическом процессе и в геополитике ЦАР. Именно поэтому Россия заинтересована в скорейшем решении проблем, связанных с достижением здесь энергетической безопасности.

Сама центральноазиатская безопасность в широком значении этого понятия рассматривается Москвой не столько как функция нерегиональных сил (США или НАТО), сколько в основном как прерогатива самих стран региона. Есть и существенная политическая составляющая: содействуя экономической интеграции постсоветской Евразии, Россия инициирует одновременно создание единой системы добычи и перераспределения энергоносителей, естественно, по рыночным ценам. Эту идею поддерживает руководство Турции, Индии, Китая и других соседних с Центральной Азией стран. Подобная система может послужить делу безопасности не в меньшей мере, чем военная сила. Таким образом, стремление России утвердиться в качестве энергетической сверхдержавы становится не только важнейшей составной частью ее международной политики, но также и стратегии, рассчитанной на взаимовыгодное сотрудничество с центральноазиатскими государствами.

Выступая против ускоренной демократизации центральноазиатских обществ по западным лекалам, Россия в то же время вовсе не является здесь противницей демократических преобразований. Комментируя часто звучащие в адрес России обвинения в поддержке ею недемократических, с точки зрения Запада, режимов ЦА, известный российский исследователь С. Лузянин подчеркивает: «Проблема не в степени демократичности или недемократичности того или иного строя в Центральной Азии (по сути, все режимы в регионе в той или иной степени авторитарны), а в том, чтобы в сопредельной России Центральной Азии не появился 'второй Афганистан'. Если это произойдет, то будет уже не важно, кто занимается процессами модернизации и трансформации. Просто потому, что ими заниматься будет некому и незачем. Модель исламского халифата, несмотря на всю экзотичность, вполне реальна и теоретически осуществима, особенно в Ферганской долине на стыке трех государств – Узбекистана, Киргизии и Таджикистана. К тому же сложная политико-криминальная ситуация в послереволюционной Киргизии также объективно способствует этому»⁵³.

И действительно, не Россия ответственна за консервацию в странах Центральной Азии авторитарной модели (которая, кстати, вовсе не служит для США и Евросоюза препятствием для установления отношений партнерства и сотрудничества с рядом стратегически важных и богатых ресурсами государств ЦА). И уж тем более не вынашивает Россия неоимперских замыслов в отношении независимых государств региона. В последние несколько лет Россия в своих отношениях с ними ориентируется, прежде всего, на собственную экономическую выгоду, и именно такой подход постепенно становится преобладающим в российской политике в отношении ЦА. При этом если Россия дает понять, что рассматривает энергетический фактор, например, как способ усиления своего влияния в странах ЦА, то западные государства говорят там главным образом о ценностях демократии, хотя в действительности Евросоюз, например, более всего заинтересован в природных ресурсах региона и его углеводородных богатствах. Всем западным странам демократическая риторика не мешает вести себя в ЦА вполне прагматично.

Это должно стать хорошим уроком для России, ибо сегодня строить отношения со странами ЦА, исходя только из рассуждений об экономической выгоде – значит сознательно сужать поле приложения своих национальных интересов. А ведь в основании связи Россия - ЦА лежат и уходящие в глубину веков контакты русских с народами ЦАР, и их общее историческое прошлое, и взаимодействие в гуманитарной сфере, в области культуры и политики. Поэтому выстраивая свою национальную стратегию в ЦАР, где преимущество ныне отдается проблемам взаимодействия в сфере энергетики и обеспечения безопасного развития в рамках двустороннего и многостороннего сотрудничества, России полезно было бы учитывать необходимость взаимодействия в гуманитарной сфере, формирования общего со странами ЦА культурного, информационного, языкового пространства. Такая политика относительно малозатратна, и от нее в перспективе может быть хорошая отдача в плане обеспечения РФ стабильного и долгосрочного влияния в регионе.

Разумеется, разрабатываемая Москвой стратегия в отношении ЦА должна в первую очередь исходить из учета российских национальных интересов, а также реальных возможностей России. Из этой стратегии целесообразно было бы исключить две крайние позиции.

⁵³ Лузянин С. Г. Восточная политика Владимира Путина. М., 2007, с. 197.

Первая – это идея “ухода” из Центральной Азии, как предлагают те российские политики, кто считает, что “балласт” в виде среднеазиатских республик препятствует развитию национальной экономики РФ и включению ее в процессы глобализации. Ибо “выпадение” России из пространства Центральной Азии, добровольное и поспешное снятие ею с себя функций его держателя со временем неизбежно скажется на самой России, поскольку многое еще в бывшем Советском Союзе, включая сюда и его центральноазиатский сегмент, взаимосвязано и взаимозависимо. А потому для России важно и дальше обозначать свое присутствие в стратегически важном для нее регионе Центральной Азии. Необходимо участие России, с точки зрения ее собственных интересов, в обеспечении безопасности ЦА в рамках имеющихся, но все еще недостаточно эффективно функционирующих организаций – Антитеррористического комитета СНГ, ШОС, ОДКБ. Есть и другие императивы, призванные, в частности повысить эффективность существующих с участием РФ экономических объединений – ЕврАзЭС и Таможенного союза.

Вторая позиция – это отказ от прямого военного вмешательства российских вооруженных сил (по образцу “гуманитарных интервенций” США) во внутренние дела тех государств Центральной Азии, с которыми Россия связана договорными обязательствами, включая и случаи возникновения угрозы ненасильственной (с помощью механизмов “демократического переворота”) или насильственной смены там правящих режимов.

Казахстан останется для России – при всех существующих тактических расхождениях между ними – наиболее близкой из стран ЦА, да и всего СНГ по всем параметрам взаимодействия. Если ныне, как справедливо подмечает С. Г. Лузянин, “на российско-казахстанской ‘оси’ идеологически держится все центральноазиатское пространство СНГ”⁵⁴, то и в будущем Россия и Казахстан будут определять интеграционные процессы на постсоветском пространстве. Не подлежит сомнению и то, что военно-политическое и экономическое сотрудничество наших двух государств будет развиваться.

Область безопасности для России остается наиболее уязвимой на узбекском, таджикском и киргизском направлениях. Это связано с нарастающим экономическим кризисом в этих республиках, активизацией радикального исламизма (с центром в Ферганской долине), непредсказуемостью политической ситуации, что ставит под вопрос возможность плавного и мирного перехода власти в этих республиках (по туркменскому варианту).

Что касается отношений России с постниязовским Туркменистаном, то они – в силу декларированного властями этого государства нейтрального статуса и изолированного развития вне любых группировок в СНГ – едва ли претерпят принципиальные изменения. Они будут лишены особой сердечности и останутся сугубо прагматичными. Похоже, что и базироваться такое взаимодействие по-прежнему будет исключительно на газовой сфере. Туркменистан, не принимающий участия в совместных с Россией и его центральноазиатскими соседями мероприятиях по борьбе с региональными угрозами в рамках существующих организаций (СНГ, ОДКБ, КСБР и пр.), но идущий, тем не менее, на контакты с НАТО, останется недоступной для контроля со стороны России зоной свободного транзита для наркодельцов и исламистов.

Следовательно, наряду с позитивом, благоприятствующим продвижению национальных интересов РФ в ЦА, существует ряд факторов, объективно осложняющих взаимодействие России с этим регионом постсоветского пространства.

⁵⁴ Лузянин С. Г. Указ. соч., с. 210.

Во-первых, региональной интеграции России и ЦА мешает как геополитический рынок с участием в нем западных “покупателей”, так и связанная с этим непредсказуемость поведения руководителей отдельных стран региона. Они хотели бы получать не только военные и политические гарантии безопасности в обмен на размещение иностранных сил на своей территории, но и финансовые выгоды. Есть при этом основание полагать, что Центральная Азия, являющаяся в целом отсталым и слабо развитым по мировым меркам регионом, служившим в прошлом каналом крупномасштабной перекачки российского национального дохода⁵⁵, и дальше может потребовать постоянных донорских вливаний, крайне обременительных для экономики РФ. В связи с этим для России вопрос о том, нужно ли ей платить за свое военное присутствие в ряде стран ЦА “по максимальной ставке”, превращается в основной.

Во-вторых, беспокойная ситуация в ЦА непосредственно сказывается на безопасности самой России. В частности, это касается проблемы практической открытости ее границ. Их “прозрачность” позволяет направлять в сторону России нелегальные потоки наркотиков и радикальных элементов. Последние поддерживаются разнородными внешними силами и нацеливаются на новый исламистский реванш на Юге России или же на отторжение от России этой ее части. Таким образом, создаются условия для смыкания центральноазиатской зоны нестабильности с тлеющим очагом конфликтности на российском Кавказе, деформации – вследствие притока “наркодолларов” – российской экономики и политических отношений, появления дополнительных препятствий на пути формирования в России нормальных рыночных структур и демократических институтов. Исходя из таких реально существующих или же потенциальных вызовов и угроз, важной задачей должно стать укрепление российских границ с ЦАГ, так как видимых преимуществ от их “прозрачности” не наблюдается.

Нельзя, в-третьих, не заметить и того, что внешнеполитические ориентиры центральноазиатских государств и их взгляды на проблему обеспечения безопасности часто расходятся с российским **видением** этих проблем, и государствам региона ориентация на Россию не мешает благосклонно относиться к идее сотрудничества с США и НАТО. Все центральноазиатские правящие элиты давно и успешно реализовывают стратегию “плавающих партнерств”. Для этого они используют “временных союзников” по конкретным тактическим вопросам и, отчаянно маневрируя между Москвой, Вашингтоном, европейскими столицами и Пекином, пытаются извлекать собственную выгоду из существующих между этими внешними игроками противоречий. Игра на такой реальной, а порой и виртуальной геоэкономической и геополитической конкуренции, представляет для семейно-клановых правящих групп в новых государствах ЦА серьезный ресурс для их политического выживания. Но она одновременно становится препятствием для развития полноценных партнерских и союзнических отношений с Россией.

Сохраняющееся пока лидерство России на топливном рынке ЦА обусловлено слабостью ее конкурентов. Но по мере включения центральноазиатских государств в процессы глобализации, появления в регионе все большего числа западных, китайских и др. компаний, Россия вынуждена будет продвигать и отстаивать свои интересы в серьезной конкурентной борьбе, поскольку география поставок нефти и

⁵⁵ Унаследованное с советских времен явное и скрытое субсидирование Россией Центральной Азии было сопоставимо в первой половине 1990-х годов, по некоторым оценкам, с российскими расходами на оборону и здравоохранение, превышало ее расходы на содержание правоохранительных органов и обеспечение собственной безопасности, не говоря о затратах на научные исследования и содействие техническому прогрессу.

газа будет расширяться, а альтернативные маршруты их перекачки из ЦА будут множиться. И не только вследствие активных действий на этом направлении США и ЕС, стремящихся подорвать монополию России на транзит центральноазиатских углеводородов, но и потому, что “многовекторность” энергомаршрутов отвечает экономическим интересам производителей ЦА. Не отказываясь от борьбы за сохранение своей важной роли поставщика энергосырья на внешние — прежде всего, европейские — рынки, России придется принимать во внимание, что среда становится все более конкурентной, а это в свою очередь требует изменения национальной энергостратегии, приспособления ее к новым, стремительно меняющимся реалиям.

Задача России в ЦА на близлежащую перспективу состоит в том, чтобы дать жизнь обновленному внешнеполитическому проекту, который был бы не только адекватен новой роли и возможностям России в меняющейся внешней среде, но отталкивался бы от поиска разумного баланса между интересами всех местных субъектов международного общения. Задача состоит также в сохранении и усилении модернизаторской направленности внешней политики РФ в ЦА, повышении ее конкурентоспособности, достигаемой в числе прочего и за счет избавления ее международного статуса от одного лишь сырьевого или же ядерного качества. Придется России продолжать активно участвовать в поддержании безопасности региона Центральной Азии через механизмы ОДКБ и ШОС, поскольку стратегически важным и для России и для государств ЦА останется необходимость противодействия неконтролируемой миграции, транснациональной преступности, наркотрафику в сочетании с предполагаемым ростом исламского радикализма.

Трудно точно рассчитать баланс приобретений и потерь от предоставляемых Россией уступок странам ЦА. Тем не менее, можно предположить, что такие уступки целесообразны только в том случае, если за ними будут стоять серьезные экономические и политические интересы России, а не очередные геополитические прожекты. Представляется также, что восточное, азиатское направление внешней политики России — вне зависимости от его нынешнего реального состояния — останется не менее значимым и важным, нежели европейский тренд, прежде всего, с точки зрения перспектив развития новой России.

Центральная Азия и Европейский союз

Наряду с Россией, важную роль в международной политике ЦА на Европейском континенте играет Европейский союз (ЕС).

Впервые качественно новые параметры в его деятельности, а именно — в проведении более активной региональной политики за пределами Европы, в том числе и в Центральной Азии, зафиксировал Маастрихтский договор 1993 года. Через 10 лет — в 2003 году Европейский Союз выступил с инициативой “Широкая Европа — новое соседство”, которая призвана была решать задачи, встававшие перед ЕС в процессе его расширения и сближения с новыми странами Восточной и Центральной Европы. Инициатива эта обеспечивала также условия для свободного передвижения товаров, услуг, капиталов и людей. Опубликованный в мае 2004 г. документ под названием “Европейская политика соседства” обозначил принципы, на которых ЕС намеревался строить привилегированные отношения со странами Северной Африки и Ближнего Востока, с одной стороны, и Восточной и Центральной Европы — с другой. В нем речь шла о приверженности таким ценностям, как демократия, права человека, верховенство закона, рыночная экономика и устойчивое развитие.

“Европейская политика соседства” нацелена была на Восточную и Центральную Европу, которая в перспективе вместе с рядом республик СНГ составила бы массив “Большой Европы”. С 7 мая 2009 г. Евросоюз приступил к реализации программы “Восточное партнерство”, которая предполагала более тесное сотрудничество с не входящими в состав ЕС и НАТО бывшими советскими республиками, ныне независимыми государствами — Белоруссией, Молдавией, Украиной, Арменией, Азербайджаном и Грузией. Европейская комиссия, занимавшаяся разработкой “Восточного партнерства”, особо подчеркивала, что эта программа не была направлена на подготовку государств к вступлению в ЕС, а лишь предусматривала развитие широкого сотрудничества с ними. Шестерым постсоветским государствам предлагалась, помимо “значительного повышения уровня политического взаимодействия” с ЕС, перспектива получения ряда преференций.

Однако же расширение ЕС на восток и особенно присоединение к нему в 2004 г. восьми постсоветских стран, включая сюда прибалтийские республики, а также Венгрию и Румынию, которые были приняты в 2007 г., обозначили ряд серьезнейших проблем. Дополнил их негативным содержанием разразившийся на излете 2008 года экономический кризис, поставивший ЕС перед необходимостью решать сложные задачи по его преодолению внутри самого сообщества. Отход в 2010 г. ключевого государства проекта “Восточное партнерство” — Украины от откровенно антироссийского политического курса, ряд других факторов создали в целом неблагоприятный фон для продвижения этого проекта. В результате он, как и некоторые другие инициативы ЕС (Средиземноморский союз, например), все больше стал переходить в виртуальный формат.

Стратегия ЕС для Центральной Азии, хотя и имела определенное сходство с “Восточным партнерством”, отличалась некоторой спецификой. Во-первых, ЕС позиционировавший себя в ЦА как единый регион, представлявший интересы объединенной Европы, и постсоветскую Центральную Азию склонен был рассматривать прежде всего как региональное объединение. Этим политика ЕС принципиально отличалась от подходов России, США и Китая к ЦАР, отдающих там предпочтение двустороннему сотрудничеству.

Во-вторых, Евросоюз действовал в ЦА на основе тщательно разработанной долгосрочной стратегии, в то время как инициативы других региональных и мировых государств, представленных в регионе, часто продиктованы конъюнктурными соображениями, интересами сегодняшнего дня.

В-третьих, Евросоюз определил для себя четкий круг приоритетов (экономические реформы, верховенство закона, пограничные проблемы, миграция, образование, окружающая среда), на основании которых осуществлялось финансирование проектов в регионе. Кроме того, ЕС в Центральной Азии сделал ставку на совместные экономические интересы, на целенаправленное продвижение в регион европейских технических регламентов и стандартов качества. Таким образом, Евросоюз попытался создать относительно прочную основу для последующего расширения своего влияния. При этом в отличие от американской политики, нацеленной в ЦА по преимуществу на военную сферу (базы, военное присутствие и пр.), ЕС больше полагался на распространение своей “мягкой силы”. Да и в целом, стратегические задачи ЕС в отношении трансформации Центральной Азии могут быть охарактеризованы как “осторожная сдержанность”. Подобный подход обусловлен во многом продолжающимся осмыслением в ЕС перемен в Восточной и Центральной Европе, трудным “перевариванием” Евросоюзом его новых членов. В то же время ЕС рассматривал ресурсы ЦАР не только как альтернативный российскому источник поставок энергоресурсов: использование их

могло бы облегчить, как полагали в ЕС, достижение Европой энергетической безопасности, помочь выйти из мирового финансово-экономического кризиса.

С 1994 по 2006 гг. сотрудничество ЕС и ряда государств СНГ, включая и центральноазиатские, осуществлялось в рамках программы ТАСИС (Technical Assistance for the Commonwealth of Independent States – Техническая помощь Содружеству Независимых Государств), в задачу которой входило содействие ускоренному экономическому реформированию в СНГ. С 1 января 2007 г. ТАСИС был заменен новым проектом ЕС – “Европейским инструментом добрососедства и партнерства” (ЕИДП), который до окончания срока своего действия – 31 декабря 2013 г., распространяется на несколько географических зон. Центральная Азия в их числе.

Здесь, как и в целом в СНГ, продолжают действовать две ранее запущенные программы Евросоюза: ТРАСЕКА (Transport Corridor Europe Central Asia – TRASECA), нацеленная на развитие экономических связей, торговли и коммуникаций между Европой, Кавказом и Азией; и ИНОГЕЙТ (Interstate Oil and Gas Transportation to Europe – INOGATE), которая занимается проблемами энергообеспечения Европы каспийскими нефтяными и газовыми ресурсами. ЕС пытается привлечь для практического осуществления своих программ ресурсы международных структур – ООН, ОБСЕ, Международной организации по миграции, Международного валютного фонда и др.

С 2006 г. в регионе работает Специальный представитель Европейского союза по Центральной Азии и по урегулированию кризиса на Кавказе. В ЕС поддерживают планы участия центральноазиатских государств в восстановлении Афганистана. Разрабатываются программы по оказанию Центральной Азии помощи в борьбе с наркоторговлей и бедностью, в подготовке сотрудников правоохранительных органов, строительстве новых дорог, нефте- и газопроводов. На эти цели Брюссель ассигновал странам ЦА до 2013 года около 750 миллионов евро⁵⁶.

В 2007 г. председательствовавшая тогда в ЕС Германия инициировала разработку для Центральной Азии новой стратегии, цель которой состояла в том, чтобы наладить качественно новое партнерство со всеми государствами региона. Основные положения этой стратегии были изложены в документе под названием “Европейский союз и Центральная Азия: стратегия нового партнерства, 2007”⁵⁷. Определяя суть стратегии, ее автор, бывший министр иностранных дел Германии Франк-Вальтер Штайнмайер, заявил, что политика ЕС по отношению к региону должна определяться двумя факторами: Центральная Азия является огромным рынком и, одновременно, огромным источником энергоресурсов для Европы⁵⁸.

Презентация стратегии прошла 28-29 марта 2007 г. в столице Казахстана Астане в формате “Тройка ЕС⁵⁹ – страны Центральной Азии” на четвертой по счету (с 2004 года) встрече представителей ЕС с министрами иностранных дел республик Центральной Азии. С тех пор ЕС работает в ЦА в рамках этой стратегии. Ее главная особенность состоит в том, что она предусматривает индивидуальный подход к каждому из пяти государств региона. Это означает, что ЕС декларирует намерение установить равноправные отношения не только с ключевыми странами ЦА – Казахстаном и Узбекистаном, но и менее развитыми государствами региона.

⁵⁶ <http://business.restate.ru/news/43496.html>

⁵⁷ Здесь и далее цитируется по тексту документа, опубликованного на официальном сайте ЕС. Постоянный адрес: www.consilium.europa.eu/uedocs/.../EU_CtrlAsia_EN-RU.pdf

⁵⁸ Просвещенная Европа смирилась с деспотиями Центральной Азии. Опубликовано 31.10.2009 на сайте Eurasianet. Постоянный адрес: <http://russian.eurasianet.org/node/30823>

⁵⁹ “Тройку ЕС” обычно представляет избранная на период шести месяцев страна, председательствующая в Совете Европейского союза, а также его бывший и будущий председатели.

Указывая на особую стратегическую значимость документа и подчеркивая, что “ЕС глубоко заинтересован в мирной, демократической и экономически процветающей Центральной Азии”, стратегия нового партнерства намечает следующие конкретные шаги:

- налаживание постоянного регионального политического диалога ЕС – ЦА на уровне министров иностранных дел;
- введение в действие “Европейской инициативы в области образования” и поддержка развития проекта “Электронного шелкового пути” в странах Центральной Азии;
- активизация “Инициативы ЕС по верховенству права”;
- налаживание с каждым государством ЦА постоянного диалога по правам человека, направленного на получение конкретных результатов;
- проведение на регулярной основе “энергетического диалога” со странами Центральной Азии.

Как следует из документа, интерес ЕС к ЦА обусловлен несколькими моментами и в первую очередь стремлением к приобщению не только Южнокавказского, но и Центральноазиатского региона к программе “Европейского добрососедства и партнерства”. Кроме того ставится задача привлечения энергетических ресурсов Центральной Азии для обеспечения энергетической безопасности ЕС и удовлетворения потребностей европейских стран в нефти и газе.

В документе приводится перечень действующих в ЦА региональных организаций, с которыми “ЕС готов вступить в открытый и конструктивный диалог”, “установить постоянные специальные контакты”. Это – Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Организация договора о коллективной безопасности, Центральноазиатская программа экономического сотрудничества и Центральноазиатский региональный информационно-координационный центр.

Примечательно, что вопрос о взаимодействии ЕС в ЦАР с Россией, которая является главным спонсором и наиболее влиятельным членом большинства этих организаций, документ намеренно обходит. В связи с этим научный сотрудник Бременского Института по изучению Восточной Европы Б. Эшмент замечает, что упоминание РФ в качестве партнера ЕС является ошибочным шагом: “Европейская стратегия в регионе может быть успешной только при условии сотрудничества с Россией”⁶⁰.

План поддержки государств региона Европейским союзом на 2007 – 2013 гг. рассматривается в документе как “инструмент для укрепления политического диалога со странами Центральной Азии на региональном и национальном уровне, а также для выполнения вышеуказанных целей”. Основная доля помощи странам региона со стороны ЕС (70%) направляется по межгосударственным каналам и в рамках двустороннего сотрудничества, поскольку в ЕС учитывают различные политические и социальные реалии в каждом из государств Центральной Азии. И лишь 30% помощи ЕС предназначено на развитие интеграции внутри Центральной Азии и между регионами – Центральной Азией, Южного Кавказа и Европы.

Присоединение Центральной Азии к региональным программам “Европейского инструмента добрососедства и партнерства”, по мнению разработчиков стратегии ЕС для ЦА, открывает новые возможности перед странами

⁶⁰ Безопасность в Центральной Азии. Никто ничего не хочет. Не может. И не будет? Опубликовано 26.10.2009 на сайте Фергана.ру. Постоянный адрес: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=6348>

региона, “содействуя их привязке к Восточной Европе и доступу к мировым рынкам”. Однако основной упор при этом делается на энергетическую и транспортную сферу. В рамках этой политической линии ЕС подписал соглашения о партнерстве и сотрудничестве со всеми центрально-азиатскими государствами. Данные соглашения имеют смысл в первую очередь как символические акты: ЕС хотел тем самым обозначить свое присутствие в регионе. В Казахстане, Киргизии и Узбекистане они вступили в силу 1 июля 1999 г., и власти этих стран проявляют заинтересованность в налаживании более тесного сотрудничества с восточноевропейскими и южнокавказскими государствами в рамках “Европейской политики соседства”. Подписанные Евросоюзом соглашения о партнерстве и сотрудничестве с Туркменистаном (1998 г.) и с Таджикистаном (2004 г.) пока еще не ратифицированы.

ЕС объявил “энергетический диалог” с Центральной Азией одной из ключевых целей своей внешней политики в рамках усилий, направленных на снижение зависимости Европы от российских поставок. В 2006 г. Брюссель подписал энергетический меморандум с Казахстаном, а в 2008 – с Туркменистаном. Готовятся аналогичные соглашения с другими странами ЦА.

10 апреля 2008 г. в Ашхабаде прошла очередная встреча “тройки Европейского союза” с представителями стран Центральной Азии на уровне министров иностранных дел. Главное внимание европейские эмиссары уделили переговорам с президентом Туркменистана относительно возможности подключения его страны (как и Казахстана) к магистральному газопроводу Nabucco, который предполагается проложить в Европу в обход РФ. Не взявший на себя конкретных обязательств президент Туркменистана Г.Бердымухамедов, лишь пообещал зарезервировать для ЕС, начиная с 2009 года, 10 млрд. куб. м. газа в год⁶¹.

Важным аспектом практической деятельности ЕС в ЦА стали проблемы обустройства границ. После обретения независимости пять бывших советских республик Центральной Азии столкнулись с необходимостью установления взамен существовавших во времена СССР административных границ новых, государственных, которые нужно охранять. Возникла и проблема охраны “внешних” границ – с Китаем, Афганистаном, Ираном. Государствам ЦА потребовалось создавать и развивать собственный потенциал для решения пограничных проблем. Это было особенно важно вследствие увеличения количества таких приграничных преступлений, как контрабанда наркотиков, незаконный провоз оружия, людей и товаров.

С пограничными проблемами связаны и разнообразные вызовы безопасности, с которыми сталкиваются страны ЦА. К их числу относятся:

- соседство с Афганистаном, являющимся крупнейшим производителем опиума и героина;
- общая политическая нестабильность в Афганистане и Пакистане;
- трудности, вызванные отходом от советской концепции контроля границ (военный подход) к пограничному контролю и контролю за наркотрафиком;
- невысокий уровень сотрудничества внутри и между ведомствами, ответственными в центральноазиатских государствах за пограничный контроль.

Учитывая это, ЕС активизировал свою деятельность в сфере управления границами в ЦА в рамках программ приграничной помощи. Вначале они были запущены в Ферганской долине и затем расширены до масштабов всего региона. В 2002 – 2004 гг. нескольких миссий ЕС провели работу в странах ЦА, после чего была инициирована Программа содействия управлению границами в Центральной Азии –

⁶¹ Коммерсантъ. 15.04.2008, № 63 (3880).

БОМКА (Border Management Programme in Central Asia). В январе 2001 г. в ЦА стартовала Программа по предотвращению распространения наркотиков в Центральной Азии – КАДАП (Central Asia Drug Action Programme). Она была построена по аналогии с двумя другими программами ЕС – БУМАД (Белорусско-украинско-молдавская программа по борьбе с незаконным оборотом и торговлей наркотиками – Programme of assistance for the prevention of drug abuse and drug trafficking in Belarus, Ukraine, Moldova) и СКАД (Контроль над наркотиками на Южном Кавказе – South Caucasus Action Drug Programme). За выполнением программы КАДАП, которая ныне вступила в “четвертую фазу”, следит специально созданный при делегации ЕС в Алматы Координатор ЕС по контролю над наркотиками в Центральной Азии.

Все программы, которые финансируются Европейским союзом и реализуются в ЦА при поддержке Программы развития ООН (ПРООН), призваны оказать “содействие странам региона в укреплении безопасности своих границ и в то же время способствовать легальному передвижению людей и товаров через границы”. Программа БОМКА, в частности, должна помочь центральноазиатским государствам освоить и внедрить принятую в странах Евросоюза так называемую “Концепцию управления границами”, которая ставит две задачи: укрепление пограничной торговли и содействие легальной торговле и транзиту. Совокупный бюджет программы БОМКА на 2003-2010 гг. составил 26.7 млн. евро, и на него в рамках программы ПРООН для Центральной Азии выделено 2 млн. евро⁶².

Брюссель финансировал проведение в ЦА семинаров по “комплексному управлению границами для пограничных ведомств”, в задачу которых входит контроль за наземными пропускными пунктами. В марте 2010 г. такой семинар был проведен в Киргизии, где инструкторы из ЕС совместно с Международным центром по развитию миграционной политики обучали местных представителей пограничных служб европейским методам управления границами. Аналогичные семинары при техническом содействии БОМКА были проведены в 2009 г. в Таджикистане (апрель), Казахстане (июнь) и Туркменистане (ноябрь)⁶³.

В сфере образования Европейской комиссии удалось реализовать в ЦА несколько программ. В частности, в рамках программ *Tempus* и *Rasmus* студенты из ЦА получили возможность получать образование в европейских вузах. Через программу *Tempus* Брюссель предполагает реформировать систему высшего образования в ЦА, связав ее с так называемым Болонским процессом (по названию подписанной в 1999 г. в итальянской Болонье декларации, в которой формулируются цели и принципы сближения и гармонизации национальных систем высшего образования в странах Европы с целью создания единого европейского пространства высшего образования). В 2010 г. Казахстан первым из центральноазиатских государств присоединился к Болонскому процессу и принял соответствующие обязательства. К современным потребностям ЦА адаптирована образовательная программа ЕС “Электронный шелковый путь”, а также программа дистанционного обучения студентов и преподавателей.

Значительное внимание уделял ЕС и проблемам окружающей среды в ЦА, включая сюда запутанную и сложную задачу управления водными ресурсами.

⁶² Программа Европейского союза по содействию в управлении границами в Центральной Азии. Опубликовано на сайте Делегации Европейского союза в Киргизстане. Постоянный адрес: <http://bomca.eu-bomca.kg/ru/about/123>

⁶³ Охрана сухопутных границ Туркменистана в поле зрения Евросоюза. Опубликовано 10.11.2009 на азербайджанском сайте Trend. Постоянный адрес: <http://ru.trend.az/print/1577154.html>

Сотрудничество с центральноазиатскими государствами в этой сфере имеет для ЕС важное значение, особенно в связи с необходимостью выполнения к 2015 г. ооновской программы “Цели развития тысячелетия” применительно к чистой питьевой воде и соответствующим санитарно-техническим сооружениям.

Основу для сотрудничества по вопросам окружающей среды заложил начатый весной 2006 г. диалог между ЕС и странами ЦА. А сама проблема частично решается путем подключения стран региона к различным программам Евросоюза таким, как Водная инициатива ЕС для Восточной Европы и Центральной Азии, Окружающая среда для Европы (ОСЕ) и другие. О роли, которую придают в ЕС Центральноазиатскому региону, говорит и решение провести 21 - 23 сентября 2011 г. в казахстанской Астане Седьмую министерскую конференцию ОСЕ.

ЕС пытается – пока правда, достаточно безуспешно – посредничать в спорах между центральноазиатскими государствами по поводу использования водных ресурсов. Так, когда в 2009 г. между Узбекистаном и его ближайшими соседями – Таджикистаном и Киргизстаном возник конфликт из-за планов Душанбе и Бишкека построить при содействии российских компаний Рогунскую ГЭС в Таджикистане и Камбаратинскую ГЭС в Киргизии, Евросоюз занял сторону Узбекистана. Он порекомендовал не возводить здесь крупные плотины, а ограничиться строительством малых ГЭС, что шло вразрез с интересами Таджикистана и Киргизии, испытывавших острый дефицит электроэнергии. В Душанбе и Бишкеке полагали, что позиция ЕС была в значительной мере продиктована политическими соображениями – жесткой конкурентной борьбой между ЕС и Россией за контроль над водными ресурсами Центральной Азии⁶⁴.

Вступление в силу 1 декабря 2009 г. Лиссабонского договора⁶⁵, избрание президента ЕС и руководителя Европейской службы по внешним делам можно расценить как попытку выстроить единую внешнюю политику ЕС, в том числе – и в отношении стран Центральноазиатского региона, которому отводится роль одного из основных поставщиков энергоресурсов в Европу в обход России. Помимо Казахстана, значительный интерес для европейских государств, занятых поисками углеводородных альтернатив России, представляет Узбекистан, который мог бы стать поставщиком газа в лоббируемый ЕС проект Транскаспийского газопровода. Кроме того, территория Узбекистана рассматривается европейцами как важный транзитный плацдарм для поддержки афганской военной кампании, в которой заметное место занимает Германия – одна из ведущих сил ЕС и единственное европейское государство, с которым Узбекистан после 2005 г. поддерживал дружеские отношения. Германия (в отличие от США, вынужденных в 2005 г. покинуть военную базу в узбекистанском Карши-Ханабаде) сохранила свое присутствие на военной базе в приграничном с Афганистаном Термезе, через который шло снабжение германских войск в афганской провинции Кундуз. Стратегическое значение этой базы возросло с 2009 г. после того, как талибы участвовали в нападении на солдат бундесвера и перерезали альтернативный путь их снабжения через Таджикистан.

В отношении апрельских событий 2010 года в Киргизии официальный Брюссель занял осторожную позицию, что можно объяснить относительно небольшой значимостью этого государства, лишённого энергоресурсов и

⁶⁴ На это обстоятельство указывает, в частности, профессор российско-киргизского Славянского университета Нур Омаров. Цит. по: *Ланфилова В.* Брюссель против огромных плотин. – Независимая газета. Приложение НГ-Дипкуррьер. 20.04.2009.

⁶⁵ Официальное название подписанного на саммите Евросоюза 13 декабря 2007 г. в Лиссабоне документа – “Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском союзе” и “Договор об учреждении Европейского сообщества”.

находящегося в стороне от газовых и нефтяных маршрутов. Еще одна возможная причина – несогласованность подходов старых и новых внешнеполитических структур Брюсселя. Однако же ЕС счел все-таки нужным направить в Киргизию 9 апреля 2010 г. своего специального представителя по странам Центральной Азии Пьера Мореля. А высокопоставленный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Кэтрин Эштон в своем выступлении 20 апреля 2010 г. в Страсбурге перед Европейским парламентом выразила озабоченность происходящим в Киргизии и заявила о необходимости скорейшего “обеспечения стабильности и общественного порядка в этой стране”. ЕС обратился также с просьбой к Астане и Ташкенту открыть границы “в самое ближайшее время для облегчения ситуации в Кыргызстане”⁶⁶.

28 апреля 2010 года в Брюсселе прошла встреча министров иностранных дел “тройки ЕС” с их коллегами из пяти государств Центральной Азии. В пресс-релизе МИД Киргизии говорилось, что во время двусторонней встречи с делегацией ЕС исполняющий обязанности министра иностранных дел Киргизии Р. Казакбаев проинформировал о причинах революции, текущей общественно-политической ситуации в Кыргызстане, а также о нынешних и будущих действиях временного правительства “по демонтажу прежней авторитарной системы и построению демократического общества в стране”. Представители ЕС выразили готовность активно взаимодействовать с временным правительством республики по всем проводимым и намеченным реформам политической системы страны, в том числе по конституционной реформе, проведению референдума и парламентских выборов. Для более тесной координации совместных действий 6 - 7 мая 2010 г. в Киргизии вновь побывал П. Морель. ЕС также подтвердил, что выделит Киргизии двумя траншами 12 млн. евро на покрытие дефицита бюджета. Первый транш в размере 7 млн. евро поступил в республику в июне-июле 2010 г., а остальные 5 млн. евро ЕС намерен выделить в октябре-ноябре. Евросоюз планирует оказывать финансовую поддержку Киргизии и в 2011 году. В свою очередь, новые власти Киргизии заверили, что “все ранее ратифицированные международные соглашения с ЕС будут выполняться в полном объеме”⁶⁷.

Есть, между тем, в отношениях между ЕС и центральноазиатскими государствами вопросы, по которым взаимопонимание достигается с трудом. Это, прежде всего, проблема прав человека. Приоритетная для ЕС, эта проблема в ЦА приобретает специфическое преломление, поскольку государствам региона – с их неустоявшимися политическими системами, укорененными в жизни местных обществ традициями и сильным влиянием ислама – нередко приходится выбирать между демократией и стабильностью, чтобы предотвратить повторение событий, аналогичных киргизским. В силу этих обстоятельств центральноазиатские страны остаются для ЕС трудными партнерами.

В частности, когда после состоявшегося 14 сентября 2009 г. в Брюсселе заседания Совета сотрудничества “Узбекистан – ЕС” Евросоюз обратился к руководству этой республики с призывом принять действенные меры по защите прав человека и гражданских свобод, обеспечить соблюдение международных стандартов на парламентских выборах 27 декабря, министр иностранных дел

⁶⁶ Catherine Ashton Speech to the European Parliament on the situation in Kyrgyzstan. European Parliament, Strasbourg, 20 April 2010. Опубликовано 20.04.2010 на официальном сайте ЕС. URL: <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=SPEECH/10/171&format=HTML&aged=0&language=EN&guiLanguage=en>

⁶⁷ ЕС выделит Киргизии 12 млн. евро для покрытия дефицита бюджета. – Взгляд, 28.04.2010. Электронный адрес статьи: <http://www.vz.ru/news/2010/4/28/397217.html>

Узбекистана В. Норов в ответ обвинил Запад в “исламофобии” и подчеркнул, что его страна, стремящаяся к расширению отношений с государствами-членами Евросоюза, настаивает на том, чтобы эти отношения строились “на основе равноправия и взаимного уважения”⁶⁸.

Не готовы в ЕС признавать соответствующими демократическим нормам практически все президентские и парламентские выборы, проходившие в ЦА. Так, в своем заявлении по поводу проведенных 28 февраля 2010 г. парламентских выборов в Таджикистане Евросоюз утверждал, что они “не соответствовали международным стандартам”⁶⁹. Но определенная работа по продвижению в ЦА ценностей европейской демократии ведется, и в Казахстане, например, позитивно восприняли выдвинутую Германией и Францией “Европейскую инициативу по обеспечению верховенства права”. И все же права человека и продвижение демократии во взаимоотношениях ЕС с центральноазиатскими государствами играют второстепенную роль. Более того, в последние годы Евросоюз, активизировавший поиск поставщиков энергоресурсов из ЦА, отодвинул на задний план проблему прав человека в этом регионе, что особенно отчетливо проявилось в отношении таких государств, где их нарушение, с точки зрения правозащитников, особенно заметно, как Узбекистан и Туркменистан.

В целом, на политическом уровне, в первую очередь в сфере безопасности, важность отношений ЕС с регионом ЦА определяется тем фактом, что все его страны являются членами ОБСЕ. По ряду экспертных оценок, дальнейшее расширение отношений ЕС с Центральной Азией будет однозначно полезным для государств региона с точки зрения перспектив их экономического и политического развития, а также поддержания здесь стабильности и распространения демократических ценностей.

⁶⁸ Министр иностранных дел Узбекистана обвинил Запад в исламофобии. Опубликовано 14.09.2009 на сайте Службы новостей “Голоса Америки”. URL: <http://www1.voanews.com/russian/news/former-ussr/Uzbekistan-Accusations-Western-Countries-2009-09-14-59286222.html>

⁶⁹ EU Statement on the parliamentary elections in Tajikistan. OSCE Permanent Council No. 796, Vienna, 4th March 2010, PC.DEL/131/10. Опубликовано 09.03.2010 на официальном сайте ЕС. Постоянный адрес: http://ec.europa.eu/external_relations/tajikistan/index_en.htm

ГЛАВА 3. МЕЖДУНАРОДНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦА С ГОСУДАРСТВАМИ АЗИИ И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

Азия является ныне наиболее динамично развивающимся континентом, и его государства имеют значительный потенциал для того, чтобы стать локомотивом в решении большинства региональных проблем, как экономических, так и политических. Другое дело, что они этот свой потенциал используют недостаточно, подчиняясь, вольно или невольно, инициативам, исходящим со стороны глобальных организаций и государств, претендующих на роль держателей мирового порядка. К Китаю это, впрочем, относится в меньшей степени, поскольку он давно перерос статус региональной державы, играя все более заметную роль в мировой экономике и политике. Да и географически расположенная в Азии Япония принадлежит к группе промышленно развитых государств. Тем не менее, в ЦА эти восточноазиатские державы играют заметную роль, концентрируя свое внимание в основном на энергетической сфере и отдавая здесь пока решение проблем поддержания безопасности (хотя Китай и является участником ШОС) другим международным игрокам.

Приоритеты в регионе Китая и Японии

С населением, насчитывавшим в 2009 г. 1.3 млрд. человек, *Китай*, занимающий третье место в мире по объему ВВП, продолжает завоевывать выгодные позиции на международной сцене и с нарастающей активностью распространять свое влияние в мире. Наряду со стремительной экономической трансформацией, Китай провел серьезное реформирование своей военной сферы, значительно повысив и степень боеготовности вооруженных сил и способность использовать собственное влияние. Экономический рост Китая в сочетании с военной модернизацией страны делает актуальным вопрос о роли этого восточноазиатского гиганта в Центральной Азии.

До недавнего времени в основу взаимодействия КНР с ЦА была положена концепция о “дружелюбном, безопасном и богатом соседстве”, выдвинутая 16-м съездом КПК в 2002 году и дополненная концепцией Ху Цзиньтао о построении “гармоничного мира”⁷⁰. В рамках этой концепции Китаю удалось урегулировать в основном со всеми ЦАГ свои территориальные проблемы. С Казахстаном КНР оформила юридическую границу, проведя ее последующую демаркацию; с Киргизией и Таджикистаном процесс согласования линии совместных рубежей пока еще не завершен. При этом ЦАГ (особенно Киргизия) пошли на внушительные территориальные уступки Китаю, дабы продемонстрировать ему свое намерение развивать с ним взаимовыгодные торгово-экономические связи.

ЦА интересна Китаю прежде всего как ресурсная база, как рынок сбыта китайской продукции и транзитная территория. Seriously подходящий к вопросу диверсификации нефтяных поставок и рассматривающий Малаккский и Ормузский проливы, через которые проходит основной массив нефтяных поставок в Китай, потенциально проблемными местами, Китай через свои государственные нефтяные компании стремится получать из Центральной Азии столь необходимые для его стремительного развития энергоресурсы. Этому благоприятствует быстрый рост экономико-политической, военной мощи Китая и создание в январе 2010 г. зоны

⁷⁰ Нужно серьезно изучать Китай, о котором мы практически ничего не знаем – политолог К. Сыроежкин. Опубликовано 12.02.2010 на сайте Казинформ (Алматы). Постоянный адрес: <http://www.inform.kz/rus/article/2238056>

свободной торговли между ним и странами Юго-Восточной Азии, что позволило Китаю расширить свою экономическую экспансию. Развивая экономическое взаимодействие с государствами ЦА, Китай постепенно укрепляет свое присутствие в этом регионе, выстраивает систему собственного доминирования во внешнеэкономических интересах местных политических элит. Китай уже догоняет Россию по объему товарооборота со странами ЦА: в 2008 г. он составил 25 млрд. долл. США (этот показатель у России равнялся 27 млрд. долл.)⁷¹. Это создаст также предпосылки для развития военного и военно-технического взаимодействия стран региона с КНР.

Несмотря на то, что Китай понес с 2008 г. убытки от спада на рынке недвижимости и наличия избыточных мощностей в различных отраслях, он остался в 2010 г. источником государственного финансирования для некоторых стран Центральной Азии, важным рынком для экспорта из Казахстана, Киргизии и Узбекистана. Не остается Китай в стороне и от освоения Афганистана, где присутствие китайского капитала усиливается с каждым годом. КНР инвестировала, например, более 3.5 млрд. долл. в богатейшее Айнакское месторождение меди, охраняемое афганскими полицейскими, содержание которых оплачивает Япония, в то время, как вся прилегающая к месторождению территория контролируется седьмой горной дивизией США⁷². Но то, что Китай начал расширять свое экономическое присутствие в Афганистане целые куски, где его в первую очередь интересуют месторождения природных ископаемых, уже вызывает озабоченность США, вовсе не заинтересованных в том, чтобы КНР становилась их конкурентом в Афганистане, в то время, как США делают “грязную работу” по ликвидации экстремистско-террористического подполья, угрожающего безопасности самого Китая в СУАР.

Результаты военного сотрудничества Китая с ЦАГ несколько скромнее экономического, и они сводятся в основном к проведению (преимущественно в рамках ШОС) военных учений в двустороннем или многостороннем формате. В общей сложности Китай участвовал с 2002 г. вместе с другими членами ШОС в более чем 20 таких учениях. В 2002 г. КНР провел двусторонние военные учения с Киргизией. В августе 2003 г. на востоке Казахстана и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) прошли первые многосторонние военные учения с участием китайских, казахстанских, российских, киргизских и таджикских военнослужащих. В 2006 г. Китай участвовал в многосторонних антитеррористических учениях в Узбекистане, и в том же году провел антитеррористические учения совместно с Таджикистаном и Киргизстаном. В июле 2009 г. учения ШОС (“Мирная миссия 2009”) прошли на северо-востоке Китая и в районе Хабаровска. А на проходивших с 9 по 25 сентября 2010 г. учениях ШОС в южном Казахстане “Мирная миссия 2010” Народно-освободительная армия КНР была представлена внушительным сухопутным контингентом в составе 1000 военнослужащих, военно-воздушным подразделением и группой логистиков. Такой серьезный подход КНР к проводимым ШОС учениям должен был сигнализировать государствам ЦА о том, что проблемы обеспечения безопасности этого региона находятся в сфере первоочередных интересов Пекина.

Максимально приспособивая к своим нуждам современные условия экономической глобализации, Китай предпочитает использовать имеющейся в ЦАР

⁷¹ *Peyrouse S. Military Cooperation between China and Central Asia: Breakthrough, Limits, and Prospects* China Brief. Volume 10, Issue 5. 05.03.2010. Электронный адрес:

[http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews\[tt_news\]=36123&tx_ttnews\[backPid\]=13&cHash=be9a1ac8aa](http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews[tt_news]=36123&tx_ttnews[backPid]=13&cHash=be9a1ac8aa)

⁷² *The Economist*. London, 07.11.2009.

потенциал и не прибегать к военной силе, тем более что основные внешнеполитические проблемные точки КНР расположены в Азиатско-Тихоокеанском регионе – это Тайвань и спорные островные территории в южных морях. Стратегические интересы Китая в ЦА концентрировались в 2009 – 2010 гг. вокруг следующих проблемных “узлов”: энергетические ресурсы ЦА; обеспечения безопасности в пограничных с ЦА районах, особенно СУАР; недопущение попадания Центральной Азии под монопольный контроль государств, враждебных Китаю или намеревающихся создавать здесь военные союзы, направленные против Китая.

Китайское присутствие особенно сильно возросло за последние годы в Казахстане, где имеются влиятельные уйгурские общины, а также в Кыргызстане. Торговля с этими двумя центральноазиатскими государствами с 2004 по 2006 гг. утроилась во многом благодаря экспорту дешевых китайских товаров.

Особенно впечатляющих успехов добился Китай в отношениях с Казахстаном, взаимодействие с которым в энергетической сфере носит поступательный и динамичный характер. Так, в 2009 г. в благодарность за предоставленный Китаем пакет экономической помощи на сумму в 10 млрд. долл. США правительство Казахстана передало под китайский контроль крупную нефтяную компанию Мангистаумунайгаз. Это поставило власти Казахстана под огонь критики со стороны оппозиции, обвинившей власти Казахстана в нанесении урона экономической безопасности страны, учитывая, что к концу 2008 года Пекин контролировал пятую часть общей нефтедобычи в Казахстане. Кроме того, китайцы собираются модернизировать Атырауский нефтеперерабатывающий завод. Китай оказывает также военно-техническое содействие Казахстану, и военная доктрина Казахстана 2007 г. особое внимание уделяет развитию с Китаем двусторонних отношений в сфере безопасности, включая сюда и проблемы приграничного сотрудничества и борьбы с наркотрафиком. С 2008 г. КНР и Казахстан провели ряд совместных антинаркотических операций.

Не меньшие надежды в Пекине возлагают на Туркменистан и Узбекистан как на поставщиков ценного углеводородного сырья и как на транзитные государства для трубопроводных систем. Пытается Китай расширить с этими странами и военное сотрудничество, но его результаты пока довольно скромны. Китай, согласно достигнутой в 2007 г. военными ведомствами КНР и Туркменистана договоренности, экипировал армию Туркменистана, и на эти цели Китаем будет отпущено 3 млн. долл. США. Узбекистану еще в 2000 г. Китай поставил партию снайперских винтовок, а в 2009 эти страны подписали соглашение, по которому Китай обязался кредитовать Узбекистан на сумму в 3.7 млн. долл. США, которая пойдет на оснащение границы этой центральноазиатской республики мобильными сканерами.

Активно развиваются отношения КНР с Таджикистаном. С 1993 по 2008 гг. Китай оказал помощь этой стране в размере 15 млн. долл. США; она была дополнена в апреле 2009 г. 1.5 млн. долл., которые пошли на нужды армии Таджикистана. 15 января 2007 г. президент Таджикистана Эмомали Рахмон заключил с китайской стороной Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Ранее, еще в период президентства А. Акаева, аналогичное соглашение было подписано с Киргизией, от которой китайская сторона добилась еще и принятия очень ценных для нее документов – “Протокола о демаркации линии кыргызско-китайской государственной границы” и “Карты государственной границы” в качестве приложения к Протоколу. В соответствии с этими документами Китаю отошел огромный кусок спорной киргизской территории, что спровоцировало в самой Киргизии острейший политический кризис, кульминацией которого стали так называемые Аксыйские события 2002 г., когда власти расстреляли вышедших на демонстрацию сторонников оппозиционного депутата парламента, протестовавшего

против заключенной с Китаем территориальной сделки. И хотя позднее, во время визита в Китай в июне 2006 г. тогдашнего президента Киргизии К. Бакиева официально было заявлено, что эти договоренности знаменуют собой “окончательное решение двумя государствами пограничного вопроса”⁷³, напряженность в киргизском обществе по проблеме взаимоотношений с Китаем сохраняется.

Политика “одного Китая” и интересы безопасности стран ЦА подразумевают недопущение создания и деятельности в регионе организаций и объединений, представляющих угрозу суверенитету, безопасности и территориальной целостности. На этих принципах строит свои отношения с Китаем Узбекистан. Еще в июне 2004 г. на саммите Шанхайской организации сотрудничества в Ташкенте Председатель КНР Ху Цзиньтао и президент Узбекистана И. Каримов подписали “Соглашение о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом” – документ, важный не столько для Узбекистана, сколько для Китая, поскольку своим острием он направлен против “уйгурского национализма”. Тем не менее, в Узбекистане, где исторически укоренилось значительное число уйгуров, наряду с ограничениями для них политического и культурного характера, был введен запрет на создание уйгурских организаций, выступающих за независимость Синьцзяна. Единственное исключение узбекские власти сделали для Уйгурского культурного центра, но только потому, что он является неполитической организацией.

В своем отношении к уйгурской проблеме Узбекистан занял позицию, отличную от соседей – Казахстана и Киргизии, которые не препятствуют уйгурским объединениям, действующим на территории этих республик. Более того, в торгово-экономическом сотрудничестве Киргизии с Китаем, например, товарооборот с Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР составляет 80% всего объема торговых отношений между двумя странами. В Киргизии, кроме того, насчитывается от 10 до 100 тысяч китайских трудовых мигрантов⁷⁴, что вызывает недовольство местного населения. И, тем не менее, принятые официальным Ташкентом меры против “уйгурских сепаратистов” были тщательно просчитаны. С одной стороны, узбекские власти, учитывая крайне болезненную реакцию Китая на любые действия, способные поставить под сомнение его территориальную целостность, постарались нормализовать таким путем межгосударственные отношения с могучим азиатским соседом. С другой – Ташкент надеялся получить от своих китайских партнеров поддержку в борьбе с собственными экстремистами, особенно с Исламским движением Узбекистана. И этот расчет в целом оправдался. Когда в мае 2005 г. в узбекском Андижане произошли известные события, вызвавшие громкий международный резонанс и повлекшие за собой санкции со стороны Евросоюза, Китай (как и Россия) поддержал Узбекистан.

Для КНР, с точки зрения ее национальных интересов, малозначимыми являются такие факторы, как общественно-политический строй в государствах Центральной Азии и используемые там местными властями методы борьбы со своими оппонентами. Китаю важно, чтобы в странах региона не создавались базы уйгурских сепаратистов, чтобы оттуда не шли потоки наркотиков, нелегальных мигрантов и оружия. Китай рассчитывает также, что образовавшиеся после распада СССР независимые государства Центральной Азии станут для него буфером и спокойным тылом. Определенные гарантии сохранения стабильности в регионе

⁷³ Совместная декларация Кыргызской Республики и Китайской Народной Республики. 9 июня 2006 г., г. Пекин - Слово Кыргызстана. 10.06.2006.

⁷⁴ Asia: rising powers, regional balance. World politics review. Special report. December, 2009, p. 26. (<http://www.worldpoliticsreview.com>).

существуют для Китая в рамках ШОС. Однако до недавнего времени вызовы безопасности ЦАГ, в том числе и те, что рождали свершившиеся и потенциальные “цветные” революции, межэтнические конфликты и пр., оставляли Китай в роли стороннего наблюдателя.

Он может начать активнее вовлекаться в сферу поддержания безопасности ЦАР в том случае, если исламистские элементы попытаются превратить этот регион в зону нестабильности, что будет угрожать интересам Пекина в Синьцзяне. Можно предположить также, что Китай больше внимания в ЦАГ станет уделять охране месторождений нефти и газа с долевым участием китайских государственных компаний и путей доставки в Китай углеводородного сырья. Может КНР поддержать и усилия по противодействию наркоугрозе. Однако едва ли Китаю удастся существенно расширить военное сотрудничество с ЦАГ. Они в целом не доверяют Китаю и опасаются его экспансионистского напора. К тому же Китаю негласно противостоит в ЦА такой серьезный конкурент, как Россия. У нее Китай сам закупает значительную часть вооружений, в то время как Россия практически всецело обеспечивает страны ЦАР своим оружием и снаряжением, готовит офицерские кадры и способна контролировать военно-политическую ситуацию в регионе с помощью таких структур, как ОДКБ, Антитеррористический центр, Совет командующих пограничными войсками.

Но Пекин, за счет масштабной экономической экспансии в ЦАР, создает базу для долгосрочного присутствия в регионе и даже серьезного доминирования в нем. При этом власти КНР предпочитают не вмешиваться в российско-американскую борьбу за политическое влияние, а наблюдают за ней со стороны, без лишнего шума продвигая в ЦА свои экономические интересы. Все это не может не рождать беспокойства в России, которая озабочена динамичной, а порой и агрессивно-наступательной политикой Китая в ЦАР. Именно по этой причине инициативы Китая по созданию в ЦАР региональной зоны свободной торговли не поддерживаются Россией, делающей в этом регионе ставку на “‘декитаизированный’ ЕврАзЭС, а не на ‘китаизированную’ ШОС”⁷⁵.

Что касается взаимодействия КНР с Россией в ЦА в целом, то несмотря на несовпадение позиций по некоторым вопросам, обе стороны сумели выработать согласованную линию поведения в рамках ШОС по ситуациям, возникающим в общем для них евразийском пространстве. Другое дело, что здесь так и не появилось российско-китайских программ долгосрочного экономического сотрудничества, не развито каких-либо совместных инвестиционных или инфраструктурных проектов. Но в целом Россия и Китай рассматривают друг друга в ЦАР скорее как полноценных партнеров, нежели конкурентов, что не мешает России и Китаю занимать не всегда совпадающие позиции в вопросе принятия в ШОС новых членов.

В целом Китай не возражает против укрепления ОДКБ, превращения ее в действенную структуру безопасности в ЦАР. Исходя из того, что в сравнении с НАТО ОДКБ – меньшее из двух “зол”, китайские руководители полагают, что пусть лучше безопасность в ЦАР обеспечивает эта патронируемая Россией организация, нежели НАТО, к которой в Пекине относятся с большим недоверием. Если же ОДКБ станет фактором сдерживания в регионе американско-натовской экспансии, это позволит Китаю увеличивать здесь свое влияние, наряду с российским. Контроль над ЦАР со стороны ОДКБ исключит и возможность установки в регионе американских систем ПРО (по модели их размещения в Европе и на Южном Кавказе), которые будут в этом случае нависать как над китайским Синьцзяном, так и над российским

⁷⁵ Треугольник Россия – Китай – США в АТР. М., 2009, с. 112.

Прикаспием. Наконец, важно и то, что ОДКБ – стратегический партнер Китая, а все члены этой организации, за исключением Армении и Белоруссии, состоят также и в ШОС.

В США учитывают, что “ахиллесовой пятой” КНР являются энергоресурсы, и потому Вашингтон прикладывает усилия, чтобы усложнить доступ Китая к центральноазиатской “кладовой”. Этой цели служит и кампания по раздуванию угрозы “китайского гегемонизма”, имеющая также много сторонников в политическом истеблишменте и экспертном сообществе России и стран ЦА. Впрочем, такого рода угроза, если отталкиваться от центральноазиатских реалий, не является пустым звуком: капиталу республик региона и даже такой динамично развивающейся стране, как Казахстан, трудно противостоять экономической экспансии Китая, бизнес которого уже получил закалку в процессе глобализации, а также благодаря участию в ВТО.

Другое крупное государство Восточной Азии – **Япония**, как член “Большой восьмерки” и одна из наиболее развитых в азиатском мире стран, обладает серьезными экономическими возможностями и многими инструментами глобального влияния. Но этот потенциал в полной мере не задействован в регионе ЦА, где Китай намного опередил Японию. Ее подходы в отношении сдерживания экспансии Китая совпадают с американскими. Наблюдается и известное сходство позиций Японии и США к решению проблем региональной безопасности в ЦА. Было бы, однако, упрощением рассматривать Японию только лишь как младшего партнера Соединенных Штатов; она имеет в ЦА вполне конкретные интересы и преследует здесь собственные цели, связанные, в частности, с тем, что Япония вплотную занялась диверсификацией своего энергетического комплекса с уклоном в ядерную составляющую. В рамках этой политики Япония активизировала с 2006 г. двустороннее сотрудничество с Казахстаном и Узбекистаном в сфере гражданских ядерных разработок и поставок урана в Японию. Эти договоренности предполагают также передачу мирных ядерных технологий Казахстану.

С началом антитеррористической операции сил США/НАТО в Афганистане, акценты Японии заметно сместились в сторону обсуждения проблем безопасности ЦАР и всего азиатского региона. Но в отличие от США и европейских государств, для которых создание альтернативных России трубопроводов превратилось почти что в *idée fixe*, для Японии особого значения не имеет, откуда она будет получать энергоносители – из России или из ЦА. Но, естественно, что в ЦАР Токио сосредотачивает свое внимание, главным образом, на тех странах, где есть энергоносители – Казахстан, Узбекистан, Туркмения. Сотрудничество с ними строится на принципе: энергоносители и уран в обмен на технологии. В перспективе Япония намерена подключить к своим проектам и имеющий на Памире запасы урана Таджикистан. Что касается самих ЦАГ, то они, несомненно, заинтересованы в притоке японских капиталов и технологий. Казахстан, помимо прочего, рассчитывает на поддержку Японии в вопросе своего вступления в структуру АСЕАН.

Япония выдвинула в ЦАР и ряд внешнеполитических инициатив, нацеленных на углубление сотрудничества. В 1993 г. она предложила включить ЦАГ в Организацию экономического сотрудничества и развития, что позволило странам региона получать финансовую и иную помощь, в частности, по программе “Официальная помощь развитию” (ОПР). В 1997 г. в рамках проекта “Евразийская дипломатия” предполагалось активизировать экономическое и политическое сотрудничество между Японией, Россией и ЦАГ. Выдвинутая в 1998 г. Японией Программа действий по “Дипломатии Шелкового пути” имела своей целью поддержать демократические преобразования в ЦАГ, содействовать экономическим реформам, реконструкции транспортной инфраструктуры и главное – разведыванию

природных ресурсов. В 2006 г. Япония предложила развивать региональное сотрудничество в рамках проекта “Трансформация Центральной Азии в коридор мира и стабильности”.

Важным направлением японской политики в ЦА является инициированный с 2004 года проект “Диалог Япония— Центральная Азия” (ДЯЦА), который предусматривает проведение ежегодных встреч на уровне министров иностранных дел и другие совместные мероприятия. Первый такой форум состоялся в 2004 г. в Казахстане, второй – в 2006 г. в Японии. Примечательно, что на второй министерской встрече в Токио присутствовал глава МИД Афганистана, и тогда же была достигнута договоренность о подключении к ДЯЦА Пакистана. 7 - 8 августа 2010 г. в Ташкенте под председательством президента И. Каримова прошло третье заседание ДЯЦА, в рамках которого состоялись также переговоры японского министра иностранных дел Кацуя Окада с президентом Узбекистана Исламом Каримовым. Участники ДЯЦА рассмотрели возможности для дальнейшего наращивания взаимодействия в рамках ДЯЦА, обсудили вопросы обеспечения региональной безопасности, продвижения приоритетных экономических программ, отвечающих национальным интересам государств региона, конкретизировали порядок председательствования в ДЯЦА, определили новые направления регионального сотрудничества при поддержке Японии и приняли решение о проведении совместного экономического форума.

Таким образом, эта неформальная организация превратилась в политическую площадку для обсуждения проблем, согласования позиций, определения направлений сотрудничества и продвижения конкретных проектов и предложений в ЦА. Учитывая, что американо-японские отношения носят союзнический характер, было бы естественным предположить, что японская политика в ЦА будет соответствовать основным параметрам этого двустороннего сотрудничества, касающегося, в частности, подходов к деятельности в ЦАР России и Китая. Так вот Япония активно поддержала антироссийский проект “Большой Центральной Азии”. Предпринимает Токио и попытки противопоставить ДЯЦА Шанхайской организации сотрудничества, которая в известной мере нейтрализует влияние США и стран Запада в Центральной Азии. Обращает на себя внимание в этой связи высказывание бывшего посла Японии в Узбекистане и Таджикистане Акио Кавато о необходимости создании “паназиатской организации”, которая действовала бы на тех же принципах, что и ОБСЕ. Подобная структура, по предложению Кавато, могла бы объединить ДЯЦА, ШОС и другие региональные организации безопасности в одну широкую структуру. Другой достойной подражания многосторонней моделью является, по мысли Кавато, АСЕАН⁷⁶.

Таким образом, Япония объективно действует в ЦАР в направлении размывания структур безопасности, патронируемых и направляемых Россией. Расчет при этом делается на то, что Япония в отличие от США, несколько подпортивших свой имидж в Центральной Азии вследствие поддержки “цветных революций”, имеет здесь больше шансов. Она обладает, во-первых, неограниченными финансовыми возможностями. Во-вторых, неоспорим ее демонстрационный эффект как азиатской страны, добившейся впечатляющих экономических успехов и сумевшей войти в ареопаг ведущих промышленно развитых государств мира. В-третьих, японцы не столь чувствительны, как европейцы и американцы, к проблемам прав человека. И, наконец, главное: Япония

⁷⁶ Вайц Р. Япония проповедует идею многополярности в Центральной Азии
www.eurasianet.org/4.05.2007

выглядит в глазах центральноазиатских политиков более предпочтительным противовесом Китаю, нежели США.

В целом интерес Японии к Центральной Азии будет стимулироваться: а) темпами продвижения Китая в этот регион; б) растущими потребностями японского энергетического комплекса с уклоном на ядерную составляющую, вследствие чего можно предположить активизацию сотрудничества с Казахстаном и Узбекистаном в сфере гражданских ядерных разработок и поставок урана в Японию. Но, как и Южная Корея, Япония не будет действовать в ЦАР столь же активно и напористо, как Китай, и она не выйдет за пределы “точечного” экономического двустороннего сотрудничества с центральноазиатскими странами.

Конкуренция и сотрудничество в формате Центральная Азия - Южная Азия

Афганистан, выгодно расположенный между Восточной Азией, с одной стороны, Южной и Центральной Азией, с другой, и Средним Востоком, с третьей, играет едва ли не центральную роль в жизни этих столь различающихся между собой регионов. Так, именно через Афганистан в условиях географической замкнутости Центральной Азии легче всего прокладывать магистральные трубопроводы для доставки энергоносителей в Южную Азию. Не удивительно, что с середины 1990-х годов неоднократно предпринимались попытки дать жизнь проекту ТАПИ (Туркменистан – Афганистан – Пакистан - Индия), который позволил бы доставлять туркменский газ через Афганистан в Индию и Пакистан. Не утратил этот проект своей актуальности и в наши дни. Но поскольку перспективы урегулирования ситуации в Афганистане весьма туманны, Ближний Восток и Персидский залив остаются главными поставщиками энергоносителей для мировой экономики. Проект ТАПИ, если и реализуется, то только в отдаленном будущем, когда будет восстановлена практически полностью уничтоженная инфраструктура Афганистана, инициирована его форсированная модернизация, что обеспечит стране стабильность и экономическое процветание.

В России есть понимание, что не удастся в одиночку или военной силой решить проблемы Афганистана и ЦА, и необходимы коллективные усилия, чтобы побороть транснациональные преступные синдикаты, наркомафию, терроризм в религиозном обличье, усилить центральную власть в государствах постсоветской ЦА, укрепить границы и пр. В ноябре 2009 г. на трехсторонней встрече министров иностранных дел России, Китая и Индии в Бангалоре глава российского внешнеполитического ведомства РФ С. Лавров попытался убедить своих коллег сделать первый шаг – выступить с совместной региональной инициативой по Афганистану, являющемуся, как считают в России, ключевой проблемой региональной безопасности. Но эта задача оказалась невыполнимой, в том числе и по причине серьезных индийско-китайских разногласий – из-за спорных границ, деятельности в Индии непризнанного в КНР и находящегося в изгнании духовного лидера Тибета Далай-ламы и пр. Были предприняты Россией и другие инициативы – в рамках ШОС и неформального союза БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), однако они также мало к чему привели, поскольку слишком сильны в этой части Азии конкуренция и соперничество.

Индия, которая является, наряду с Китаем, наиболее динамично развивающейся экономически и одной из наиболее мощных в военном отношении державой Азии, имеет непростые отношения с Китаем, а также с Пакистаном. Заинтересованная в углублении сотрудничества и с Россией, и с США, Индия предпочитает все же действовать на международной арене не в команде, а самостоятельно. Нарастающее между Индией и Китаем соперничество за лидерство

в Южной Азии ЦА пока не особенно затрагивает, как не сказывается на международной ситуации в ЦАР непростые отношения Индии с Пакистаном. В целом же во взаимодействии с государствами ЦА Индия придерживается той же внешнеполитической линии, что и Китай – невмешательства в их внутренние дела.

В предшествующие десятилетия все связи с республиками ЦА Индия осуществляла только через Москву. Несмотря на то, что после 2001 г. характер российско-индийских отношений несколько изменился, и они не были уже такими же тесными, как во времена расцвета советско-индийской дружбы, Индия, продолжавшая по традиции считать Россию союзницей, в своих контактах с центральноазиатскими государствами всегда учитывала фактор российского присутствия в регионе; вошла Индия и в неформальное объединение БРИК, периодически собирающееся для обсуждения “горячих” тем экономического и международно-политического развития. Индийские интересы в ЦАР практически не сталкиваются с российскими, что выгодно отличает их от отношений в связке “Россия – Китай”, отмеченных жесткой конкуренцией.

Политический вес Индии в ЦА вырос после того, как она приняла участие в строительстве авиабазы Айни (Республика Таджикистан), на эксплуатацию которой Дели теперь претендует. Военное присутствие в этой важной стратегической точке ЦА дало бы Индии возможность быстрее реагировать на угрозы, включая и террористические, со стороны нестабильной афгано-пакистанской дуги, оперативно доставлять в случае необходимости специальные подразделения к театру военных действий. Но главное – Индия надеялась получить доступ к энергетическим богатствам региона, в чем значительно больше, чем она и Пакистан, преуспел Китай.

Попытки Индии расширить свое присутствие в Центральной Азии вызвали неоднозначную реакцию у ее соперников в борьбе за ресурсы и геополитическое влияние – Пакистана и Индии. В Пакистане индийские инициативы были расценены как попытки “окружить Пакистан”, а Китай, который видит в Индии своего конкурента, подтолкнули к активизации экономических и военных контактов со странами Центральной Азии и с Таджикистаном, в частности.

С середины 1990-х годов фокус индийской политики стал все больше смещаться в сторону Запада. Явственно обозначился также и курс на сближение с США, особенно ярко проявившийся к концу президентства Дж. Буша-мл. и характеризовавшийся “милитаризацией” американо-индийского стратегического партнерства. Большое значение для Индии в этом плане имело то, что США, невзирая на отсутствие Индии в числе участников Договора о нераспространении ядерного оружия, де-факто признали ее статус ядерной державы и фактически сняли все препятствия для двустороннего сотрудничества с ней в ядерной сфере. Напомним, что подписавшему этот Договор Ирану, не обладающему ядерным оружием, а только развивающему свою ядерную программу, в таком статусе было не только отказано, но он еще по инициативе США подвергся санкциям и политико-экономической изоляции, что дало основание Ирану и некоторым его союзникам говорить о двойных стандартах американской внешней политики.

Хотя Индия занимала незначительное место во внешнеэкономической сфере ЦАГ, ей США отвели роль основного партнера в реализации своей стратегии “Большая Центральная Азия”. Индия рассматривалась в этом азиатском раскладе и как своего рода “балансер”, и как противовес Китаю. В своей глобальной политике США отвели Индии роль участника четырехстороннего альянса “Азиатские демократии”, куда, помимо Индии и США, были включены Япония с Австралией. Однако же к концу 2000-х годов ряд серьезных факторов (волатильность международной системы, ее формирующаяся “многополярность”, возвращение на

международную арену России, возвышение Пакистана в региональной стратегии США в Южной и Центральной Азии) побудил Индию пересмотреть свои внешнеполитические приоритеты и обратить большее внимание на свое азиатское окружение. Там за время относительного бездействия Дели сумел значительно упрочить свои позиции Китай. Он установил стабильные и партнерские отношения с Непалом, что облегчило Пекину ведение дел в Тибете. Новые маршруты, проложенные через Пакистан и Мьянму, значительно сократили время прохождения в Китай экспортно-импортных товаров и стратегического сырья в сравнении с путем, пролегающим через Малаккский пролив. Через эти коммуникации проходит 90% нефтяного импорта в Китай из Персидского залива и значительная часть китайской экспортной продукции, предназначенной для растущих рынков Персидского залива и Африки. Китай приступил, кроме того, к строительству морских портов в Мьянме, на Шри-Ланке и в Пакистане: они имеют не только коммерческое, но и военно-стратегическое значение.

Несмотря на то, что Индия продолжает рассматривать США как приоритет своей внешней политики, она по-прежнему весьма критически оценивает курс Вашингтона в отношении Афганистана. Не скрывают в Индии недовольства связями США с Пакистаном, которые в известном смысле воспроизводят геополитическую ситуацию, сложившуюся в регионе в 1980-е годы, когда США вместе с Пакистаном поддерживали в Афганистане дипломатией и вооружением “воинов джихада”. На региональном уровне в Индии сохраняется настороженность в отношении Китая и Пакистана, которых в свою очередь беспокоит заключенная в 2009 г. ядерная сделка между Индией и США. Она сняла запрет на закупки Индией ядерного оборудования и материалов в США, открыла этому южноазиатскому государству путь к участию в совместных с США военных учениях и приобретению американского оружия на миллиарды долларов. Как полагают в Пекине и Исламабаде, данное ядерное соглашение разработано в качестве противовеса этим двум государствам.

Официальный Исламабад ревниво отнесся к укреплению американо-индийского военно-технического сотрудничества и к подписанию с Индией договоров в области ядерных технологий, в которых Пакистану было Белым домом неоднократно отказано. Сама **Исламская Республика Пакистан** – одно из крупнейших мусульманских государств и единственное из них, кто имеет ядерное оружие.

Пакистан уже второй десяток лет пытается укрепить свои стратегические тылы в Афганистане, превратившись в конечном итоге, как и он, в эпицентр регионального кризиса. Ситуация в Пакистане теснейшим образом связана с развитием военно-стратегической обстановки в Афганистане, а от того, как она сложится в ближайшее время в этих двух странах зависит безопасность ЦА. При этом роль Пакистана в афганском конфликте неоднозначна. С одной стороны, Пакистан выступает в качестве ключевого союзника США, и по территории Пакистана проходит основной маршрут поставок для сил многонациональной коалиции, воюющей в Афганистане с талибами. С другой стороны, приграничные с Афганистаном горные районы Пакистана превратились в опорные базы талибов и других вооруженных группировок, противостоящих кабульскому правительству Хамида Карзая. Являются эти группировки и опаснейшими противниками пакистанской армии, хотя, как и на начальном периоде становления Талибана, армейская верхушка Пакистана и его спецслужбы продолжают иногда рассматривать это движение как опору в случае возможного конфликта с Индией и как силу, с помощью которой можно будет возобновить экспансию в Афганистан.

Вместе с тем индийско-пакистанские отношения не носили в 2000-е годы конфронтационного характера. Начало хрупкому “перемирию” между этими двумя

региональными державами было положено в 2004 г., и лишь на время оно было прервано из-за террористического акта, совершенного в ноябре 2008 г. в индийском городе Мумбаи сторонниками военизированной группировки “Ополчение правоверных” (Lashkar-e-Taiba), базирующейся в Пакистане, но запрещенной там местными властями. Однако уже в июне 2009 г. президент Пакистана А. Зардари и премьер Индии М. Сингх встретились в Екатеринбурге на саммите ШОС, где и Индия и Пакистан имеют статус наблюдателей, что положило начало процессу возобновления диалога. Индия призвала тогда пакистанское руководство к “демонтажу террористической сети”, а пакистанцы в свою очередь – “к решению сложных вопросов”. Возобновив переговоры с Индией, Исламабад в дальнейшем приложил много усилий в этом направлении, тем более что сам он был крайне заинтересован в нормализации отношений с Индией. Во-первых, демократически избранная гражданская администрация Пакистана стремилась улучшить имидж своей страны на международной арене. Во-вторых, Пакистан, который оказался вовлеченным в широкомасштабный военный конфликт с боевиками в Северо-Западной пограничной провинции и на Территории федерального управления племенами (The Federally Administered Tribal Areas – FATA), передислоцировал туда с пакистано-индийской границы для успешного ведения военной кампании несколько воинских частей. А потому руководство страны приложило немалые усилия к тому, чтобы избежать потенциальных столкновений на границе с Индией. Что касается взаимоотношений Индии и Пакистана в ЦАР, то хотя они и отмечены элементами соперничества, интересы этих двух государств серьезно в этом регионе не пересекались.

В то время как в ЦА Индия традиционно (с советских времен) воспринималась как дружественное государство, отношения ЦАГ с Пакистаном складывались в целом весьма непросто. Над ними довлел фактор длительной поддержки частью пакистанского истеблишмента и его секретными службами движения Талибан, который, как считали в ЦА, нес прямую угрозу безопасности государствам региона. После отстранения талибов от власти в Афганистане пакистано-центральноазиатские отношения нормализовались, однако недоверие к Пакистану не было снято полностью. Вместе с тем определенная положительная динамика прослеживалась во взаимодействии Пакистана с Узбекистаном, Киргизстаном и Таджикистаном — государствами, более всего пострадавшими от исламистского экстремизма. Своей мартовской 2005 года поездкой в Узбекистан и Киргизстан бывший президент Пакистана П. Мушарраф попытался сломить барьер недоверия и убедить власти этих государств в том, что Пакистан, как и они, озабочен проблемами обеспечения безопасности в регионе. Возможно, именно этот шаг помог Пакистану добиться согласия ЦАГ на его присоединение в 2006 г. в качестве наблюдателя к Шанхайской организации сотрудничества.

Отношения Пакистана с Узбекистаном значительно улучшились после того, как официальный Исламабад поддержал действия президента И. Каримова по подавлению майского 2005 г. мятежа в Андижане, инспирированного, как посчитали в Ташкенте, базировавшимися в Афганистане исламистскими организациями. Позитивный отклик в Узбекистане получило известие о ликвидации весной 2007 года в пакистанской провинции Южный Вазиристан укрывшихся здесь военизированных отрядов, сформированных из узбеков — участников Исламского движения Узбекистана (ИДУ). Воспользовавшись председательством Узбекистана в ШОС в 2009 г., пакистанский президент А. Зардари в очередной раз поднял вопрос о принятии его государства в полноправные члены этой организации. “Мы выступаем за полноправное членство в Шанхайской организации сотрудничества, - заявил Зардари на встрече с генеральным секретарем ШОС Б. Нургалиевым, - чтобы

Пакистан был активнее вовлечен в деятельность этой организации по поддержанию мира и экономического развития региона"⁷⁷. Тем не менее на Ташкентском саммите ШОС ни Пакистан, кандидатуру которого поддерживали Китай и Узбекистан, ни другие соискатели полноправного членства в этой организации своей цели не достигли, и расширение ШОС было на неопределенное время отложено.

Но Пакистан преуспел в развитии сотрудничества не только с Узбекистаном, но и с Таджикистаном. В отличие от Индии, сделавшей упор во взаимодействии с этой республикой на военно-стратегической составляющей (и не добившейся пока искомой цели), Пакистан предложил Таджикистану значительно более выигрышный вариант – проведение в кооперации с ним, а также с Россией и Афганистаном, масштабных экономических проектов.

Еще в августе 2008 г. было подписано соглашение об участии Афганистана, Пакистана, Таджикистана и Киргизии в проекте по поставкам электроэнергии из Центральной Азии в Афганистан и Пакистан. Из 1300 МВт предполагаемых поставок 300 получит Афганистан и 1000 – Пакистан. Министр водных ресурсов и энергетики Пакистана Раджа Первез Ашраф сообщил, что этот многосторонний проект будет завершен в 2013 году. А недавно к нему присоединились и российские энергетики. Имеются и планы развития в Южной и Центральной Азии железнодорожных и транспортных сетей, которые позволят восстановить старые торговые пути, существовавшие с незапамятных времен между индусами и таджиками. Речь, в частности, идет о проекте, который предполагается осуществить в четырехстороннем формате в составе России, Афганистана, Пакистана и Таджикистана. Предлагаемой к строительству 1340-километровой автомобильной и железнодорожной линией намечено соединить пакистанский Читрал с Душанбе. Маршрут планируется проложить через перевал Дора в Афганистане. Россия вынашивает также идею создания автомобильного и железнодорожного сообщения между Исламабадом, Душанбе и Ферганской долиной. По оценкам Москвы, эта транспортная линия откроет России выход к пакистанским портам, а Пакистан взамен получит автомобильный и железнодорожный доступ к рынкам Центральной Азии и Сибири.

Обращает на себя внимание и то, что встречи президентов Таджикистана, Пакистана, Афганистана и России приобрели регулярный характер. Первая такая встреча прошла в июле 2009 г. в Душанбе, вторая – в Сочи 18 августа 2010 г., а третью намечено провести в Душанбе. Эти встречи, несомненно, имеют важное значение с точки зрения поддержания безопасности, придания на базе такого четырехстороннего взаимодействия нового импульса социально-экономическому развитию регионов Южной и Центральной Азии. Примечательно, что эта новая региональная инициатива обходит стороной двух ключевых игроков ЦАР – Казахстан и Узбекистан, и в то же время привязывает к ней самое слабое, но стратегически очень важное звено – Таджикистан. Так, в совместной декларации, подписанной президентами России, Пакистана, Афганистана и Таджикистана в Сочи, говорится о том, что их страны будут участвовать в "строительстве железных и автомобильных дорог", чтобы "Таджикистан получил выход к морю через пакистанские порты". Договорившись о "создании региональной сети электроснабжения", Пакистан, Афганистан и Таджикистан подчеркнули важность "скорейшей реализации проекта

⁷⁷ Опубликовано 09.12.2009 на сайте Центральноазиатские новости.
URL: <http://www.ca-news.org/print/274051>

создания линии электропередачи Центральная Азия - Южная Азия (CASA-1000) и центральноазиатско-южноазиатского энергетического рынка"⁷⁸.

Таким образом, Пакистан и Индия, каждый по-своему, пытаются развивать многостороннее сотрудничество в ЦА, видя в нем в качестве основных участников не только США и страны Запада, но также Россию и некоторых ее центральноазиатских партнеров. Отсутствие полноценных политических и экономических контактов с Индией вынуждает Пакистан уделять значительно более серьезное внимание Афганистану и республикам Центральной Азии, и на этом направлении Исламабад рассчитывает, заручившись поддержкой России, сыграть ведущую роль в процессе формирования в Азии новой региональной подсистемы. Она посредством Афганистана как транзитного государства будет состоять из объединенных взаимной экономической выгодой Центральной и Южной Азии.

Казахстанские исследователи М. Т. Лаумулин и М. А. Ауган следующим образом оценивают эти затрагивающие ЦА геополитические сдвиги: "В конце 1990-х существовало два региональных комплекса безопасности (РКБ) – комплексы Центральной Азии и Южной Азии, отделенные друг от друга Афганистаном, игравшим роль государства-изолятора. Ныне мы являемся свидетелями того, как эти два комплекса состыковываются на общей для них обоих территории – в Афганистане, трансформирующемся в главный узел нового регионального комплекса безопасности – РКБ Южной и Центральной Азии, который охватывает оба этих региона. Пакистан намерен сыграть в этом процессе ведущую роль (возможно, опираясь на помощь НАТО и ШОС"⁷⁹. Обращает на себя внимание и такая важная деталь: России в этом "новом региональном комплексе безопасности" отводится, в отличие от американского проекта "Большой Центральной Азии", роль, соответствующая и ее статусу в ЦА, и ее потенциалу великой державы.

Присутствует в этом новом политическом проекте и еще одна составляющая: возможное посредничество России в снижении напряженности, существующей между Индией и Пакистаном. Эксперт Центра изучения Афганистана А. Серенко объясняет это разочарованием Дели и Исламабада в американских посреднических возможностях, растущим интересом к сотрудничеству с Россией пакистанских и индийских элит, что позволяет надеяться на "комплексное решение" проблемы обеспечения безопасности в регионе⁸⁰. А это в свою очередь благоприятно скажется на экономических проектах, на разрешении афганской ситуации и достижении стратегической стабильности во всей Азии, включая и ее центральноазиатскую подсистему.

⁷⁸ Kremlin's growing relationship with Islamabad. Pakistan patriot. 27.07.2010. URL: <http://www.pakistanpatriot.com/?p=32079>

⁷⁹ Лаумулин М.Т., Ауган М.А. Проблемы безопасности современного Пакистана и их влияние на Центральную Азию. Опубликовано 12 февраля 2010 г. в информационно-аналитическом журнале "Analytic" (Алматы, 2009, №6) на сайте Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ). URL: <http://www.kisi.kz/site.html?id=6875>

⁸⁰ Серенко А. Сочинский саммит даст России шанс стать "честным маклером" на Среднем Востоке. Опубликовано на сайте Афганистан.ру 17.08.2010. URL: <http://afghanistan.ru/doc/18106.html>

Роль государств Среднего Востока

В регионе Среднего Востока (его называют также Ближний Восток или же Ближний и Средний Восток) идут процессы сложной геополитической трансформации. Она связана со многими факторами – начавшимся выводом американских войск из Ирака, предстоящим их уходом из Афганистана, обострением ирано-арабских и шиитско-суннитских противоречий и пр. Центральная Азия также оказывается косвенно вовлеченной в эту трансформацию, свидетельством чему является активизация в ЦАР крупных среднеазиатских держав – Турции и Ирана, претендующих на региональное лидерство.

В политике **Турции** выделяются три основных направления: Европейский союз, для которого она является неизбежным энергетическим коридором, мусульманский мир Среднего Востока, тюркоязычные государства ЦА и остального постсоветского пространства.

Сразу же после распада Советского Союза Турция выдвинула идею более тесной интеграции тюркоязычных народов бывшего Советского Союза, включая сюда и центральноазиатские: со всеми ними Турцию связывало историческое прошлое. Идея эта диктовалась стремлением турецких политиков вдохнуть новую жизнь во внешнеполитическую доктрину, вынашивавшуюся еще при основателе Турецкой Республики Кемале Ататюрке: консолидацию под эгидой Турции объединенных культурной и лингвистической общностью народов, населяющих весьма обширный регион Евразии и Среднего Востока.

24 января 1992 г. при министерстве иностранных дел Турции было создано Турецкое главное управление по сотрудничеству и развитию (Turkish international cooperation and development agency – ТИКА), отошедшее в 1999 г. в ведение премьер-министра республики. ТИКА, которое распространило свою деятельность на 20 стран Европы, Азии и Африки, специальное внимание уделялось экономическим и культурным связям с новыми независимыми государствами СНГ. В 1992 г. министры культуры Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Туркменистана и Узбекистана заявили о своей готовности сотрудничать с Турцией в рамках совместного культурного проекта. 12 июля 1993 г. в Алматы была создана Организация по совместному развитию тюркской культуры и искусства (Türk Kültür ve Sanatları Ortak Yönetimi – ТЮРКСОЙ)⁸¹. В это объединение вошло 14 участников: все государства ЦА (за вычетом персоязычного Таджикистана), Азербайджан, Турецкая Республика Северного Кипра, Автономная Республика Гагаузия (Молдавия) и несколько федеральных субъектов РФ (Татарстан, Башкортостан, Тува, Республика Хакасия, Республика Алтай, Республика Саха). Турецкие политики планировали в перспективе создать единое политико-экономическое пространство для тюркских государств – с общим рынком, единой региональной энергосистемой, системой транспортировки энергоресурсов.

Этот проект, идейным вдохновителем которого стал президент Т. Озал, в целом поддержали ЕС и США, заинтересованные в ограничении российского влияния на постсоветское пространство. В Москве и Тегеране к турецким инициативам отнеслись более чем прохладно, расценив их как свидетельства попыток “переиздания” в сильно усеченном виде Османской империи. Скептически восприняли притязания Турции на лидерство главы центральноазиатских республик. У них не было желания обрести в лице Турции нового “Большого Брата”, и они предпочитали проводить сбалансированную и по возможности равноудаленную от мировых и региональных “центров силы” политику, поскольку только она и

⁸¹ Свое нынешнее название организация получила в 2009 г., войдя в состав Тюркского совета, учрежденного саммитом тюркоязычных государств в Нахичевани 3 ноября 2009 г.

позволяла им беспрепятственно распоряжаться собственными ресурсами, развивать идентичность. В то же время Турция являла странам региона пример успешного функционирования светской политической системы с элементами демократии западного типа, которой удалось в условиях доминирования в обществе приверженцев ислама провести рыночные преобразования. Не удивительно, что модель турецкого государства нашла в регионе ЦА множество приверженцев.

В пользу Турции говорило и ее геостратегическое положение, позволявшее контролировать Черноморские проливы, играть видную роль в обеспечении безопасности в Черноморско-Каспийском регионе, в поставках каспийских углеводородов странам Европейского союза. Турция стала важным звеном политики в ЦАР США и Европы, которая нацелена на то, чтобы закрепиться в этом регионе и эксплуатировать его нефтяные и газовые богатства без участия России. Речь идет об участии Турции в таких проектах, как действующий нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан, планируемый газопровод Nabucco, планы строительства железной дороги между Турцией, Грузией и Центральной Азией.

Между тем активное продвижение в ЦАР предусматривало вложение в страны региона значительных средств, что оказалось не под силу Турции с ее не столь развитой экономикой. Да и основным приоритетом турецкой внешней политики с середины 1990-х годов все больше становился западный вектор развития, подразумевавший присоединение в качестве полноправного члена к ЕС. Кроме того, форсированное вмешательство в дела постсоветских республик грозило осложнением отношений с Россией. Экономическое, энергетическое и торговое сотрудничество с ней Турция не готова была принести в жертву идеям общетюркской солидарности. Не наблюдалось энергичного встречного движения и в самих объектах приложения турецкой доктрины – тюркоязычных республиках ЦАР. Там готовы были развивать контакты с Турцией в сфере экономики и культуры, принимать ее помощь. Но делать турецкое направление главным лидеры новых независимых государств не собирались: их вполне устраивал курс на “многовекторность”, в соответствии с которым приветствовались контакты со всеми без исключения реальными и потенциальными экономическими донорами. Так что в целом отношения Турции со своими тюркоязычными “братьями” и “сестрами” в бывшем СССР долгое время не выходили за рамки культурно-образовательных связей.

После 2001 г. Турция, потерпев неудачу в ЕС, в который ей так и не удалось вступить, реанимирует курс на интеграцию с тюркоязычными республиками бывшего СССР, обнаружив здесь направление, по которому она надеялась реализовывать здесь свои амбиции — борьба с терроризмом и религиозным экстремизмом. Турецкая модель “светской мусульманской демократии” по многим параметрам как будто бы хорошо вписывалась и в планы американской администрации по демократизации и реконструкции Ближнего Востока и ЦА. Однако с 2002 г. в американо-турецких отношениях произошло некоторое охлаждение — в первую очередь из-за недовольства Анкары курсом Вашингтона на негласное поощрение ирредентизма курдов. В турецкую региональную политику были внесены коррективы, смысл которых состоял в том, чтобы придать этой политике видимость более проевропейской, нежели проамериканской. В ЦА, как и на Южном Кавказе, Турция начала позиционировать себя как проводника европейских ценностей и как единственное в мусульманском мире светское государство, способное стать “мостом” между Европой и Азией. Активные усилия предприняты были Турцией и по продвижению контролируемых западными компаниями энергомаршрутов. Значение имели и изменения во внутриполитической жизни Турции: там на парламентских выборах 3 ноября 2002 г. победила считающаяся исламистской Партия

справедливости и развития, лидеры которой через несколько лет заняли посты президента и премьер-министра Турции. С этого времени региональная политика Турции, охватывающая и центральноазиатское направление, становится все более динамичной и приобретает новое измерение.

Вдохновляющиеся исламскими ценностями нынешние правители Турции, в силу недостаточности внутреннего ресурса, вынуждены лавировать – заявлять о верности курсу на вступление в ЕС и декларировать свою приверженность светской модели. В свое время во имя этого геополитического проекта (инициированного основателем современного турецкого государства и последовательным борцом за его целостность Мустафой Кемалем Ататюрком) произошел отход Турции и от имперского бремени, и, главное – от своей исламской идентичности. Ныне этот проект, конечной целью которого стало бы вхождение на полноправных началах лаицистской Турции, отделившей ислам от государства и очищенной от пережитков традиционного общества, в семью европейских народов, терпит очевидный крах. Турция была принята в НАТО в 1952 г., в 2000 получила статус кандидата на вступление в ЕС, после чего в Евросоюзе было уже две волны расширения, но Турции среди принятых в ЕС стран не оказалось. Вместо этого ей был предложен суррогат “привилегированного партнерства”. Именно это стало толчком к фактически новому самоопределению Турции на международной арене, хотя этот процесс не обещает быть для нее легким.

В своей центральноазиатской политике Турция широко использует те же элементы так называемой “мягкой силы”, которые применены ею на Среднем Востоке, где ей удалось найти точки соприкосновения с Сирией, Ливаном, Ираком. Речь идет о создании позитивного образа Турции как светского демократического государства, успешно сочетающего мусульманскую культуру с рыночными преобразованиями; о продвижении турецкой телевизионной продукции (телесериалы), радиопередач, интернета, печатных масс-медиа, об обмене туристами и пр.

18 сентября 2006 г. на саммите тюркоязычных государств в Анталье, в котором приняли участие казахстанский, киргизский и азербайджанский президенты, премьер-министр Турции Эрдоган выступил с инициативой создания Содружества тюркоязычных государств (СТГ). Это, по его словам, позволило бы всем тюркам выступать на мировой арене с единой позиции. Предложение получило поддержку, которая носила, правда, во многом декларативный характер. Более результативным – но только в плане принятых решений – стал состоявшийся 3 октября 2009 г. саммит в азербайджанской Нахичевани, хотя он и не стал особо представительным: туда приехали только президенты Турции, Казахстана, Азербайджана и Киргизии. Узбекистан, в отношении которого к предоставившей убежище узбекским оппозиционерам Турции сохраняется холодок, это мероприятие, как и предшествующие саммиты, проигнорировал. Туркменистан был представлен лишь заместителем председателя правительства. А в Таджикистане незадолго до собрания в Нахичевани была официально провозглашена доктрина “двух персидских государств”, которая должна была засвидетельствовать факт сближения этой центральноазиатской страны с Ираном.

Саммиту предшествовало учреждение в Баку Парламентской ассамблеи тюркоязычных стран (ТюркПА). На ее первом заседании, прошедшем 29 сентября 2009 г., был согласован устав, сформирован секретариат и определен бюджет организации, постоянным местом нахождения которой стала столица Азербайджана, а участниками – те же Турция, Казахстан, Киргизия и Азербайджан. С тех пор к этой структуре никто не присоединился.

На нахичеванском саммите по предложению президента Казахстана Н. Назарбаева было подписано соглашение о создании Совета сотрудничества тюркоязычных государств, основными целями которого должно было стать укрепление связей в экономической и культурно-гуманитарной сфере. О его учреждении со штаб-квартирой в Стамбуле было объявлено на десятом, юбилейном, саммите тюркоязычных государств, прошедшем в том же составе 15 - 16 сентября 2010 г. в Стамбуле. Ранее, в мае 2010 г., в ходе визита президента Турции А. Гюля в Астану состоялось официальное открытие Академии тюркского мира. На Стамбульском саммите было также принято решение ежегодно отмечать 3 октября как День сотрудничества тюркоязычных государств.

Президент Н. Назарбаев вообще оказался самым горячим сторонником объединения тюркоязычных народов. Именно по его предложению эта идея нашла конкретное воплощение в виде формализованных институтов – ТюркПА, Совета аксакалов, Совета сотрудничества и т. п. Подобная активность казахстанского лидера объясняется, скорее всего, его желанием придать своей республике большую значимость в международных делах. Эти амбиции уже получили поддержку со стороны турецкого руководства, отнесшегося весьма благосклонно и к продвижению Казахстана на пост председателя ОБСЕ, и к перспективам вступления этой центральноазиатской страны во Всемирную торговую организацию. Немаловажную роль играет и стремление казахстанской правящей верхушки избавиться от транзитной зависимости от России, проложить альтернативные маршруты экспорта своих углеводородов, в том числе и через прочно завязанную на западные энергетические компании Турцию, которая также заинтересована в казахстанских энергоресурсах. Учитывая интенсивно развивающиеся в последние годы контакты Казахстана с НАТО, не приходится сомневаться, что членство в этой организации Турции становится дополнительным стимулом к налаживанию Казахстана взаимодействия с ней в военно-стратегической сфере. Примечательно, что именно Казахстан стал единственным из всех центральноазиатских государств, кто подписал с Турцией договор о стратегическом партнерстве. Это произошло 22 октября 2009 г. в Анкаре. А посетивший Казахстан в мае 2010 г. президент Турции Абдулла Гюль преподнес Нурсултану Назарбаеву символический скипетр власти, который, по словам Гюля, “олицетворяет символ власти, как это было у древних тюрков”. Более того, спустя месяц по инициативе Гюля в Анкаре была установлена статуя казахстанского президента. Как пояснил этот более чем дружеский жест глава Турции – “в благодарность за то, что президент Казахстана делает для всего тюркского мира”⁸².

Если судить по решениям, принятым на юбилейном стамбульском саммите, можно предположить, что тюркский мир обретает организационную структуру, которая позволит ему действовать более скоординированно. Не вызывает сомнения и то, что центральноазиатские государства (вместе с Азербайджаном) попытаются извлечь определенную выгоду из этого проекта. Однако предыдущий опыт функционирования “тюркского содружества”, заставляет усомниться в эффективности нового объединения, где Турция выступала бы как региональная держава. Ведь само понятие “тюркский мир” (как и “арабский”, “мусульманский”, “славянский” и прочие “миры”) имеет в современных реалиях весьма условное значение, поскольку в них объединяющим фактором может служить только язык. А вот экономика, политическая структура и даже культура участников планируемых и создаваемых объединений столь различны, что не позволяют рассматривать их как единое целое.

⁸² Литер, Алматы, 15.09.2010.

(http://www.liter.kz/index.php?option=com_content&task=view&id=3596&Itemid=2)

Турция заинтересована в СТГ как в запасном варианте на случай, если будет окончательно похоронена идея ее вступления в ЕС. Как справедливо отмечает признанный знаток Османской империи и республиканской Турции М. С. Мейер, “роль регионального лидера важна для Турции прежде всего в свете ее усилий войти равноправным членом в ‘европейский дом’. Вместе с тем увеличение международного престижа страны, несомненно, повысит и авторитет в среде избирателей правящей ныне Партии справедливости и развития, что ей совсем не лишнее в условиях серьезного раскола в турецком обществе”⁸³.

А потому, похоже, что в ЦА влияние Турции едва ли выйдет за рамки участия в энергетических проектах, где Турции к тому же отведена всего лишь вспомогательная роль — энергетического коридора, связывающего Центральную Азию и Кавказ с Европой. Интеграция центральноазиатских стран, Азербайджана и Турции не имеет прочной экономической основы. В то же время существуют серьезные экономические разногласия. Например, между Туркменией и Азербайджаном о принадлежности газовых месторождений на дне Каспия. Да и желание Анкары направить основные потоки каспийской нефти и газа через турецкую территорию на Запад приветствуется не всеми.

Итог турецкого политического развития последних лет показывает: светская прозападная модель весьма неустойчива даже в условиях относительно либерального тюркского ислама, и баланс между сторонниками светского пути развития и умеренными исламистами довольно хрупок. Так называемые “умеренные исламисты”, пришедшие к власти в Турции — их еще называют и модернистами — отдают предпочтение исламизму перед доктриной тюркизма, направляют Турцию в сторону Ближнего Востока и мусульманского сообщества. Нестабильность в самой Турции, где разворачивается противостояние сторонников светского государства и тех, кто избрал исламскую парадигму, ослабляет позиции этой страны в ЦА, учитывая неприятие лидеров ЦАР исламизма и страх перед его угрозой. Кроме того, для ЦАГ интеграция с Турцией, формирование совместно с ней и под ее эгидой новых политических объединений могут иметь неоднозначные последствия, одним из которых станет необходимость сворачивания отношений с Россией в рамках ЕврАзЭС, ОДКБ и других структур СНГ. Ибо, несмотря на демонстрируемый турецким руководством в последнее время независимый курс в международных делах, в целом интересы Турции на постсоветском пространстве совпадают с интересами США, и объективно они служат задачам ослабления влияния России, как в ЦА, так и на Кавказе.

Если главным козырем политики Турции в ЦА до недавнего времени была ее светская модель, то **Исламская Республика Иран (ИРИ)** питала как раз большие надежды на распространение своего религиозного влияния в этом обширном регионе, считающимся мусульманским. Однако со временем Тегерану пришлось эту сторону своей деятельности держать в тени. Учли власти ИРИ и негативное отношение центральноазиатских лидеров к попыткам навязать их странам религиозную парадигму, и роль в регионе России, поддерживавшей курс на построение в ЦА светских государств.

В самом общем виде стратегия Ирана в Центральной Азии нацелена на усиление позиций в зонах его традиционного влияния и на ослабление там США. Таким же образом действует Тегеран в шиитских районах Афганистана и Ирака. Руководство ИРИ, ведя в регионе сложную игру, прилагает огромные усилия к тому, чтобы убедить центральноазиатских лидеров, что ИРИ не собирается инициировать в их странах исламскую революцию.

⁸³ Пресс-конференция М. Мейера, опубликованная на сайте Лента.ру 18.05.2009.

Особое внимание Иран уделяет газовому гиганту региона – Туркменистану, с которым он, хотя и имеет существенные разногласия по вопросу цен на газ, намерен развивать сотрудничество, особенно в топливно-энергетической сфере. Что касается взаимодействия ИРИ с Узбекистаном, то здесь религиозная компонента государственного строя Исламской Республики всегда была серьезным ограничителем для более углубленного сотрудничества в политической и культурной сферах, но она не служила препятствием для развития экономических контактов. Особую озабоченность узбекского руководства вызывает возможность роста проиранских настроений в Самарканде и Бухаре, населенных в основном родственными иранцам таджиками. И хотя пропаганда радикального ислама или экспорта исламской революции не входит в планы иранской политики в регионе, гипертрофированная оценка узбекским руководством “исламской угрозы” породила особое отношение к диалогу с Ираном. Именно по этой причине узбекская сторона в течение долгого времени воздерживается от согласия на открытие генерального консульства ИРИ в Самарканде.

Что касается Казахстана, то иранские власти, оценивая тесные связи, которые установлены между Астаной и Вашингтоном, не видят для себя возможности разыгрывать антиамериканскую политическую карту в этой республике. К тому же Казахстан с финансовой точки зрения выглядит вполне самодостаточным, он не слишком нуждается в иранских кредитах, инвестициях или финансировании каких-либо объектов на территории республики.

Приоритетом иранской политики в ЦА остается Таджикистан как языково-родственное Ирану государство. Здесь ИРИ пытается не только противостоять геополитическому давлению США, но и перехватывать у американцев инициативу, продвигая в Таджикистане и Афганистане свой собственный проект, базирующийся не только на общности культурных и исторических связей народов, населяющих регион, но и на платформе антиамериканизма. Так, собравшимся 5 августа 2010 г. в Тегеране на свой четвертый “Персидский саммит” главам Таджикистана и Афганистана президент ИРИ предложил создать в Азии аналог НАТО после того, как иностранные войска будут выведены из Афганистана⁸⁴. Реакции на это со стороны афганского и таджикского лидеров не последовало, зато они живо откликнулись на призыв больше сотрудничать в экономической, торговой и транспортной сферах.

4-5 января 2010 г. президент ИРИ М. Ахмадинежад находился в Таджикистане с официальным визитом, что было расценено рядом экспертов как стремление властей республики использовать Иран в качестве противовеса России. Одним из ключевых моментов встречи глав двух государств стала поддержка руководителем Таджикистана мирной атомной программы Ирана. Таджикистан, кроме того, попытался лоббировать кандидатуру Ирана в ШОС, чему воспротивились Узбекистан и Казахстан. В свою очередь Иран, стремясь к расширению своего влияния в Таджикистане, а также в северном Афганистане, населенном по преимуществу таджиками, пошел на смягчение визового режима с Таджикистаном. Соответствующий “Меморандум о взаимопонимании” был подписан представителями министерств иностранных дел РТ и ИРИ в Душанбе 7 мая 2010 г.

Не ограничиваясь в ЦА одной только антизападной риторикой, ИРИ удалось добиться и некоторых практических результатов. Так, в мае 2010 г. Иран сыграл посредническую роль, когда между Узбекистаном и Таджикистаном возник конфликт из-за наложенного узбекской стороной фактического эмбарго на прохождение в Таджикистан через узбекскую границу железнодорожных грузов. Ссылки Ташкента на проблемы “технического и логистического” характера не были приняты

⁸⁴ *Cristiani D.* Iran's Growing interests and influence in Central Asia, 10.09.2010. <http://www.worldpoliticsreview.com/articles/6369/irans-growing-interests-and-influence-in-central-asia>

Таджикистаном, убежденным, что Узбекистан пытался попросту саботировать строительство Рогунской ГЭС, необходимой для обеспечения экономической независимости Таджикистана, против чего Ташкент категорически возражал, так как опасался, что ГЭС посадит сельскохозяйственный сектор Узбекистана на голодный водный паек.

Вмешавшись в этот спор, ИРИ руководствовалась не только экономическими соображениями, хотя и они, несомненно, учитывались: иранские компании, финансировавшие строительство ГЭС “Сангтуда–2”, несли из-за узбекской блокады существенные потери. Но главное, Иран стремился продемонстрировать Таджикистану верность своим партнерским обязательствам, реально оказав ему поддержку, которую Душанбе не получил от других посредников (ООН, ОБСЕ, ШОС, стратегического партнера Таджикистана – России), безуспешно пытавшихся убедить Узбекистан смягчить свою жесткую позицию. В июне государственная железнодорожная компания ИРИ пригрозила Ташкенту прекратить транзит через Иран всех направляющихся из Узбекистана к портам Персидского залива железнодорожных грузов, львиную долю которых составлял хлопковый экспорт. В дополнении к этому Иран предупредил и Туркменистан о намерении прервать транзит в Узбекистан его товаров по железной дороге. Визит в июле в Ташкент министра дорог и транспорта ИРИ Хамида Бехбахани и его встреча с первым заместителем премьер-министра Узбекистана Рустамом Азимовым также имела целью возобновить узбекско-таджикские переговоры. В конечном итоге этот кризис так и не был разрешен, и Узбекистан не возобновил пропуск железнодорожных грузов для Рогунской ГЭС. Вся эта ситуация позволила, однако, ИРИ продемонстрировать заинтересованность в сохранении особых отношений с Таджикистаном, несмотря на то, что Ираном на карту были поставлены не менее значимые для него экономические связи с Узбекистаном. Напомним, что в 2009 г. объем двусторонней иранско-узбекской торговли составил 250 млн. долл. США, и планировалось его увеличение до 1 млрд. долл.⁸⁵

Наметившееся в последние годы сближение Таджикистана с США и НАТО пока не сказалось на уровне экономического и культурного взаимодействия этой страны с Ираном. Учитывая, однако, что США строго следят за тем, чтобы их партнеры действовали в рамках зафиксированного администрацией внешнеполитического курса, есть основания полагать, что в случае усиления американо-таджикского взаимодействия связи Таджикистана с ИРИ будут размываться (и наоборот — если по каким-то причинам американо-таджикская “дружба” “увянет”, ирано-таджикские контакты обретут новое дыхание).

На интеграцию Ирана с Таджикистаном и другими ЦАГ отрицательно может подействовать ухудшающийся политический имидж Ирана, интенсивная милитаризация страны, реализация ее атомной программы, в которой Запад склонен видеть и военный компонент, способный подорвать стабильность, как на региональном, так и глобальном уровнях. В июне 2010 г. Советом Безопасности ООН была принята резолюция № 1929, вводящая четвертый пакет финансово-экономических санкций против Ирана. Вслед за этим в июле США и Евросоюз, а позже – Австралия и Канада, приняли против Ирана еще более серьезные односторонние санкции. Они призваны оказать давление на Иран в сферах экспорта нефти и импорта бензина, что способно дестабилизировать экономику ИРИ и увеличить уязвимость исламского государства. Разумеется, такая сплоченность мирового сообщества усиливает политическую и экономическую изоляцию Ирана, наносит значительный вред его репутации на мировой арене, уменьшает

⁸⁵ *Sodiqov A.* Iran interferes in Tajik-Uzbek rail dispute. URL: <http://cacianalyst.org/?q=node/5380>

привлекательность для партнеров. На таком фоне наличие очень тесных отношений с Ираном центральноазиатских стран может быть расценено мировым сообществом как поддержка негативных аспектов его внешней политики, и это обстоятельство является главным фактором, препятствующим дальнейшим шагам этих стран в направлении сближения с Ираном.

Иран и раньше особо не прислушивался к России в ЦА, преследуя здесь собственные интересы. Теперь же, по мнению Генерального директора российского Центра изучения современного Ирана Раджаба Сафарова, у Ирана развязаны руки после того, как Россия “примкнула к антииранскому альянсу”, проголосовав за санкции, и после того, как “с подачи России дорога в ШОС для Ирана была закрыта”⁸⁶ (речь идет о последнем саммите ШОС, на котором вопрос о вступлении в эту организацию Ирана, как и других наблюдателей, был отложен). Вполне возможно, что Иран будет теперь действовать в ЦА без оглядки на Россию. Однако едва ли эта “угроза” сможет серьезно изменить баланс сил в регионе: Иран не обладает для этого достаточным потенциалом и ресурсной базой.

На реализацию ирано-центральноазиатского диалога влияет также американское и вообще западное присутствие, которое значительно ограничивает возможную иранскую экспансию в Центральную Азию. Ограничителем становится и предельно конфронтационный характер отношений между Ираном и Израилем, с которым ЦАГ склонны больше, чем с Ираном, интенсифицировать контакты в экономической и военной сферах. Развитие отношений Ирана с государствами Центральной Азии сдерживается и рядом других объективных факторов. Главный из них и самый чувствительный для Ирана – присутствие в регионе других государств, желающих также упрочить свое влияние на этом важном геополитическом пространстве. Среди них – представители арабского мира, являющегося соперником и конкурентом Ирана в региональной и мировой политике.

Взаимодействие центральноазиатских государств **с арабским миром** началось еще в начале 1990-х годов, когда ряд его ведущих государств (Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт, Египет) попытались использовать завязавшиеся контакты со своими центральноазиатскими “братьями по вере” для продвижения собственного религиозно-политического влияния. Поскольку это привело к активизации исламистского движения, особенно в Узбекистане и ряде других республик ЦАР, их власти с осторожностью стали развивать контакты с арабским миром. Его представители вновь заявили о себе в регионе ЦА в 2000-х годах. Но на этот раз тактика арабов изменилась: исламская проблематика поднималась в основном в контексте культурно-цивилизационного взаимодействия, а на первый план выдвигались вопросы партнерства в сфере экономики и сотрудничества, в том числе и в рамках борьбы с религиозным экстремизмом. Выступающие в пользу этого ведущие государства БСВ – Саудовская Аравия, Египет, Иордания, становятся для ЦАГ не менее привлекательными партнерами, чем Иран и Турция, с которыми арабские страны соперничают за влияние в мусульманском мире и на Среднем Востоке.

Киргизстан, находящийся в состоянии перманентного внутривнутриполитического кризиса, вообще не уделяет особого внимания развитию отношений с арабским миром. Казахстан явно отдает предпочтение богатым монархиям Персидского залива. Активность Таджикистана в арабском мире сводится в основном к просьбам о получении экономической помощи. Узбекистан, сильнее соседей столкнувшийся в 1990-е гг. с деструктивным исламистским влиянием, проявлял до недавнего времени

⁸⁶ Российские пограничники вернутся на афганскую границу? Опубликовано 04.07.2010 на сайте Regnum.ru. Постоянный адрес: <http://www.regnum.ru/news/1300913.html>

в своем взаимодействии с Саудовской Аравией и другими странами Арабского Востока осторожность. Она в последние годы сменилась некоторой активизацией узбекско-арабских отношений, что обусловлено потребностями развивающейся экономики Узбекистана в притоке инвестиций из арабских источников. Что касается самоизолировавшегося от международных контактов Туркменистана в период нахождения там у власти С. Ниязова, то эта тенденция при его преемнике меняется, и для Туркменистана последних лет характерным стало оживление контактов с арабским миром. Приоритет там отдается Иордании, ОАЭ и другим монархиям Персидского залива.

Постепенное повышение роли ислама в национальной самоидентификации центральноазиатских народов, особенно таджиков, узбеков и южных киргизов является фактором, благоприятствующим развитию взаимовыгодных отношений с арабским миром. К сближению с ним центральноазиатские республики подтолкнули и "цветные революции" на постсоветском пространстве, которые воспринимались в столицах ЦАР как способ манипулирования политическими процессами и придания им желательного для Запада направления. В целом же активизация отношений стран Центральной Азии с арабским миром во второй половине 2000-х в первую очередь обусловлена стремлением диверсифицировать свои международные связи и утвердиться в ближневосточной азиатской политике. Подталкивает страны ЦА к этому стремление обрести большую независимость от России, а также сохраняющееся недоверие к Западу и скрытые страхи перед китайской экспансией.

ГЛАВА 4. ЦА В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Стратегия США

Собственно ЦАР не представляет для США особой ценности. Основные поставки энергоресурсов идут в это государство из других регионов – Латинской Америки, Ближнего Востока, Персидского залива. Запасы же нефти и газа ЦАР, являющегося частью более широкого пространства – Каспийского региона, еще в 1990-е годы оценивались американскими экспертами как весьма скромные, и они рассматривались скорее как резерв, нежели как весомый экспортный ресурс⁸⁷. Им, однако, США намерены распорядиться в будущем, предварительно максимально закрепившись в регионе. Для этого-то и понадобилось прокладывать или же проектировать ряд экономически невыгодных сегодня, но политически мотивированных маршрутов прокачки нефти и газа (наиболее очевидный пример – дорогостоящий Основной экспортный нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан, который не окупает сделанных затрат, потому что его никак не удастся полностью заполнить).

И все же значительно большую значимость для США ЦАР имеет как стратегический плацдарм, который позволяет контролировать Афганистан, все еще сохраняющий потенциальную угрозу региональной и международной безопасности.

Официально Соединенные Штаты заявляют в Афганистане о двух своих стратегических императивах. Первый – окончательное уничтожение Аль-Каиды и поддержавшего ее Талибана, второй – предотвращение радикализации Пакистана, чтобы исключить возможность попадания ядерных арсеналов в руки исламистов.

Предложенная действующим американским президентом обновленная стратегия по Афганистану и Пакистану (она фигурирует в американском политическом лексиконе как “доктрина АфПак”) предусматривает активное использование “мягкой силы”, дипломатии и компромисса⁸⁸. Определился в декабре 2009 г. президент Б. Обама и с датой вывода (июль 2011 г.) войск коалиции из Афганистана. Первоначально было запланировано, что вывод начнется после того, как афганские армия и полиция смогут взять на себя основные задачи по обеспечению безопасности в стране, а полная передача всех полномочий местным силовым структурам произойдет до конца 2014 года.

Затем, однако, ряд высокопоставленных американских политиков и военных начал корректировать этот план. Например, советник президента США по национальной безопасности генерал Джеймс Джонс уточнил в январе 2010 г., что речь может идти не о полном выводе войск, а лишь о начале передачи “ответственности афганским властям и вооруженным силам”⁸⁹. В августе того же года министр обороны США Роберт Гейтс заявил, что Вашингтон предусматривает в 2011 г. лишь “ограниченный” вывод войск из Афганистана⁹⁰. И, наконец, командующий войсками США и НАТО в Афганистане генерал Дэвид Петрэус сказал

⁸⁷ См. подробнее: *Малышева Д. Б.* Россия и Каспийский регион: проблемы безопасного развития. М.: МЭИМО, 2002.

⁸⁸ A new strategy for Afghanistan and Pakistan. Опубликовано 27.03.2009 на официальном сайте Белого дома. URL: <http://www.whitehouse.gov/blog/09/03/27/A-New-Strategy-for-Afghanistan-and-Pakistan/>

⁸⁹ The administration strategy in Afghanistan and Pakistan. Washington, January 25, 2010. Опубликовано на официальном сайте Института американского прогресса. URL: <http://www.americanprogress.org/events/2010/01/jones.html>

⁹⁰ Цит. по: <http://www.utro.ru/news/2010/08/02/911694.shtml>

в интервью газете “Таймс” 23 сентября 2010 г., что установленный президентом США срок вывода войск из Афганистана означает только начало процесса.

Таким образом, невзирая на все риски и издержки “постиракского” урегулирования в Афганистане (то есть того, что должно последовать после завершившегося 31 августа 2010 г. срока военной миссии США в Ираке⁹¹), поспешный уход США оттуда исключается. Для Б. Обамы важно также найти такую стратегию решения проблемы Афганистана, чтобы она отвечала национальным интересам США. При этом в отличие от предшествующей администрации, команда президента Б. Обамы не акцентирует внимания на распространении демократии западного типа ни в Афганистане, ни в соседних с ним странах. Речь здесь идет прежде всего о том, чтобы предотвратить новое превращение Афганистана в источник угроз миру и стабильности, чтобы там не оставалось “серых зон”, где могли бы найти прибежище международные террористы. Ведь разгром основных сил Аль-Каиды, ячейки которой переместились теперь туда, куда доступ США затруднен – в Йемен, Сомали, Судан, не сняло риска возвращения в Афганистан угрожающих миру террористических организаций, в случае полного вывода из этой страны сил международной коалиции, на чем настаивают некоторые американские политики и союзники США. Именно поэтому США заинтересованы в сохранении своего военного присутствия, если не в самом Афганистане, то, по крайней мере, поблизости.

На возглавляемое Хамидом Карзаем правительство трудно рассчитывать в условиях, когда Афганистан существует как объединение этнических групп при номинальном лидерстве Кабула. Раздробленная и перманентно нестабильная страна, в которой процветают теневая экономика и наркобизнес, все еще далека от возвращения к нормальной жизни: здесь так и не появилось условий для инвестиций, нет потенциальных точек роста, и страна выживает только за счет западных доноров и постоянных финансовых вливаний с Запада. Не удалось также уничтожить талибов как силу, способную реально противостоять США и их союзникам.

Не подходит для реализации американской стратегии Пакистан, который так и не стал для США надежным союзником в борьбе с талибами и терроризмом. Более того, американский Белый дом в 2010 г. фактически обвинил власти Пакистана в предательстве и возложил на них ответственность за неудачи военной кампании в Афганистане. Теперь в качестве запасного сухопутного пути поставок для международной группировки, воюющей в Афганистане, американское командование видит вместо Пакистана его традиционную соперницу – Индию. С ней как с более предсказуемым, нежели Пакистан, партнером, которому удастся поддерживать внутри страны (в отличие от сотрясаемого междоусобицами Пакистана) относительную стабильность, США предпочитают наращивать и военное сотрудничество. В пользу Индии, с точки зрения глобальных американских замыслов, говорит и то, что в ее отношениях с Китаем (являющимся союзником Пакистана и глобальным соперником США) имеется ряд нерешенных спорных проблем, что позволяет при опоре на Индию создавать в регионе некий контрбаланс “экспансионизму” КНР.

Вариант переговоров с так называемыми “умеренными талибами” – идея, которую горячо поддерживает Хамид Карзай – таит в себе огромные риски. Американская администрация не столь наивна, чтобы не отдавать себе отчета в том, что “умеренных талибов” не существует. Фигурируют же они в американском

⁹¹ Согласно заключенному в ноябре 2008 г. соглашению между Вашингтоном и Багдадом, после ухода к 1 сентября 2010 г. из Ирака американских боевых частей в стране останутся около 50 тысяч военнослужащих США. Они будут продолжать обучение иракских сил безопасности и оказывать им поддержку при проведении боевых операций. Эти части должны будут покинуть страну до 2012 года.

политическом лексиконе только для того, чтобы придать респектабельность неофициальным дипломатическим контактам с силами, против которых американцы столько лет воюют и которых они обвиняют – не без основания – в поддержке международного терроризма. Талибы настаивают на договоренностях на их собственных условиях, что неприемлемо для США, поскольку это перечеркнет их многолетние военные усилия в “АфПаке”. Так что, не отвергая в принципе саму идею переговоров с талибами, в Вашингтоне рассматривают ее как часть сложной дипломатической игры, которая, возможно, и приведет в будущем к приемлемому результату – созданию в Афганистане по иракской схеме коалиции невраждебных США политических сил, в составе которой будут и талибы. Но это в отдаленной перспективе. Пока же американцы рассматривают вопрос о поддержке тех, кого они считают противниками талибов. Речь идет о непустунских народах (узбеках, таджиках, хазарейцах), ареалом расселения которых является север и запад Афганистана. В годы советской оккупации этими народами был сформирован Северный альянс, который затем, в первой половине 1990-х годов, продолжил свое существование благодаря военной и финансовой подпитке из России, Ирана и Китая. На этот альянс потом опирались американцы при свержении режима талибов.

Заслуживает в этой связи внимания “План Б” по Афганистану, выдвинутый 13 сентября 2010 г. в Международном институте стратегических исследований в Лондоне известным американским политиком Робертом Блэквиллом (он занимал должность заместителя Кондолизы Райс в бытность ее госсекретарем США и являлся специальным посланником президента Дж. Буша-мл. в Ираке). Блэквилл полагает, что США следует оставить талибам юг и восток и сконцентрировать усилия на враждебных талибам непустунах. Китай и Россия не будут возражать против того, чтобы США становились гарантами безопасности ЦА, правители которой, уверен американский политик, поддержат борьбу США с “исламизмом”. Этот “позволит Вашингтону сфокусировать внимание на четырех проблемах, являющихся жизненно важными для американских национальных интересов: подъем китайского могущества, иранская ядерная программа, ядерный терроризм и будущее Ирака”⁹².

В свете предложений Блэквилла становится понятнее цель развязанной США антииранской компании, с одной стороны, и привязка к ней России (которая, как полагают в Вашингтоне, мало что может сделать в регионе в силу своего серьезного ослабления в военном и политическом плане) и Китая, с другой. Помимо задач недопущения попадания атомного оружия в руки враждебного США тегеранского режима, Иран нейтрализуется на чрезвычайно важном для США афганском направлении. Самим же США удастся избежать участия в бесперспективной и кровопролитной войне с талибами, и за них это будут делать, как предполагают Блэквилл и ряд других американских экспертов и политиков, узбеки и таджики. Но, идя на контакт с этими силами, США многим рискуют.

Северного альянса как такового в настоящее время не существует. Сами непустуны не являются консолидированной и влиятельной силой, а между бывшими спонсорами этой военно-политической структуры теперь существуют разногласия, обусловленные конкурирующими интересами. Так что американцам придется единолично взять на себя ответственность за финансирование и вооружение своих потенциальных союзников в Афганистане, что потребует значительных дополнительных расходов. Неясны и политические последствия, к которым может привести военное “накачивание” американцами непустунов с целью перекалывания на них тягот ведения боевых операций против талибов: результаты

⁹² *Bhadrakumar M. K.* An Afghan bone for Obama to chew on. - Asia Times, Hong Kong, Sep. 18, 2010. URL: http://www.atimes.com/atimes/South_Asia/LI18Df02.html

могут быть совсем иными, нежели те, на которые сейчас рассчитывают в США. Во-первых, Афганистан вновь может погрузиться в кровавый беспредел, наподобие того, что возник после вывода советских войск, и тогда талибов, как это уже случилось в 1996 г., поддержит в основном все население истерзанной гражданской междоусобицей страны – как единственную силу, способную навести порядок. Во-вторых, неоднократно доказавшие в прошлом свою непредсказуемость узбекские и таджикские формирования в Афганистане легко могут обратить оружие против своих новых спонсоров – американцев. В-третьих, неизвестно, как поведет себя при изменившемся раскладе Пакистан, будет ли Индия безоговорочно поддерживать данный план (поскольку он грозит возможным расширением Пакистана за счет присоединения к нему афганских территорий, на которых проживают “родственные” пуштуны), захотят ли Китай и Иран терпеть в непосредственной близости от своих границ американское военное присутствие.

Однако же плюсы этой стратегии перевешивают, с точки зрения американских интересов, ее минусы. Американцы получают возможность передислоцировать свои вооруженные силы в непустунские регионы Афганистана, граничащие с ЦА и Ираном. А в Афганистане и ЦА будет продолжено формирование военно-стратегического плацдарма. Он по своим масштабам и мощи не соизмерим с первоначально ставившейся перед международной коалицией задачей – разгром талибов и Аль-Каиды в рамках локальной и ограниченной по времени военной операции. Уже сегодня этот плацдарм включает в себя в общей сложности около 40 военных баз. Часть их располагает взлетно-посадочными полосами до 3.5 км, наземными и подземными сооружениями, станциями воздушного и космического слежения, самолетами дальнего радиолокационного обнаружения типа АВАКС в количестве, достаточном для контроля будущего возможного театра военных действий, охватывающего регион Центральной и Южной Азии. В 2009 г. значительно увеличилась здесь численность войск под командованием НАТО - с 5.5 до 64.5 тыс. военнослужащих. А в 2010 г. в Афганистане с учетом направляемых сюда дополнительно 30 тыс. американских военнослужащих задействовано примерно 150 тыс. бойцов НАТО и США⁹³.

Военное руководство США и НАТО дает понять, что намерено сохранить эти стратегические объекты и после вывода основных сил международной коалиции из Афганистана. Имеются и другие планы: построить крупную базу в Мазари-Шарифе; расширить военно-воздушные базы в Баграме и Шиндане; перестроить в узбекском Термезе аэродром, используемый ныне силами НАТО; договориться с германским бундесвером и узбекским правительством относительно возможности использования Термеза как остановочного пункта для пролета натовской военной авиации и пр. Взамен сокращаемого в Афганистане в 2011 г. воинского контингента американская администрация намеревается направить в эту страну новую “армию” – теперь уже гражданских советников. Что касается ЦА, то здесь, согласно глобальным замыслам США, планируется создавать вспомогательную военную структуру в виде баз, размещенных на них отрядов оперативного реагирования и спецназа, пунктов ракетного базирования, учебных центров, в которых, по обкатанной в Грузии модели, американские инструкторы будут готовить кадры для центральноазиатских армий. Все это дает основание предположить: территория Афганистана и ЦАР и дальше будет использована США для закрепления в Евразии, которую Збигнев Бжезинский назвал в свое время “главным геополитическим призом для Америки”⁹⁴.

⁹³ Серенко А. Афганистан: политические итоги 2009 года. - <http://www.afghanistan.ru/print/?id=16353>

⁹⁴ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998, с. 43.

Благодаря этому, США обретают уникальную возможность держать под постоянным наблюдением ключевые государства Азии (Китай, Индию, Пакистан, Иран), а также постсоветскую Центральную Азию и Россию. В ближайшие годы на повестке дня перед американцами стоят достаточно сложные стратегические задачи: 1) сдерживание Китая и недопущение его чрезмерного влияния в Азии; 2) контролирование Ирана, а в случае необходимости и его военный разгром; 3) сведение к минимуму экономического и военного присутствия в ЦАР России, выведение из-под ее влияния энергетических потоков и создание неподконтрольного ей транспортно-энергетического коридора, по которому центральноазиатские/каспийские углеводороды смогут доставляться на мировые рынки через другие транзитные страны, например, Турцию или Афганистан.

Американским планам в основном благоприятствуют и настроения, царящие в ЦАР: государства этого региона давно уже обнаружили живейшую готовность “выстраиваться” в рамках предложенной США новой системы координат. Причину такой покладистости ЦАГ аналитики усматривают в их “хронической восприимчивости к внешнему геополитическому воздействию”, которое облегчается специфическими особенностями развития – внутренней слабостью, отсутствием собственной консолидирующей силы, этнической и религиозной пестротой, разобщенностью, перманентной междоусобицей⁹⁵. Но и не это главное.

С того момента, как в Афганистане оказался международный контингент войск под управлением НАТО, наркотрафик из Афганистана в Центральную Азию не только не был прекращен, но и возрос. По данным общественного объединения “Антинаркотический фронт”, за последние шесть лет Афганистан стал крупнейшим производителем опиума в мире. Бывший помощник руководителя Бюро по международной борьбе с наркотиками и правоохранительной деятельности Госдепартамента США Томас Швайх утверждал, что движение Талибан финансирует себя за счет наркотиков, а лояльное к США кабульское правительство удерживает власть благодаря не только натовским штыкам, но и торговле опиумом⁹⁶.

В Центральной Азии особенно после второй “революции” в Киргизии усилилось понимание того, что региону грозит “афганизация”, то есть возникновение ситуации, когда на фоне возрастания наркотрафика центральная власть в республиках сможет контролировать только столицу и ее окрестности, а реальная власть сосредоточится у местных предводителей кланов, наркобаронов, вожак бандформирований. Для противодействия такому варианту развития ЦАГ нужны, помимо сильной армии и специально обученных сил быстрого реагирования, государственный аппарат, проработанная стратегия ответа на вызовы и риски и пр., чего, к сожалению, ни у одного государства нет. Республики региона испытали (а некоторые и продолжают испытывать) тяжелейший кризис в различных сферах – экономической, политической, социальной. Преодолеть его без внешней поддержки они не надеются. Не в состоянии они также справиться собственными силами с угрозами сепаратизма, преступности, наркомафии, религиозного экстремизма и прочими серьезными вызовами их национальной безопасности. Поэтому политические элиты государств постсоветской ЦА надеются получить от США то, чего они недополучили, как они считают, от России – помощи в развитии и защиты от внутренних и внешних врагов. Насколько такие их надежды оправданны?

⁹⁵ *Эйвазов Дж.* Антитеррористическая кампания и новые тенденции геополитики и безопасности в региональных системах Центральной Азии и Кавказа. – *Центральная Азия и Кавказ*, 2002, №4, с.22.

⁹⁶ Цит. по: *Ивашев Н.* Наркотики как оружие. - *РБК Daily*.10.09.2008.

По сравнению с периодом президентства Дж. Буша-мл., когда – по крайней мере, на декларативном уровне – проблемам продвижения демократии и прав человека в Центральной Азии уделялось повышенное внимание, американская администрация Б. Обамы в целом не выдвигает эти проблемы на первый план в своих отношениях с ЦАГ. Однако и заменить Россию в экономической сфере США пока не удается (если такая задача вообще ставится), поскольку между Россией и центральноазиатскими государствами сохраняется значительная экономическая взаимозависимость: именно Россия является важнейшим рынком труда для мигрантов из ЦА и источником культурного влияния на местный социум. Остается Россия и главным поставщиком вооружений, базой для подготовки военных кадров. Это, впрочем, не является препятствием для наращивания в регионе Соединенными Штатами политических и военно-политических мер, которые рассчитаны на долгосрочную перспективу и должны превратить ЦАР в единое военно-стратегическое и экономическое пространство, находящееся под влиянием США и их западных союзников.

Еще в 1998 г. ЦАР был выведен из-под юрисдикции Европейского командования США и включен в зону ответственности Центрального командования вооруженными силами США – Центком (United States Central Command – USCENTCOM). Эта штабная структура распространяет влияние на территории 30 государств на Среднем Востоке, в Восточной Африке и Центральной Азии. А ранее - 15 декабря 1995 г. в городе Джамбуле было создано первое в ЦА объединенное миротворческое подразделение под названием Центразбат в составе трех батальонов – казахстанского, киргизского и узбекского. Новая структура должна была содействовать поддержанию стабильности в ЦАР, способствовать обмену между его участниками информацией тактического характера, наработать опыт в проведении миротворческих операций и маневров по охране безопасности государств. Впервые батальон попробовал свои силы в 1997 году на учениях в Центральной Азии "Центразбат-97", в которых приняли участие подразделения США, России, Турции, Грузии, а также Балтийский батальон (аналогичное Центразбату формирование прибалтийских республик). В последующие годы подобные учения проводились на территориях Киргизии и Узбекистана, а центральноазиатские военные участвовали в учениях НАТО в Европе (например, в маневрах Cooperative Nugget-97).

Но, как полагает М. Лаумулин, Центразбат остался "мертворожденным проектом"⁹⁷. Он планировался США не для "внутреннего пользования" ЦАР, а для военных операций за его пределами, тем более что и ООН предоставляла воинским подразделениям статус миротворческих только, если сама направляла их в регионы, где не было интересов стран-учредителей. То есть Центразбат в соответствии со сложившейся международной практикой мог быть использован в Латинской Америке, Африке, Южной Азии, Европе или же, согласно американским планам – в Афганистане и Ираке. Однако сами ЦАГ больше нуждались не в миротворческих силах, а в армиях, способных эффективно справляться с вызовами и угрозами безопасности. Просуществовав не более 5 лет, Центразбат распался на национальные миротворческие формирования, что не помешало США продолжать пытаться активно воздействовать на военно-стратегическую сферу ЦАГ. При этом НАТО во многих случаях использовалась американскими стратегами как своего рода приманка для ЦАГ, облегчающая Вашингтону проводить в регионе свои

⁹⁷ Лаумулин М. НАТО в Центральной Азии. – Континент, Алматы, №18 (105), 24.09- 07.10.2003. Электронный адрес статьи: <http://www.continent.kz>

собственные интересы, не всегда совпадавшие с интересами их европейских союзников по Североатлантическому альянсу.

Одним из проводников региональной политики США призван был стать созданный в конце 2009 года по инициативе американских конгрессменов Совет по обсуждению проблем Центральной Азии. Его главными задачами провозглашалось укрепление взаимоотношений в борьбе с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков, содействие освоению природных ресурсов, становление демократического общества и соблюдение прав человека в государствах Центральной Азии. О заинтересованности американской администрации в ЦА говорят и размеры экономической помощи, предоставляемой государствам региона. Но справедливо и то, что вследствие глобального кризиса в 2011 финансовом году американские дотации некоторым странам региона сократятся. Так, Киргизстан получит 40.3 млн. долларов (в 2010 г. - 46 млн. долл.), а Таджикистан - 41.5 млн. (в 2010 г. он получил 42.5 млн. долл.). Снизят США в 2011 г. и объем предоставляемых этим двум странам военных ассигнований. Если в 2010 г. Киргизстан получил от США 3.5 млн. долларов, то в 2011 г. она сократится до 2.4; военная помощь Таджикистану, составлявшая в 2010 г. 1.5 млн. долл., достигнет в 2011 только 1.2. Зато объем помощи Узбекистану и Казахстану не изменится, а вот Туркменистану вместо 12.5 млн. долл., полученных им в 2010 г., достанется в 2011 году только 10 млн. долл.⁹⁸.

В последние годы США пытаются как можно более активнее задействовать инфраструктурные возможности центральноазиатских государств для обеспечения своих войск в Афганистане. Как подчеркнул представитель американского Департамента обороны, "было бы логичнее и намного эффективнее для военной операции в Афганистане иметь базы в Центральной Азии, а не на Южном Кавказе"⁹⁹.

Транзит через центральноазиатские государства невоенных грузов в Афганистан превращает эти страны в более значимых участников афганского урегулирования, которое подается во многом как вариант обеспечения безопасности всего региона. Считается также, что странам Центральной Азии есть прямая выгода от операции сил США/НАТО в Афганистане и Пакистане, поскольку в случае разгрома там баз экстремистов для стран ЦА уменьшится террористическая и исламистская угроза, и регион будет предохранен от нестабильности и хаоса.

Но выбор в пользу безоговорочного сотрудничества с США/НАТО некоторым странам ЦАР делать непросто, учитывая неоднозначные отношения России с Североатлантическим альянсом, не до конца нормализовавшиеся после обострения в августе 2008 г. Возможны и другие потери, просчитать которые на данном этапе пока нелегко. Как показывает опыт, США напрямую связывают решения об оказании странам ЦА помощи с целями и задачами своей стратегии. В прошлом это был короткий период, последовавший за терактом 11 сентября, когда Вашингтон только начинал разворачивать военное наступление в Афганистане. Нынешняя помощь предоставляется в контексте увеличения масштабов военных операций в Афганистане/Пакистане, и эта помощь, по всей видимости, будет также носить краткосрочный, ситуативный характер, ибо США не планируют осуществлять в ЦА долгосрочные программы по стимулированию развития региона.

⁹⁸ Кусера Дж. Центральная Азия и Кавказ: Администрация Барака Обамы занимает умеренную позицию в вопросе оказания помощи странам региона. Опубликовано 11.02.2010. Постоянный адрес: <http://russian.eurasianet.org/node/30972>

⁹⁹ Abbasov Sh. Uzbekistan: US officials negotiating a return to Uzbek air base// Eurasia Insight, 23.03.2009 <http://www.eurasianet.org/departments/insightb/articles/eav032309a_pr.shtml>

В апреле 2008 года на саммите НАТО в Бухаресте была одобрена концепция “транзитного моста” через территорию России и стран Центральной Азии. Приглашенные тогда на заседание президенты Узбекистана и Туркменистана заявили о готовности предоставить альянсу транзитный коридор для доставки невоенных грузов в Афганистан. Москва также подписала соглашение с НАТО о транзите невоенных грузов, главным образом, гуманитарных, в Афганистан через территорию России для оказания поддержки Международным силам по содействию безопасности в Афганистане. А в середине января 2009 г. руководитель Объединенного центрального командования Вооруженных сил США генерал Дэвид Петрэус посетил столицы практически всех ЦАГ и сумел добиться двухсторонних договоренностей об участии в “афганском транзите” почти со всеми государствами.

В рамках своей стратегии США уделяют *Узбекистану* особое внимание, свидетельством чему стали намерения назначить на пост посла США в эту страну в ходе очередной кадровой ротации заместителя помощника госсекретаря США по делам Южной и Центральной Азии Джорджа Крола. Американская политика в Узбекистане исходит из того, что вне зависимости от того, кто находится и будет находиться там у руля власти, положение США в этой стране должно оставаться стабильным, для чего и требуется закрепление там по всем азимутам экономики и политики. Узбекистан в свою очередь рассчитывает на приток американских инвестиций и передовых технологий, в том числе в планируемую свободную индустриально-экономическую зону “Навои”. Американцы также заинтересовались этим проектом, как и развитием военно-стратегического сотрудничества. Оно, в частности, касается использования аэропорта “Навои”. В настоящее время через него осуществляется транзит невоенных грузов для американского контингента в Афганистане. Но США хотели бы преобразовать аэропорт в будущем в трансконтинентальный транспортно-экспедиционный авиаузел, который свяжет Дальний Восток, Юго-Восточную Азию, Южную Азию и Европу. В сфере человеческого измерения, Узбекистан и США планируют завершить согласования по Соглашению о сотрудничестве в сфере науки и технологий и парафировать его. Предусмотрены Пентагоном поставки военного снаряжения в Узбекистан, намечены консультации на тему отмены поправки Джексона – Вэника (которую применительно к России так и не отменили) в отношении Узбекистана¹⁰⁰.

Узбекистан заинтересован в том, чтобы афгано-пакистанская военная зона перестала быть местом прибежища исламистской несистемной оппозиции, несущей серьезную угрозу правящему режиму Узбекистана. Потому он будет и дальше принимать американскую помощь (наравне с российской) для создания национальной боеспособной армии, предоставлять свою территорию для военного и гражданского транзита сил международной коалиции, воюющей в Афганистане. Заинтересован Узбекистан в мирном Афганистане как в потенциальном рынке для продажи своих энергетических ресурсов, избыточных электрических мощностей.

Соединенные Штаты намерены сохранить свое влияние и на политической сцене в *Киргизии*, искусно играя на существующей там после “революции” крайней нестабильности. В свете этого Вашингтон позитивно отнесся к перспективам превращения ОБСЕ в одного из гарантов (наряду с ОДКБ) стабильности в Киргизии, что не мешает американцам считать ОДКБ неэффективной военно-политической организацией.

По мере приближения афганской кампании к эндшпилю участились заявления американских политиков о растущей “исламистской” угрозе *Таджикистану*, хотя известно, что она во многом является произвольной от других, внутренних по

¹⁰⁰ Панфилова В. Американская партия Ислама Каримова. – Независимая газета. 29.01.2010.

большой части, проблем. Однако у США появляется хороший предлог, чтобы, предложив свои услуги защитить республику от этой угрозы, утвердиться здесь. 24 сентября 2010 г. посол США в Душанбе Кен Гросс сообщил, что американцы инвестируют 10 млн. долл. в строительство в Таджикистане Национального тренировочного центра вооруженных сил. Соответствующее соглашение Вашингтон рассчитывает подписать к концу осени, а сам центр, который будет иметь статус базы, появится около города Турсунзаде уже в 2011 году. Рассчитывают американцы – пусть даже под натовским “зонтиком” – получить в свое распоряжение и отстроенную индийцами авиабазу Айни. К этому военному объекту, правда, давно проявляют интерес и российские ВВС: их таджикские власти еще в 2004 г. обещали впустить на аэродром, но все как-то не “срасталось”. И вот теперь Душанбе поставлен, как и Бишкек, перед серьезным стратегическим выбором.

Планирует Пентагон разместить в Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Туркмении и Узбекистане подразделения американского спецназа, который будет бороться с проникновением на территорию ЦАГ формирований боевиков. Широко пропагандируется и тезис о том, что только НАТО является единственной дееспособной военной структурой, способной обеспечить безопасность ЦА. США, таким образом, не намерены распространять на ЦА “перезагрузку” своих отношений с Россией, планируя единолично закрепиться в регионе ЦА. Постарались они также убедить его страны в том, что рассматривают их в более широком контексте и не воспринимают только как придаток своей политики в Афганистане и Пакистане. В свою очередь центральноазиатские страны, пользуясь разнообразием векторов сотрудничества, предоставляемых их географическим положением, ставшим неожиданно выгодным, разыгрывают американскую и российскую “карты”, пытаются извлечь максимальную выгоду от частично инициированной ими самими конкурентной геополитической борьбы.

США в обозримый период времени не откажутся от мирового лидерства, а следовательно, и от стратегического присутствия в тех частях земного шара, где это связано с защитой американских интересов. Сохранят они свое присутствие и в Евразии, что обусловлено, в числе ряда других важных причин, ресурсно-энергетическим и стратегическим факторами.

Степень включенности США в дела ЦАР будет зависеть от динамики американских национальных интересов и глобальной политической тактики. Но очевидно, что на время, которое совпадет с процессом вывода вооруженных сил из Ирака и Афганистана, США будут уделять ЦАР меньше внимания. Однако в дальнейшем, по мере реабилитации американской экономики и восстановления режима инициативной внешней политики, США инициируют активное “возвращение” в этот регион, который они по существу и не покинут ввиду сохраняющейся важной роли ЦАР в глобальной стратегии США.

Международные инициативы по поддержанию безопасности Центральноазиатского региона

Угроза неконтролируемого оборота различных радиоактивных материалов, которая наделяет адептов ядерного террора новыми возможностями, не обошла стороной и Центральноазиатский регион. Он причисляется экспертами к одному из мировых центров черного рынка урана¹⁰¹, хотя известно, что урановые месторождения

¹⁰¹ Об этом, в частности, говорится в статье руководителя Антитеррористического центра государств - участников Содружества Независимых Государств, генерал-полковника милиции А.П. Новикова “СНГ: ядерный терроризм реален” (Россия в глобальной политике. М., 2007, № 2).

Киргизии, Казахстана и Узбекистана (последний, по данным МАГАТЭ, стоит на седьмом месте в мире по запасам урана) давно и усиленно осваивают иностранные компании. В этой связи обращает на себя внимание заключенный Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном 8 сентября 2006 года в казахстанском городе Семипалатинске (отсюда название Договора – Семипалатинский) **Договор о зоне, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии (ЦАЗСЯО)**, который является важным шагом на пути ЦА к достижению режима нераспространения. Стороны договора взяли на себя обязательства запретить производство, приобретение и развертывание на их территории ядерного оружия и его компонентов или других ядерных взрывных устройств, не запрещая при этом развития мирной ядерной энергетики.

Нахождению согласия по Семипалатинскому договору предшествовала долгая и упорная работа дипломатов пяти республик, ядерных держав и представителей ООН. Переговоры проходили сначала в поисках компромисса между самими государствами Центральной Азии по ряду положений договора (1997–2002 гг.). Когда же представители республик наконец смогли договориться между собой в конце 2002 г. (Самаркандский проект от 26 сентября 2002 г.), ядерные державы – прежде всего Франция, Великобритания и США – выразили недовольство некоторыми пунктами, и подписание было вновь отложено на длительный срок.

Основное возражение западных ядерных держав вызвала 12 статья, которая указывала на то, что Договор не влияет на права и обязанности сторон по другим международным договорам, которые они заключили до вступления в силу Договора о ЦАЗСЯО. Это, по мнению западных государств, открывало для России возможность обойти Семипалатинский договор с помощью Договора о коллективной безопасности, который предусматривал в случае агрессии против страны-участницы ДКБ предоставление помощи и поддержки, включая и военную. Это создавало благоприятные условия для сохранения влияния России в регионе, что западные страны совершенно не устраивало. Не понравилась Западу и в особенности госдепартаменту США двусмысленность, как они утверждали, некоторых формулировок договора, подписанного в Семипалатинске: они предусматривали следование центральноазиатскими государствами ранее заключенным договоренностям – и в рамках ДКБ, и по линии ООН.

На своей Ташкентской встрече в феврале 2005 г. стороны придали окончательную форму тексту Договора. В отличие от западных стран, препятствовавших заключению договора и не приславших своих представителей на церемонию его подписания, Россия и Китай выступили за создание ЦАЗСЯО и выразили всяческую поддержку Семипалатинскому договору.

В ходе последующих переговоров в 1997–2006 гг. центральноазиатские республики пошли на значительные уступки западным ядерным державам¹⁰². Например, из окончательного текста Договора устранено положение статьи 14.с Самаркандского проекта: “государства, имеющие общие границы с зоной, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии, могут стать сторонами настоящего Договора, если они примут на себя обязательства по настоящему Договору и если в настоящий Договор будет внесена соответствующая поправка”. Кроме того, в отличие от первоначальных проектов, в окончательном варианте Договора вопрос с

¹⁰² Подробнее об этих разногласиях и поисках компромисса см.: *Кутнаева Н., Ахтамазян И.* О подписании Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. – Индекс безопасности. 2007, Т. 13, № 1 (81), с. 132-134. Опубликовано на сайте Центра политических исследований России (ПИР-Центр). Постоянный адрес: <http://www.pircenter.org/index.php?id=2047>

транзитом был разрешен таким образом, что каждая страна решает сама, разрешать ли транзит по своей территории или нет¹⁰³.

По ряду характеристик ЦАЗСЯО представляет собой уникальную зону, полностью находящуюся на суше и расположенную в Северном полушарии. Кроме государств, обладающих ядерным оружием в соответствии с Договором о нераспространении ядерного оружия 1968 г. (ДНЯО), с ЦАЗСЯО соседствуют страны, владеющие ядерным оружием де-факто – Индия и Пакистан.

Положения Семипалатинского договора перекликаются с основным обязательством неядерных государств, участвующих в ДНЯО: стороны обязуются не осуществлять исследований, разработки, производства, накопления запасов или иного приобретения, владения или контроля над любым ядерным оружием или другим ядерным взрывным устройством любыми средствами где бы то ни было. Кроме того, государства берут на себя обязательства “не искать и не получать никакую помощь в исследовании, разработке, производстве, накоплении, приобретении, владении или контроле над любым ЯО или другим ЯВУ”. Договор представляет собой первый многосторонний документ по ядерной безопасности, принятый одними только странами региона.

Еще одним важным форумом по безопасности в ЦА является **Совещание по мерам взаимодействия и доверия в Азии, СВМДА** (Conference on Interaction and Confidence-Building Measures in Asia – CICA). Идею созыва совещания впервые выдвинул в 1992 г. на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН президент Казахстана Н. Назарбаев, который поставил вопрос о необходимости международного форума, который занимался бы исключительно азиатскими проблемами – укреплением сотрудничества между азиатскими государствами в целях обеспечения стабильности и безопасности во всем регионе.

Ныне СВМДА объединяет 20 государств: Казахстан, Киргизстан, Таджикистан и Узбекистан, а также Азербайджан, Афганистан, Вьетнам, Египет, Индию, Иран, Ирак, Израиль, Иорданию, КНР, Республику Корея, Монголию, Пакистан, Палестину, Россию, Таиланд, Турцию, ОАЭ. Наблюдателями СВМДА являются 7 стран (Австралия, Индонезия, Ливан, Малайзия, США, Украина, Япония) и четыре международные организации (ООН, ОБСЕ, Лига арабских государств - ЛАГ). Еще два государства – Саудовская Аравия и Бангладеш претендуют на статус наблюдателей. Обращает на себя внимание, что для Израиля, избравшего Казахстан одним из своих главных партнеров в мусульманском мире, СВМДА является единственной региональной структурой, в которой он участвует вместе с арабскими странами, что открывает, по идее, перед азиатскими государствами более широкие возможности для посредничества в арабо-израильском конфликте. Этого, однако, так никогда и не произошло, не говоря о довольно пассивной роли, которую СВМДА сыграло в других проблемах, касающихся в том числе и ЦАГ.

Первый саммит СВМДА был проведен в 2002 г., второй в 2006. 8 июня 2010 г. прошел третий по счету саммит СВМДА в Стамбуле. Одновременное председательство Казахстана в этом объединении (на следующие три года оно переходит с июня 2010 г. к Турции) и ОБСЕ могло бы, по мнению казахстанских официальных лиц, послужить сближению этих двух форумов, способствовать тому, чтобы в рамках СВМДА использовался опыт ОБСЕ и наоборот. Но, увы, это остается лишь благим пожеланием. И, как справедливо полагает А. Куртов, идея объединить СВМДА и ОБСЕ “как раз является показателем не успеха, а краха назарбаевской идеи, поскольку в Азии систему коллективной безопасности пока создать не удалось.

¹⁰³ Здесь и далее цитируется по тексту Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии (Семипалатинск, 8 сентября 2006 года), опубликованному на сайте Посольства республики Узбекистан в Российской республике. URL: <http://www.uzembassy.ru/2612.htm>

Так что хотя подобные саммиты проводятся, особого эффекта они не дают”¹⁰⁴. Не смог этот форум внести реальный вклад в решении конфликтных ситуаций, как и других проблем, связанных с обеспечением безопасности в Азии.

Деятельность СВМДА постоянно перекрывается другими структурами с аналогичными задачами – ШОС, ОБСЕ, АСЕАН. Этими же проблемами, но связанными с постсоветским пространством, занимаются СНГ, ОДКБ и ЕврАзЭС. К тому же СВМДА, несмотря на изначально заявленные цели, никоим образом не воздействует на решение кризисных проблем в регионе, да и эффективные механизмы, которые позволили бы облегчить решение конфликтов совместными усилиями, так и не были созданы. СВМДА выполняет лишь функцию площадки для двусторонних переговоров и встреч, которые центральноазиатские участники Сопредседательства почему-то считают более удобным проводить в формате такого расширенного международного форума.

Непосредственно проблемами безопасности в Центральной Азии занимаются такие международные структуры, как ООН, НАТО, ОБСЕ, ОДКБ, ШОС. Но все они при внешней схожести поставленных задач проводят в регионе разнонаправленные действия. И в целом многостороннее сотрудничество ЦАГ в сфере поддержания безопасности отличается тем, что все его участники – государства региона, не сумев договориться относительно функций региональных объединений безопасности, участвуют в более широких коалициях, в состав которых входят другие страны. Кроме того, в этих коалициях не участвует Туркменистан, а Узбекистан представлен только в некоторых из них. Причины неудач интеграции в сфере безопасности связаны и с тем, что пять государств региона все еще не воспринимают себя единым целым, обращая свои интересы вовне и, порой, в диаметрально разные направления.

ООН и его агентства, занимаясь в ЦА в основном вызовами глобальной безопасности, видят в экономическом сотрудничестве стран региона путь к преодолению политической фрагментации, к достижению внутрирегиональной стабильности. Разделяют в ООН и озабоченность мирового сообщества кризисом в Афганистане, считая полезным пусть даже символическое подключение стран ЦА к процессу урегулирования. В этой связи обращает на себя внимание деятельность ООН в регионе в рамках Специальной программы ООН для экономик Центральной Азии (СПЕКА). Она была учреждена в 1998 г. Ташкентской декларацией, подписанной президентами Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, а также Исполнительными секретарями Европейской экономической комиссии ООН и Экономической и социальной и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО). Позже к СПЕКА присоединились Туркменистан, Афганистан и Азербайджан.

Хотя СПЕКА занимается в ЦАР в основном экономическими проектами (развитие транспортной инфраструктуры, использование водных и энергетических ресурсов ЦА и пр.), она не осталась в стороне и от проблемы, связанной с Афганистаном. На прошедшем 18-19 октября 2010 г. в Женеве форуме СПЕКА под названием “Укрепление регионального сотрудничества в Центральной Азии: вклад в долгосрочную стабильность и устойчивое развитие Афганистана” особое внимание было уделено выявлению возможностей для реализации тех трансграничных проектов, которые могут способствовать достижению стабильности в Афганистане. Как считают в ООН, развитие экономики является лучшим путем борьбы с экстремизмом и терроризмом как в ЦАГ, так и в Афганистане. Что же касается самих

¹⁰⁴ 20 держав Евразии подвергнут Израиль остракизму. Опубликовано 08.06.2010. Постоянный адрес: http://news.km.ru/20_derzhav_evrazii_podvergnut_iz

стран ЦАР, то они рассматриваются в ООН как один из важных компонентов достижения региональной стабильности.

Не менее серьезные виды на Центральную Азию, правда, больше в военно-политическом плане, имеют евроатлантические институты – НАТО и ОБСЕ.

НАТО использует ЦА как плацдарм для борьбы с окопавшимся в Афганистане международным терроризмом. Сама военная операция США в Афганистане, получившая название “Несокрушимая свобода” (Enduring Freedom), началась в октябре 2001 года в ответ на теракты 11 сентября. После разгрома основных сил движения Талибан в Афганистане была развернута военная миссия НАТО (ISAF – International Security Assistance Force), которая действовала на основании резолюции Совета Безопасности ООН от 20 декабря 2001 года. 11 августа 2003 г. НАТО взяла на себя функции “стратегического командования, контроля и координации деятельности Международных сил содействия безопасности для Афганистана (МССБ)”, а 1 октября Североатлантический совет одобрил долгосрочную стратегию НАТО “в осуществлении ее роли в составе МССБ в Афганистане”. Об этом Генеральному секретарю Совета Безопасности ООН сообщил в письмах от 2 и 6 октября 2003 г. Генеральный секретарь Организации Североатлантического договора лорд Робертсон¹⁰⁵. Операция в Афганистане вывела, таким образом, альянс за пределы Евро-Атлантического региона, способствовала давно планировавшейся трансформации НАТО в глобальную организацию и превращении ее в “демократическую” альтернативу якобы изжившей себя ООН.

Все государства ЦАР (за вычетом нейтрального Туркменистана) входят в действующую с 1994 г. программу НАТО “Партнерство ради мира” (ПРМ). Механизм ПРМ, позволив странам региона развивать свои подходы к обеспечению региональной и международной безопасности на многосторонней основе при поддержке европейских государств и США, стал также для США и Запада в целом основным каналом присутствия в ЦАР¹⁰⁶.

Еще в 2004 году на заседании Совета НАТО было принято решение придать приоритетное значение сотрудничеству альянса с ЦАР, при том что центром такого сотрудничества был избран Казахстан, с которым Альянс надеялся наладить взаимодействие на Каспии. Заявления властей Казахстана об отказе признавать советско-иранские договоры 1921 и 1940 годов единственными правовыми договорами, регулирующими статус моря, еще больше обнадежили натовских стратегов¹⁰⁷. В начале января 2007 г. Астану с визитом посетил специальный представитель Генерального секретаря НАТО по Кавказу и Центральной Азии Роберт Симмонс, который поддержал идею расширения сотрудничества альянса с Казахстаном в деле модернизации казахской армии, а также выработке современной военной доктрины республики. На данном этапе Казахстан сотрудничает с НАТО в рамках Плана действий индивидуального партнерства.

В марте 2003 года Киргизия вступила в проект НАТО “Процесс планирования и анализа”, который является одним из элементов программы “Партнерство во имя мира”. Из других центральноазиатских республик в проекте участвуют также Казахстан и Узбекистан.

¹⁰⁵ Письмо Генерального секретаря Организации Североатлантического договора от 2 октября 2003 года на имя Генерального секретаря Организации Объединенных Наций. Опубликовано 08.10.2003 на официальном сайте ООН. Документ S/2003/970. Постоянный адрес: www.un.org/russian/ha/afghanistan/s_2003_970.pdf.

¹⁰⁶ См. подробнее: *Гирагосян Р.* Военное присутствие США в Центральной Азии: “Большая игра” или “Большая выгода”? – Центральная Азия и Кавказ. 2004, № 1 (31), с. 62-72.

¹⁰⁷ *Габуев А.* Россия примет Нурсултана Назарбаева как неродного. – Коммерсантъ. 19.03.2007.

В ЦАР НАТО отдает предпочтение двусторонним контактам. Сотрудничество же с региональными объединениями – ОДКБ, ШОС, способствовало бы, по мысли западных стратегов, еще большей международной легитимации этих структур безопасности, являющихся серьезными конкурентами НАТО в ЦАР, признанию особой международной роли России, играющей в этих структурах лидирующую роль. Поэтому альянс избегает возможности налаживания каких либо официальных связей с ОДКБ, и в Брюсселе ведут себя так, словно ОДКБ не существует в природе. Причины подобного поведения вполне понятны. После распада СССР единая система безопасности Советского Союза частично трансформировалась как раз в ОДКБ, создающую основы коллективной безопасности бывших членов СССР. Однако подобное развитие событий, видимо, не отвечает взглядам некоторых руководителей западных (а также восточноевропейских и постсоветских государств), которые видят у центральноазиатских республик только натовское будущее. Некоторое время назад натовские войска пытались даже закрепиться в районах прохождения стратегических нефте- и газомагистралей, обосновывая это необходимостью их охраны. На это, например, был нацелен проект “Каспийская стража”. Однако ни это, ни другие начинания пока осуществить не удалось главным образом из-за активного противодействия им России, где многие политики и высокопоставленные военные считают, что присутствие в ЦАР нерегиональной и, по сути, посторонней военной силы нарушает существующие здесь балансы, подрывает суверенитет государств, бросает серьезный вызов российским интересам в Евразии.

Приоритетным направлением деятельности **Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)**, стало, как сказано в официальном коммюнике этой организации, “вовлечение стран Центральной Азии в работу Организации, в которую входит 56 стран”. Помимо традиционных целей – демократия, права человека, энергоресурсы — ОБСЕ ставит в последние годы в ЦАР относительно новую цель: расширение военного сотрудничества со странами региона. Очевидно, что в этом направлении ОБСЕ, находящаяся под сильным влиянием США, будет действовать в тесной координации с американской администрацией или, возможно, служить ее прикрытием, учитывая, что к Пентагону в Центральной Азии относятся с большим подозрением, нежели к европейским структурам безопасности.

В то же время после провозглашения российско-американской “перезагрузки” наметилась тенденция к более плотному сотрудничеству в ЦАР ОБСЕ со структурами безопасности СНГ. Так, в рамках встречи министров иностранных дел стран ОБСЕ в Алматы 16-17 июля 2010 г. состоялось также заседание руководителей ОБСЕ, ОДКБ, ООН, НАТО, СНГ, ЕС и Совета Европы. Эти организации объединяет то, что все они, так или иначе, занимаются вопросами обеспечения безопасности в регионе ЦА и в мире в целом.

Нельзя в то же время не признать, что региональные структуры (ОДКБ и ШОС) остаются на сегодняшний день в ЦАР единственными силами (помимо, разумеется, армий самих центральноазиатских государств), занятыми решением проблем безопасности региона: они помогают государствам ЦА отражать угрозы или же минимизировать их. Другое дело, что потенциал этих структур все еще не в полной мере задействован, и потому в ряде случаев они оказываются просто неэффективными.

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) – военно-политическая организация, тон в которой задает Россия, постепенно трансформируется из военно-политического блока в международную универсальную организацию безопасности, стремясь занять особую нишу, как в глобальной системе

международных отношений, так и на региональном уровне. В Центральной Азии работа ОДКБ, как и любой традиционной системы обеспечения военной безопасности, не выходит пока за пределы оперативного планирования, боевой подготовки, военно-технического сотрудничества и подготовки кадров.

Россия – особенно в свете имеющей тенденцию к расширению американского военного присутствия в южных регионах СНГ – попыталась вдохнуть новую жизнь в ОДКБ, и сегодня в расширенный список задач ОДКБ включены: отражение возможной агрессии, защита суверенитета и территориальной целостности государств-участников, борьба с террористической угрозой и наркоугрозой. Вместе с другими государствами, входящими в ОДКБ, Россия собирается оказать помощь силовым структурам Афганистана, упрочить свои позиции в ЦАР в качестве основного поставщика вооружений.

Исходя из того, что коллективные силы безопасности и многосторонние форматы больше всего подходят именно для Центральноазиатского региона, в ОДКБ было принято решение о создании Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР), а также собственного спецназа – Коллективных сил быстрого реагирования (КСБР). Эти решения во многом были ускорены сохранением в отдельных районах ЦАР военно-политической нестабильности, и рано или поздно эти структуры смогут быть задействованы для решения действительно насущных проблем, прежде всего пограничной борьбы с наркотрафиком из Афганистана. Для участия в КСОР, общая численность которых составит около 20 тыс. человек, Россия предоставила воздушно-десантную дивизию и десантно-штурмовую бригаду, Казахстан и Белоруссия – по десантной бригаде, а Киргизия, Таджикистан и Армения – по батальону. В октябре 2009 г. на территории Казахстана состоялись первые после подписания договора учения КСОР, в которых приняли участие подразделения России, Казахстана, Киргизии и Армении.

Обращает на себя внимание роль, которую ОДКБ сыграла в киргизских событиях 2010 г., связанных с “революционной” сменой власти в этой стране и последовавшими вслед за этим в июне 2010 г. столкновениями на этнической почве в Оше и Джалал-Абаде. Свой отказ вмешиваться в эти события лидеры ОДКБ объяснили отсутствием в уставе организации статьи, предусматривающей помощь в пресечении внутренних беспорядков и их ликвидации в странах-участницах организации. Не было и согласия или санкции ООН на проведение миротворческой операции. Многие посчитали тогда, что Россия, которая лидирует в ОДКБ, уронила тем самым свой авторитет. Особенно удивительно было слышать такие сентенции от политиков и средств массовой информации Запада, если вспомнить, какому остракизму подверглась там Россия в связи с ее вмешательством в конфликт в августе 2008 г. на Кавказе, где Москва защитила от вооруженной грузинской агрессии своих миротворцев, а также народы Южной Осетии и Абхазии. Особое негодование вызвало и то, что на эту акцию Россией не было получено санкции ООН. Теперь же от ОДКБ и от самой России требовали, чтобы они вмешались в киргизский конфликт, чтобы получить потом в награду град критики за “оккупацию независимого государства” или за то, что Россия воспользовалась конфликтом в Киргизии как предлогом для реализации своих “имперских амбиций”. На это, предвзято возмущаясь именно такого развития событий, стали намекать некоторые средства массовой информации в ЦА. Решительно воспротивился вхождению в Ош вооруженных формирований ОДКБ и Узбекистан, что разительно отличалось от его более чем спокойной реакции на обсуждавшиеся ранее планы появления в приграничном районе Киргизии натовского “антитеррористического центра”.

Но ОДКБ извлек все-таки определенный урок из киргизских событий, и на неформальном саммите этой организации, состоявшемся 20 августа 2010 г. в

Ереване, перед ее секретариатом был поставлен вопрос о подготовке поправок к уставу ОДКБ, который учитывал бы изменившиеся реалии и позволял осуществлять миротворческую функцию в случае возникновения внутреннего конфликта.

О растущем авторитете ОДКБ свидетельствует принятие 64-й сессией Генеральной Ассамблеей ООН резолюции “Сотрудничество между ООН и ОДКБ” и подписание Генеральными секретарями ООН и ОДКБ в Москве в марте 2010 г. декларации о сотрудничестве. Глава ОДКБ Николай Бордюжа заявил в этой связи, что это является признанием способности организации “вносить вклад в обеспечение безопасности в глобальном масштабе”¹⁰⁸. Речь идет о планах сотрудничества ОДКБ и Организации Объединенных Наций в борьбе с терроризмом, транснациональной преступностью (включая незаконную торговлю оружием) и урегулировании конфликтов. Это является и первым случаем международного признания ОДКБ в качестве регионального игрока, играющего важную роль в укреплении безопасности в Центральной Азии. Шаг ООН особенно знаменателен и в связи с тем, что Организация Североатлантического договора отказывает ОДКБ в таком признании.

Еще одной организацией, вносящей заметный вклад в поддержание безопасности ЦАР, является **Шанхайская организация сотрудничества** (ШОС). Она включает в себя, помимо РФ и КНР, четыре центральноазиатских государства. Кроме того, у ШОС есть страны-наблюдатели: Индия, Пакистан, Иран и Монголия. Вопрос о расширении ШОС пока заморожен, но представители стран-наблюдателей участвуют в работе организации, и она готовит документ о своем расширении. Нетрудно заметить главное отличие ОДКБ от ШОС: в первой, безусловно, доминирует Россия (она обеспечивает 50% бюджета организации), а на вопрос о лидерстве в ШОС дать однозначный ответ трудно.

ШОС и ОДКБ ставят схожие цели: в их числе – предотвращение конфликтов, обеспечение безопасности в Центральной Азии, подавление источников терроризма, борьба с экстремизмом и наркотрафиком. ШОС по мере развития добавила к этим задачам другие – развитие экономического сотрудничества, энергетическое партнерство, научное и культурное взаимодействие. Ныне ШОС обладает внушительным ресурсным и человеческим потенциалом. Общая территория входящих в нее стран составляет 30 млн. кв. км, или 60% территории Евразии. Ее совокупный демографический потенциал – это четвертая часть населения планеты. Можно ли, исходя из этого, надеяться на то, что ШОС превратится со временем во влиятельную структуру безопасности?

Теоретически, да. Но пока участники организации не используют в полной мере ее потенциал, а главное – не торопятся брать на себя всю полноту ответственности за обеспечение безопасности ЦАР. Впрочем, к такому развитию не слишком располагает и внешняя политика центральноазиатских государств. Они озабочены больше всего сохранением в неизыблемости своего суверенитета, что позволяет национальным элитам полноправно распоряжаться экономическим и культурным достоянием своих республик, а некоторым – и осуществлять без угрозы вмешательства извне властные полномочия в интересах авторитарного правителя либо приближенных из его клана. Пресловутая “многовекторность” открывает перед ними возможности получать дивиденды из различных источников, и их не устраивает перспектива участия в серьезном военном альянсе, какой мог бы сложиться в рамках ШОС (или же ОДКБ), где частные интересы и амбиции правящих господствующих групп в ЦАГ были бы тогда ограничены блоковой дисциплиной.

¹⁰⁸ Без России мира нет. Опубликовано интернет-газетой “Взгляд” 18.03.2010.
URL: <http://www.vz.ru/politics/2010/3/18/384821.html>

Сама ШОС, несмотря на то, что в основу организации заложен огромный потенциал, осталась формальным объединением (наподобие многих структур СНГ), используемого крупными региональными игроками для реализации действий, рождаемых теми или иными колебаниями внешнеполитической конъюнктуры. Так, потребовав в 2005 г. вывода американских военных баз из Центральной Азии, ШОС добилась своей цели только в отношении базы “Карши-Ханабад” в Узбекистане и то только потому, что официальный Ташкент испортил в то время отношения с США и ЕС. В случае же находящейся в Киргизстане крупной американской военной базы “Манас” дело так и не было доведено до конца: американцы, похоже, обосновались там достаточно прочно и, более того, им удалось в различных формах расширить свое военное присутствие в регионе, что, впрочем, больше не смущает членов ШОС ввиду изменившихся мировых реалий: Россия и Китай вовлечены в “перезагрузку” отношений с США; а центральноазиатские участники ШОС — в условиях суровых испытаний глобальным экономическим кризисом и в преддверии возможного завершения военной кампании в Афганистане — пытаются извлечь максимальную выгоду из своего географического положения, охотно предоставляя свои территории и инфраструктуру для американо-натовского транзита.

Или другой пример, касающийся Ирана. Это сопредельное с ЦАР государство, имеющее тесные культурные и экономические связи с регионом, получив статус наблюдателя в ШОС, давно добивалось приема в эту организацию в качестве полноправного члена, что, несомненно, повысило бы вес Ирана в международных делах и придало бы большую респектабельность его внешней политике. Членство в ШОС дало бы, наконец, Тегерану шанс заручиться международной поддержкой на случай резкого обострения отношений с Соединенными Штатами и другими западными странами. Но на июньском 2010 г. саммите ШОС в Ташкенте, как и на предшествовавших собраниях на высшем уровне этой организации, иранская сторона не получила даже никаких намеков на то, что ИРИ примут в ШОС. Это было воспринято Тегераном крайне болезненно, заставив его объявить о том, что он видит смысл в каком-либо сотрудничестве с ШОС только в качестве полноправного члена, а не сидящего на “приставном стуле”, когда все решения принимают совсем другие страны.

Между тем членство Ирана в ШОС, несмотря на то, что он является трудным и непредсказуемым партнером, могло бы облегчить возможности его соседей влиять на него по разным аспектам – и по ядерной программе, и по взаимодействию с региональными и глобальными державами. Включение в ШОС Ирана, а также двух других крупных азиатских государств – Индии и Пакистана, могло бы превратить ШОС в важный инструмент региональной политики, снять с организации подозрение в том, что она является всего лишь средством взаимного сдерживания России и Китая. Однако ни Россия, ни Китай, ни центральноазиатские государства, не пожелав портить из-за Ирана отношения с США и Евросоюзом, отказали Ирану в его просьбе, несмотря на то, что такой шаг мог бы способствовать решению одной из острых проблем безопасности, затрагивающей все страны региона. ШОС, таким образом, так и не стала самодостаточной организацией кооперативной безопасности, обеспечивающей условия для интегрированного развития входящих в нее стран.

Так и не выработала организация позиции в отношении Афганистана, где мира не наступило, а ситуация с каждым годом становится все более тупиковой, ибо нахождение в Афганистане значительной военной группировки стран НАТО во главе с Соединенными Штатами не принесло Афганистану реальной, а не декларативной стабильности. В ШОС звучат призывы активнее подключиться к решению афганской проблемы; предлагается предоставить Афганистану статус партнера по диалогу,

аналогичный тому, что существует в отношениях ШОС с Белоруссией и Шри-Ланкой; создана контактная группа “ШОС-Афганистан”. Но реально повлиять на ситуацию в Афганистане ШОС не в состоянии, да и вряд ли эта организация готова к этому.

Следовательно, несмотря на то, что ШОС реально функционирует и имеет достаточно полномочий решать на практике важные для региона вопросы, она остается недостаточно дееспособной структурой. Теоретически (если судить по ежегодно принимаемым ШОС решениям и их политико-информационному освещению) вес ШОС в международных делах велик. Однако в сухом остатке он оказывается незначительным, судя по практическим результатам деятельности организации. Членство в этой структуре также не дало каждой из стран-участниц тех перспектив, на которые они рассчитывали. В этой связи обозреватель казахстанской “Деловой недели” Юрий Сигов замечает: “Когда в Казахстане пройдет юбилейный, 10-й по счету саммит ШОС (в 2011 году – Д. М.), обсуждать первым лицам государств-членов этой организации прежде всего надо не текучку международных и региональных дел, а совершенно новую философию и смысл существования ‘Шанхайского клуба’. Который вроде бы уже и вырос из сшитых ему десять лет назад ‘детских штанишек’, но в серьезного и влиятельного международного и регионального игрока пока по крайней мере так и не превратился”¹⁰⁹. С этим выводом трудно не согласиться: те проблемы в сфере безопасности, ради которых ШОС и создавалась, не только не разрешены, но еще больше усугубились, а ШОС так и не смогла (или не захотела?) пересмотреть свою деятельность в свете новых угроз и вызовов, а также и изменившейся международной обстановки.

Справедливо и другое. Можно сколько угодно обвинять ШОС, а также структуры ОДКБ и другие действующие в рамках СНГ организации безопасности, в том, что они не помогают странам ЦА противостоять разнообразным вызовам и угрозам. Можно критиковать Россию (не всегда, впрочем, обоснованно) за инертность и недостаточные усилия по предупреждению потенциальных и разрешению действующих конфликтов в ЦА. Но справедливо и то, что большей согласованности действий в Центральной Азии мешает сложившаяся здесь многоуровневая архитектура обеспечения безопасности, где с ОДКБ и ШОС часто конкурирует и соперничает НАТО. Серьезной помехой служат также эгоистические интересы отдельных стран или элитных групп, амбиции некоторых политиков и их нежелание признать, что только коллективными усилиями можно минимизировать действующие и потенциальные угрозы, предотвратить не нужное народам региона противостояние. Пока на этом направлении будет ощущаться сильный дефицит политической воли, которую могли бы проявить лидеры государств ЦА, нерегиональные игроки будут все активнее претендовать на то, что именно они способны “разрулить” в ЦАР критические ситуации.

Интересы в сфере безопасности самих центральноазиатских государств варьируются и часто различаются между собой. Но есть проблемы, в решении которых заинтересованы все государства региона без исключения. Это — безопасность границ, защита от возможных внешних и внутренних угроз национальной безопасности, надежная защита природных ресурсов (водных, энергетических и пр.). Хотя государства Центральной Азии избрали разные модели развития (в Туркменистане и Узбекистане правящие господствующие группы больше полагаются на государственное регулирование экономических и политических процессов, стремясь по возможности изолировать население своих стран от внешнего воздействия; в Казахстане, Киргизии и Туркменистане большой упор

¹⁰⁹ Сигов Ю. “Шанхайский клуб” на распутье. Стремительно меняющаяся международная обстановка требует от руководства ШОС оперативного переосмысления многих постулатов ее деятельности. — Деловая неделя, Алматы, №23, 11.06.2010 (URL: <http://www.dn.kz/main/peace02.htm>).

делается на открытость, интеграцию и кооперацию), все они испытывают сложности в защите национального суверенитета, который и является ключевым условием для построения эффективной, а главное – работающей системы регионального взаимодействия в сфере безопасности.

Таким образом, центральноазиатские государства так и не смогли – хоть на базе СВМДА, хоть на базе других объединений – сосредоточиться на решении насущных региональных проблем безопасности. Вместо этого они стремятся вступать в разном качестве в разнообразные структуры, как региональные, так и глобальные – благо, выбор сегодня открывается богатый. Однако это явно идет в ущерб приоритетным интересам каждого ЦАГ, интересам, связанным с необходимостью предупреждать конфликты, а если они возникают, совместными усилиями разрешать их. Пока же конфликты в Афганистане и Ираке находятся в сфере деятельности США/НАТО, которые и не собираются привлекать к решению их ни СВМДА (где оба этих государства являются членами, а США – наблюдателем), ни какие-то другие региональные объединения. Так что реального влияния у СВМДА, ОДКБ, ШОС на эти конфликты нет и быть не может. Если же взять последние события в Кыргызстане, то и СВМДА, и ОДКБ, и другие организации вообще оказались в стороне. На их фоне выгоднее выглядело поведение ОБСЕ, которая хотя бы предприняла конкретные практические шаги, нацеленные на то, чтобы помочь властям республики разрешить данный конфликт и расследовать обстоятельства нарушения межэтнического мира.

Выступая за более тесную координацию действий в рамках СВМДА, ШОС, ОДКБ, их центральноазиатские участники полагаются больше не на совместные действия, а на двусторонние усилия, часто безрезультатные, ибо добиваться на этом пути решения сложных политических проблем региона, как и предотвращать или уменьшать число конфликтов, пока не получается. К этому следует добавить и то, что свою собственную безопасность ЦАГ стремятся обеспечивать не столько через соответствующие региональные объединения (ОДКБ, ШОС, КСОР и др.), сколько посредством установления связей с крупными игроками извне, в числе которых – НАТО. Попытки создать в регионе устойчивые экономические союзы или же объединения, призванные поддерживать безопасность, почти не привели к успеху. Там, где его теоретически лучше всего можно было бы достичь – в виде уравновешивающего НАТО военно-политического альянса (ОДКБ или же ШОС), ориентация на интересы внешних игроков и внутренние разногласия свели на нет возможность эффективного функционирования таких региональных группировок.

Тактика лавирования между мировыми центрами влияния (“многовекторность”), приносившая до недавнего времени некоторые дивиденды центральноазиатским правящим элитам, поскольку помогала им добиваться определенных преференций из разных источников, начала давать сбои, потому что геополитическое соперничество в ЦА обострилось, что в свою очередь стимулировало борьбу внутри элит в каждом государстве. Сами республики Центральной Азии столкнулись с серьезными межгосударственными проблемами, которые, хотя и не решаются, но не выходят пока за рамки чисто политических разногласий, что можно расценить как позитивный момент, поскольку в регионе нет эффективных структур, гарантирующих безопасность и стабильность. Центральноазиатский регион так и не стал единым целым, а внешнеполитические и внешнеэкономические векторы его государств по-прежнему обращены не столько во внутрь – друг на друга, сколько вовне. Но это не гарантирует ни устойчивого экономического роста, ни безопасного развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Центральноазиатские страны постараются, как и в предыдущие годы, воспользоваться разнообразием векторов сотрудничества, предоставляемых им выгодным географическим положением. Перед государствами региона будет стоять задача соблюсти баланс между всеми международными игроками в условиях, когда отношения между США и Россией, Евросоюзом и Россией улучшаются при одновременном российско-китайском сближении. Разыгрывая различные “карты” (российскую, американскую, китайскую, европейскую), ЦАГ попытаются извлечь максимальную выгоду от частично инициированной ими самими конкурентной геополитической борьбы. И все же трудно не согласиться с киргизским ученым Нуром Омаровым в том, что в “различных проектах будущего” Центральная Азия, несмотря на интерес к ней в наши дни как к “мировой кладовой”, останется “в периферийной зоне глобализации”¹¹⁰.

Чтобы максимально использовать свой богатый экономический потенциал, странам ЦА потребуется развивать сотрудничество на региональном уровне. Урегулирование политических различий — в частности, в водном и энергетическом секторах — будет иметь ключевое значение для укрепления регионального сотрудничества. Оно может способствовать экономическому росту ЦАГ, развитию потенциала внутрирегиональной торговли. В этом плане подписание в начале 2010 г. Таможенного союза между Россией, Казахстаном и Белоруссией может способствовать совершенствованию инфраструктуры региональных торговых отношений, восстановлению традиционных торговых путей, приданию импульса росту во всем евразийском регионе.

Россия за время непродолжительной “передышки”, которая совпадет с уходом сил многонациональной коалиции из Афганистана, должна будет быть готова к тому, что ей придется взять на себя дополнительные и в значительной мере усложнившиеся обязательства по обеспечению безопасности ЦАР. Это ей потребуется и для того, чтобы, во-первых, сделать безопасным свое собственное развитие, потому что отгородиться от центральноазиатских проблем при всем желании России не удастся. Во-вторых, России это нужно для того, чтобы не быть потесненной с позиций, на которых ей удалось утвердиться в период снижения накала американско-российского соперничества, вызванного отвлечением США на решение более неотложных, нежели центральноазиатские, проблем. Учитывая это, Москве имеет смысл активизировать “точечное” военно-политическое и экономическое сотрудничество со странами региона, вдохнуть новую жизнь в еще далеко не исчерпавшие свой потенциал организации – ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС, инициировать сотрудничество с региональными и международными силами с целью отражения действующих и потенциальных вызовов и угроз.

С Китаем Россия продолжит сотрудничество по различным торгово-экономическим и энергетическим проектам, а также и по проблемам безопасности (противодействие наркотрафику, терроризму, экстремизму, нелегальной миграции и пр.). Но в целом конкуренция между обоими государствами в ЦАР не только не снизится, но она станет еще более усложненной. А принимая во внимание нынешние масштабы китайского присутствия в регионе, более вероятным видится смещение баланса влияния в этой части постсоветского пространства в пользу Китая.

Американо-натовское присутствие в ЦАР под “зонтиком” антиталибской/антитеррористической военной операции в Афганистане уже

¹¹⁰ Омаров Н. Государства Центральной Азии в эпоху глобализации. Бишкек, 2008, с. 200.

создало для России риск утраты своего стратегического преимущества в ЦА, вытеснения этого региона вместе со всеми его углеводородами из сферы влияния России. Еще более неблагоприятная ситуация в ЦАР может сложиться для России (а также и для населяющих ЦАГ этнических русских) в ближайшие годы – после ухода из Афганистана основных сил международной коалиции. К этому Россия, похоже, не готова, поскольку даже такой весьма тревожный “звоночек”, каким стала киргизская “революция” образца 2010 года, не ускорил выработку Россией действенной стратегии, которая была бы адекватна новым вызовам, позволила бы защитить права этнических русских, создать надежный заслон от наркоэкспансии и религиозно-политического экстремизма, перемешанного с транснациональным терроризмом. Без такой стратегии России трудно рассчитывать на то, что она сможет реализовывать в ЦАР свои национальные интересы в сфере обеспечения безопасности.

Что касается проецирующего на Центральную Азию значительную часть рисков и угроз Афганистана, то он не станет, согласно американскому проекту “Большой Центральной Азии”, локомотивом интеграции Центральной и Южной Азии. Само присутствие здесь американо-натовских военных явилось мощной подпиткой для развертывания повстанческого движения, где главенствующая роль принадлежит талибам. Неясными в свете всего этого видятся перспективы восстановления разоренного войной Афганистана, превращения его в транспортный и энергетический коридор, установление в самих регионах Центральной и Южной Азии прочного мира.

Активизация военного фактора в Афганистане и Пакистане, следствием которого стало вытеснение укrywшихся здесь боевиков из состава этнических узбеков и таджиков, возвращающихся в массовом порядке на родину, создает реальную угрозу слияния местного экстремистского движения в ЦА с вооруженными выходцами из Афганистана. Отдельные вооруженные столкновения в ЦА могут приобрести характер партизанской войны, хорошо знакомой по опыту гражданской войны в Таджикистане.

США в обозримый период времени не откажутся от мирового лидерства, а, следовательно, и от стратегического присутствия в тех частях земного шара, где это связано с защитой американских интересов. Постараются они закрепиться и в Южной Евразии, что обусловлено, в ряду других важных причин, ресурсно-энергетическим и стратегическим факторами. В ближайшее время права человека и демократия будут играть второстепенную роль в повестке дня для ЦА Европейского Союза, США и других международных игроков. Подтверждением тому служит принятое 21 октября 2009 г. решение ЕС отменить эмбарго на ввоз оружия в Узбекистан, который изменил отношение к себе западных стран после того, как вышел из ЕврАзЭС, “заморозил” свое участие в ОДКБ и разрешил транзит невоенных грузов в Афганистан.

Партнеры России по НАТО, а также США и ЕС, несмотря на все разговоры про “перезагрузку”, не смогут преодолеть недоверие к России. Они не решатся на равноправное и взаимовыгодное сотрудничество ни с ней, ни с ОДКБ, ни с ШОС даже по такой важной для судеб НАТО проблеме, как Афганистан. Это будет обусловлено идеологическими соображениями, а также той стратегией, от которой они не собираются отказываться. Она заключается в вытеснении по возможности России из ключевых, с точки зрения западных интересов, постсоветских республик, недопущении их интеграции в объединения, где Россия сможет играть значимую роль (будь то Таможенный союз, ОДКБ, КСОР, ШОС и т. п.).

Если конкуренция за контроль над энергоносителями ЦА усилится, то серьезным раздражителем для Запада станет внешнеполитическая независимость

России на международной арене и ее нежелание поддерживать многие направления политики США/ЕС/НАТО (в отношении Китая, Ближнего Востока, Ирана). Но соперничество между Россией и США в Центральной Азии – по крайней мере, в период президентства Б. Обамы – не перерастет в военно-политический конфликт, поскольку противоречия будут смягчаться необходимостью взаимодействия в вопросах сокращения ядерных вооружений, борьбы с терроризмом и другими угрозами.

Россия в своем стремлении сохранить влияние в Центральноазиатском регионе, будет, как и сегодня, встречать многочисленные препятствия для продвижения своих интересов на коллективной основе в рамках существующих в СНГ организаций, поскольку сам регион не сформировался пока еще как единое политическое и интеграционное целое. А потому отношения РФ со странами Центральной Азии будут носить, как правило, двусторонний характер.

Тлеющие очаги нестабильности в афгано-пакистанской зоне управляемого конфликта, в Синьцзяне, Ферганской долине – угрозы, которые нависают, главным образом, над центральноазиатскими государствами, Китаем, Россией. Вероятность их возгорания весьма велика, что заставит на практике проверить реальную боеспособность существующих в регионе систем безопасности (ОДКБ и ШОС) и только еще формирующихся (КСОР). Очевидно, что ни один из центральноазиатских партнеров России по этим структурам в одиночку с растущими вызовами и угрозами не справится. Пресловутая “многовекторность”, в рамках которой одни страны ЦА пытаются балансировать между ОДКБ и НАТО, а другие – отдавать предпочтение военному сотрудничеству с США/НАТО, только размывает региональное взаимодействие, ослабляет совместные усилия. В условиях активизации ведущих мировых держав в Центральной Азии странам региона придется сделать непростой выбор – с кем, в каких сферах и на каких условиях сотрудничать. От этого во многом зависит не только будущее самих этих стран, но и обстановка в регионе, их взаимоотношения друг с другом и с Россией.

Подводя итоги, можно сказать, что населяющие ЦА народы больше всего рассчитывают на то, чтобы их регион превратился в площадку для сотрудничества, а не соперничества. Ведь сама Центральная Азия — это пространство, где развиваются независимые самостоятельные государства, стремящиеся стать не объектом, а субъектом международных отношений, и это обстоятельство следует уяснить различным глобальным и региональным игрокам, действующим в ЦА.

ЛИТЕРАТУРА

Абашин С. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетейя, 2007.

Акимбеков С. М. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. Алматы, 2003.

Барановский В. Трансформация мировой системы в 2000-х годах. – Международные процессы. М., 2010. Том 8, № 1 (22).

Белокреницкий В. Я. Восток в международных отношениях и мировой политике. М.: Восточный университет, 2009.

Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998.

Бисенбаев А. Другая Центральная Азия. Алматы, 2003.

Богатуров А., Дундич А., Троицкий Е. Центральная Азия: “отложенный нейтралитет” и международные отношения. Очерки текущей политики. Вып. 4. М., 2010.

Болгова И. В. Политика ЕС в Закавказье и Центральной Азии. Истоки и становление. М.: Навона, 2009.

Военно-политические конфликты в Центральной Азии. Алматы: Центральноазиатское агентство политических исследований, 2000.

Внешние связи стран Прикаспия в условиях глобального кризиса и интересы России. Отв. ред. Г. И. Чуфрин. М.: ИМЭМО РАН, 2010.

Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка. М.: Экономика, 2007.

Геополитика Каспийского региона. М.: ИМЭМО РАН, 2005.

Годы, которые изменили Центральную Азию. М.: Центр стратегических и политических исследований, 2009.

Даирова А. М. Исламский фактор в политических процессах Казахстана. М.: Научная книга, 2005.

Жуков С. В. Мировой рынок нефти и газа: игроки и стратегии. М.: ИМЭМО РАН, 2008.

Звягельская И. Д. Становление государств Центральной Азии. Политические процессы. М.: Аспект Пресс, 2009.

Звягельская И. Д., Наумкин В. В. Угрозы, вызовы и риски “нетрадиционного” ряда (Центральная Азия). М.: МГИМО, 2002.

Кадыров Ш. Элитарные кланы. Штрихи к портретам. University of Oslo: IFECAS, 2010.

- Казанцев А.А.* “Большая игра” с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М.: Фонд “Наследие Евразии”, 2008.
- Каримова А.* Региональное пространство в политической организации мира. М.: Институт востоковедения РАН, 2006.
- Киргизский переворот.* Март-апрель 2005. М.: Издательство “Европа”, 2005.
- Комиссина И. Н., Куртов А. А.* Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности. М.: Российский институт стратегических исследований, 2005.
- Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные.* Под ред. А. Д. Воскресенского. – М.: Аспект Пресс, 2008.
- Куртов А. А.* Государства Центральной Азии. - История Востока. Восток в новейший период (1945 – 2000 гг.). Том. 6. Глава 22. М.: Издательская фирма “Восточная литература” РАН, 2008.
- Лебедева М. М.* Мировая политика. М.: Аспект Пресс, 2006.
- Лузянин С. Г.* Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на “Большой Восток”. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
- Малышев Д. В.* Содружество Независимых государств: основные аспекты развития. М.: ЛЕНАНД, 2010.
- Михеев В.* Восточноазиатская “многополярность”: треугольник Россия-Китай-США. – Мировая экономика и международные отношения, 2009, №1.
- Михеев В. В.* Китай – Япония: стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире. М.: Изд-во Руслана Элинина, 2009.
- Мукумджанова Р. М.* Страны Центральной Азии: азиатский вектор внешней политики. М.: Научная книга, 2005.
- Наумкин В. В.* Центральная Азия в мировой политике. М.: МАКС Пресс, 2005.
- Наумкин В. В.* Ислам и мусульмане: культура и политика. М.: ИД “Медина”, 2008.
- Новая Большая игра в Большой Центральной Азии.* Мифы и реальность. Отв. ред. М. Н. Омаров. Бишкек, 2005.
- Новые тенденции во внешней политике России в Центральной Азии и на Кавказе.* Отв. ред. Г. И. Чуфрин. М.: ИМЭМО РАН, 2008.
- Омаров Н.* Государства Центральной Азии в эпоху глобализации: поиски стратегии развития. Бишкек, 2008.
- Омаров Н. М.* Внешняя политика Кыргызской Республики в эпоху “стратегической неопределенности”. Бишкек: Илим, 2005.

Перспективы сотрудничества Казахстана и России в новых геополитических условиях: материалы 4-й двусторонней международной научно-практической конференции КИСИ-ИМЭМО. Отв. ред. Б. К. Султанов. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при президенте РК, 2009.

Политические системы и политические культуры Востока. М.: Восток-Запад, 2006.

Примаков Е. М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: ИИК “Российская газета”, 2009.

Потапов М.А., Салицкий А. И., Шахматов А. В. Возрождение Азии: горизонты модернизации. М.: ТЕИС, 2007.

Рахматуллаев Э. Миротворчество ООН в Таджикистане. М.: Центр стратегических и политических исследований, 2001.

Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии. Пер. с англ. М.: Библион-Русская книга, 2003.

Россия в Азии: проблемы взаимодействия. М.: РИСИ, 2006.

Санаи М. Отношения Ирана с центральноазиатскими странами СНГ. Социально-политические и экономические аспекты. М.: “Муравей”, 2002.

Состояние и перспективы взаимодействия России со странами Центральной Азии и Закавказья. Отв. ред. Г.И. Чуфрин. М.: ИМЭМО, 2009.

Средняя Азия: андижанский сценарий? М.: Издательство “Европа”, 2005.

Сыроежкин К.Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы: “Дайк-Пресс”, 2003.

Сыроежкин К.Л. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2006.

Треугольник Россия – Китай – США в АТР: факторы неопределенности. М.: ИМЭМО РАН, 2009.

Формирование действенных структур безопасности и сотрудничества в Центральной Азии. Отв. ред. Г. И. Чуфрин. М.: ИМЭМО, 2007.

Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

Центральная Азия: десять лет независимости. Реф. сб. М.: ИНИОН РАН, 2002.

Центральная Азия в системе международных отношений. Сборник научных статей. М.: Институт востоковедения РАН, 2004.

Чжао Хуашэн. Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества. М.: Московский центр Карнеги. Рабочие материалы № 5, 2005.

Чуфрин Г. И. Россия в Центральной Азии. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2010.

Шанхайская организация сотрудничества: взаимодействие во имя развития. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2006.

Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. М.: МГИМО, 2007.

Южный фланг СНГ. “Общие соседи” и “восточные партнеры” сквозь призму Каспия. Вып 3. М.: МГИМО, 2009.

Central Asia: a gathering storm? New York: M. E. Sharp, 2002.

Davis J.K., Sweeney M. J. Central Asia in U.S. Strategy and Operational Planning: Where do we go from here? Washington: The Institute for Foreign Policy Analysis, 2004.

European Union and Central Asia: strategy for a new partnership. Brussels: European communities, 2007.

Parkash M. Connecting Central Asia. A road map for regional cooperation. Asian Development Bank, 2006.

The Security of the Caspian Sea region. Ed. By Gennady Chufrin. SIPRI, 2001.

Starr S. F. A ‘Greater Central Asian partnership’ for Afghanistan and its neighbors. Silk Road paper. Washington, 2005.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

www.akipress.org/ Информационное агентство, Киргизстан

www.america.gov/ Бюро международных информационных программ Государственного департамента США

www.bbc.co.uk/russian/ Сайт “Русской службы ВВС”, Лондон

www.centrasia.ru/ Новостной портал ЦентрАзия

www.ca-news.org/ Центральноазиатская новостная служба, Киргизстан,

www.continent.kz/ Журнал “Континент”, Казахстан

www.dkb.gon.ru/ Официальный сайт ОДКБ СНГ

www.dn.kz/ Он-лайн версия газеты “Деловая неделя”, Казахстан

www.dw-world.de/russian/ Сайт “Немецкой волны”, Германия

www.eurasianet.org/ Информационный сайт издания “EurasiaNet”, Нью-Йорк

www.eurasianhome.org/ Информационный сайт издания “Евразийский дом”, Москва

www.feghana.ru/ Информационное агентство Фергана.ру

www.crisisgroup.org/ Сайт “International Crisis Group”

www.iwpr.net/ Сайт “Institute for War & Peace Reporting”, London

www.regnum.ru/ Информационное агентство Регнум, Москва

<http://ru.trend.az> Информационное агентство TREND, Азербайджан

www.uzinform.org/ Информационный портал Узбекистана “УЗИНФОРМ”

Об авторе

Малышева Дина Борисовна – главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, автор ряда работ по Центральной Азии и Каспийскому региону. В их числе:

Монографии: Конфликты в развивающемся мире и Содружестве Независимых Государств: религиозный и этнический аспекты. М.: ИМЭМО, 1997; Россия и Каспийский регион: проблемы безопасного развития. М., МЭИМО, 2002; Россия и Мусульманский Север в водоворотах нового миропорядка. М.: ИМЭМО, 2003.

Статьи и главы в коллективных работах: Центральная Азия в свете российско-американской “перезагрузки” - Внешние связи стран Прикаспия в условиях глобального кризиса и интересы России. М.: ИМЭМО РАН, 2010; Деловые партнеры России в Центральноазиатском регионе - Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции. М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2010; Россия - Центральная Азия: стратегическое партнерство и интересы внешних игроков – Россия и новые государства Евразии. М., 2009, № 1; Безопасность Центральной Азии в условиях глобального кризиса - Состояние и перспективы взаимодействия России со странами Центральной Азии и Закавказья. М.: ИМЭМО, 2009; Национальные интересы и национальная стратегия России в Центральной Азии - Новые тенденции во внешней политике России в Центральной Азии и на Кавказе. М.: ИМЭМО РАН, 2008; “Многовекторная” энергополитика центральноазиатских стран - Год планеты: ежегодник. М.: Наука, 2008; Республика Узбекистан. Международные отношения. – Центральная Евразия 2007. Аналитический ежегодник. SA&CC Press, 2008; Центральная Азия в фокусе региональной политики – Мировая экономика и международные отношения (МЭИМО), М., 2007, №12; Перспективы расширенной Шанхайской организации сотрудничества - Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. М., МГИМО, 2007; Центральная Азия в свете “демократических революций” - МЭИМО, 2006, № 8; Центральная Азия и Южный Кавказ: региональная безопасность в эпоху нового миропорядка - Центральная Азия и Кавказ. Стокгольм, 2004, № 2 (32); Central Asia: The Geopolitical Context after the Iraq War. - Central Asia and South Caucasus Affairs. Almaty, 2003.